

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Базашева, (Большая Садовая, д. № 49—2).

1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Первыя страницы русской исторіи. . . . Д. Θ. Щеглова.

Иванъ Поконковъ. (Продолженіе). . . . А. Г. Брикнера.

Индійскія сказки. (Продолженіе). . . . И. П. Минаева.

Опыты по исторіи развитія христіанской
легенды. II. (Продолженіе.) . . . А. Н. Веселовскаго.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen von Dr.
Julius Jolly (Исторія неокончательнаго накло-
ненія въ индо-европейскихъ языкахъ д-ра
Юлія *Jolly* (Жоли?) И. А. Бодуэна-де-
Куртена.

О болѣзняхъ, препятствующихъ учащимся
посѣщать классы А. Верениуса.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: низшія
училища.

Статуы Берлинскаго королевскаго Фрид-
риха-Вильгельма университета.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣтки)

ПЕРВЫЯ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(Опытъ проверки важнѣйшихъ исследованийъ касательно начала Русскаго государства).

I.

„Въ наукѣ обыкновенно бываетъ такъ: если исходная точка зрѣнія вѣрна, то всякій новый трудъ, произведенный въ томъ же направленіи, увеличиваетъ запасъ данныхъ и прибавляетъ свѣту для разъясненія минувшихъ вѣковъ. И наоборотъ, исходя изъ ложной точки зрѣнія, труды, хотя бы и талантливыхъ ученыхъ, остаются почти безплодны для положительнаго рѣшенія темныхъ вопросовъ и приносятъ пользу, если можно такъ выразиться, отрицательную, то есть, убѣждаютъ, что не въ этомъ направленіи надобно искать истины. Это именно и случилось у насъ съ норманскою школою; послѣ ея полуторастолѣтней работы наша начальная исторія и наше происхожденіе остаются покрытыми такимъ же мракомъ невѣдѣнности, какъ во время Байера, основателя этой школы“.

Слова эти принадлежатъ г. Иловайскому, и онъ безспорно имѣлъ право сказать ихъ, указавъ въ своихъ исследованияхъ о началѣ Русскаго государства всѣ тѣ слабыя стороны норманской теоріи, которыя чловѣку не предубѣжденному не позволяютъ успокоиться на ней.

Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что Русское государство началось призваніемъ князей изъ чужой земли, изъ-за моря. Но фактъ этотъ представлялъ бы вѣчто совершенно нигдѣ и никогда не бывалое. Совершенно невозможно представить себѣ, чтобы народъ молодой, вѣрнѣй, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ справедливо сказалъ Карамзинъ, что такіе народы любятъ вольность, не беспокоясь о томъ, что она служитъ препятствіемъ для благоустроеннаго порядка, чтобы такой народъ добровольно отказался отъ своей вольности и самъ призвалъ

къ себѣ правителей, господъ изъ другой народности, какъ разказываетъ намъ лѣтописецъ. Разказъ лѣтописца тѣмъ болѣе невѣроятенъ, что онъ обставленъ очевидно легендарными подробностями. Тутъ являются три брата, двое умираютъ, третій остается одинъ, и подобно многимъ другимъ сказочнымъ героямъ, основываетъ царство. Призываетъ князей даже не одинъ народъ, а два народа, другъ другу чуждые и даже враждебные, Чудь и Славяне, которые какъ будто только для совершенія этого необыкновеннаго дѣла соединились. Призываютъ они князей изъ такой народности, которая въ то время навела страхъ на всю Европу, которая передъ тѣмъ покорила и этихъ самыхъ Славянъ и эту Чудь и брала съ нихъ дань, и отъ которой Славяне и Чудь едва избавились съ помощію оружія.

Далѣе лѣтописецъ разказываетъ, что призванные князья принадлежали къ народу Русь, обитавшему будто бы за моремъ Балтійскимъ въ средѣ другихъ Скандинавскихъ народовъ. Но послѣ самыхъ тщательныхъ изысканій оказалось, что такого народа никогда не было между народами Скандинавскими ¹⁾. По словамъ лѣтописца, призванные князья привели съ собою весь свой народъ, всю Русь; но новый народъ, поселившійся среди Славянъ и Чуди и начавшій господствовать надъ ними, не оставилъ никакихъ слѣдовъ ни въ учрежденіяхъ, ни въ правахъ, ни въ языкѣ, ни въ религіи новаго государства, ни даже въ названіи какихъ-нибудь мѣстностей, между тѣмъ какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ происходило противное: Франки, Лонгобарды, Готы, поселившись на земляхъ Римской имперіи, вездѣ ввели свои учрежденія, свой государственный строй; Саксы въ Британіи, кромѣ того, вытѣснили изъ употребленія туземный языкъ. Норманны, поселившись въ Нормандіи, даже въ зависимости отъ королей Французскихъ, оставили свои слѣды въ десяткахъ названій мѣстностей, и потомъ, овладѣвъ Англійей, оказали столь могучее вліяніе на языкъ страны, что съ того времени онъ состоитъ лишь на половину изъ словъ англо-саксонскихъ, а на половину изъ словъ того языка, которымъ говорили сподвижники Вильгельма Завоевателя.

¹⁾ Г. Иловайскій въ этомъ случаѣ дѣлаетъ своимъ противникамъ даже самую лишнюю и неправильную уступку, допуская, что у Титмара или Саксона Грамматика есть какая-то особая Русь, *Rusia* или *Russia*,—при устьяхъ Нѣмана. Ни Титмаръ, ни Саксонъ, ни Адамъ Бременскій, ни Петръ Дюксбургскій не знаютъ никакой Русь, кромѣ нашего отечества. Норманисты никогда и не указывали здѣсь Русь; здѣсь указывали ее только г. Костомаровъ вслѣдствіе крупнаго недоразумѣнія.

Потомъ, — Рюрикъ съ братьями пришелъ въ 862 году, во второй половинѣ IX вѣка; но еще раньше конца того же вѣка имя Руск сдѣлалось извѣстно и на южныхъ берегахъ Каспійскаго моря, и въ Константинополь. Страна, лежащая по средней Камѣ, несомнѣнно уже въ началѣ X вѣка называется Россіей. Въ то же время бассейнъ Днѣпра со всѣми его притоками уже принадлежитъ Русскимъ князьямъ. Обширнѣйшая держава возникла въ продолженіе трехъ десятковъ лѣтъ, и никѣмъ это не замѣчено; ни восточные, ни западные, ни византійскіе писатели ничего не знаютъ о возникновеніи новой державы. Мало того: это осталось неизвѣстнымъ и въ той самой странѣ, откуда пришли князья. Скандинавскіе выходцы основали въ продолженіе трехъ десятковъ лѣтъ государство, превосходившее своимъ пространствомъ, а можетъ быть, и населеніемъ, всѣ тогдашнія государства Европы, а между тѣмъ это замѣчательнѣйшее событіе не оставило по себѣ никакого отголоска въ богатой скандинавской литературѣ сагъ. О Роллонѣ, овладѣвшемъ одною только провинціей Франціи и притомъ не основавшемъ самостоятельнаго государства, а вступившемъ въ вассальныя отношенія къ королю Франціи, саги знаютъ, а о Рюрикѣ молчатъ. Между тѣмъ можно ли даже сравнивать значеніе Роллона и Рюрика не только для потомства, но и для современниковъ?

Древніе Руссы, первые историческіе обитатели Россіи, представляются всѣми иностранными источниками, византійскими—арабскими, скандинавскими, какъ народъ торговый. Торговый духъ—это одна изъ самыхъ главныхъ чертъ его. Руссъ на Волгѣ—торговецъ, на Днѣпрѣ, на порогахъ—торговецъ, въ Константинополь онъ тоже торговецъ. А древніе Скандинавы никому неизвѣстны какъ торговцы, ихъ знаютъ по берегамъ всѣхъ европейскихъ морей только какъ разбойниковъ. Какъ произошло это быстрое превращеніе пирата въ торговца? Древняя Скандинавія, какъ и древняя Россія, была въ торговыхъ связяхъ и съ востокомъ, и съ западомъ. Но торговля Скандинавовъ была не активная, а пассивная, торговля Руссовъ—активная. Еще изъ сагъ видно, что Скандинавы только покупали въ Россіи разнообразныя произведенія другихъ странъ, которыя они находили у русскихъ торговцевъ; слѣдовъ же активной торговли Скандинавовъ ни изъ чего не видно ¹⁾.

¹⁾ Расмуссенъ въ сочиненіи: «De Orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo» только на основаніи извѣстій сагъ и археологическихъ данныхъ до-

Короче: успокоиться на норманской теоріи можно только при очень большой охотѣ къ этому, не смотря на положительное увѣреніе нашего лѣтописца, не смотря на мнѣніе объ этомъ предметѣ Лунтпранда, не смотря на извѣстіе Пруденція Галиндо и не смотря на имена князей и дигпрорскихъ пороговъ, яко бы скандинавскія.

II.

Ко всѣмъ этимъ дополнительнымъ доказательствамъ скандинавскаго происхожденія Руссовъ мы еще возвратимся, вполнѣ признавая, что съ теоріей, которая почти безраздѣльно господствовала у насъ въ продолженіе полутора столѣтій, нужно вести счеты болѣе обстоятельныя; теперь замѣтимъ только, что великому успѣху этой теоріи содѣйствовали не столько ея научныя достоинства, сколько постороннія обстоятельства, о чемъ, впрочемъ, уже не разъ было заявлено. Первыми научными изслѣдователями нашей исторіи были Нѣмцы, и хотя, конечно, послѣдователямъ норманской теоріи трудно сознаться, что національность изслѣдователей имѣла вліяніе на направленіе ихъ изслѣдованій, но намъ кажется достаточнымъ сопоставить нѣкоторые факты, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Такъ или иначе, но первые норманисты Вайеръ, Шлецеръ, Миллеръ, Штриттеръ, Тунманъ, Лербергъ были Нѣмцы, а они-то именно и дали направленіе движенію въ изслѣдованіи вопроса о началѣ Руси. Далѣе, въ числѣ послѣдователей ихъ опять-таки наиболѣе видное мѣсто занимаютъ Нѣмцы, какъ Френъ, Кругъ и г. Буникъ; противниками же норманистовъ были почти

называетъ существованіе торговли Скандинавовъ съ востокомъ. Но всѣ данныя, приводимыя имъ, показываютъ, что Скандинавы только покупали въ Россіи товары, которые Русскіе собирали изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ. Такъ Гаральдъ Гаарачеръ послалъ родственника своего Гаука Габрони въ Россію для покупки товаровъ, и Гаукъ привезъ ему между прочимъ дорогую нарчевую тунику. Одинъ купецъ привезъ Олагу Святому изъ Россіи шелковыя ткани, дорогіе мѣха и коверъ. А послѣ убійствъ Олаговъ, Ярославъ запретилъ всякую торговлю между Россіей и Норвегіей (стр. 16 и 17). Нѣсколько подобныхъ фактовъ касательно торговли Россіи съ Скандинавіей я приведу ниже. Всѣ они подтверждаютъ, что Россія была рынкомъ, на которомъ скоплялись богатства всѣхъ сосѣднихъ странъ. А Скандинавы только покупали ихъ здѣсь, плата за нихъ произведеніями своихъ странъ, и быть можетъ, деньгами, продуктомъ своихъ грабежей. Быть можетъ, но крайней дѣль отчасти этимъ путемъ попали въ Россію англо-саксонскія монеты, такъ какъ Англія была преимущественнымъ мѣстомъ грабительскихъ походовъ Норманновъ.

исключительно Русские ¹⁾: Ломоносовъ, Татищевъ, Болтинъ, Венелинъ, Морошкинъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Каченовскій, Строевъ, Максимовичъ, Надеждинъ, преосв. Порфирій, гг. Костомаровъ, Гедеоновъ, Иловайскій. Ясное дѣло, что какая-нибудь общая причина направляла труды тѣхъ и другихъ ученыхъ въ одну сторону. Это не зависѣло ни отъ степени ихъ образованія, ни отъ случайнаго знакомства съ источниками, наклонявшими ихъ въ ту или въ другую сторону. И та, и другая причина должны были дѣйствовать одинаково и на Нѣмцевъ, и на Русскихъ. И безъ особенной общей причины количество норманистовъ и противниковъ ихъ, по теоріи вѣроятностей, распредѣлилось бы въ обѣихъ группахъ, равными частями. Общую же причину, наклонявшую Нѣмцевъ къ норманской теоріи, а Русскихъ къ отрицанію ея, было вліяніе національности: Нѣмцамъ весьма пріятно было доказать, что Русское государство основано людьми, принадлежащими къ ихъ племени; Русскимъ это не нравилось. Говоря это, я нисколько не заподозриваю честнаго отношенія къ дѣлу кого-либо изъ названныхъ ученыхъ. Всѣ они поддавались вліянію національности, сами не замѣчая того, какъ это обыкновенно бываетъ.

Перевѣсъ Нѣмцевъ легко объясняется, кромѣ большей привычки ихъ къ ученнымъ работамъ, перешедшей къ нимъ по традиціи отъ ихъ предшественниковъ, тѣмъ, что всѣ они работали въ одномъ направленіи, поправляя и дополняя другъ друга, такъ что они достаточно разработали свою теорію, прежде нежели кто-нибудь изъ противниковъ ихъ выступилъ съ серьезнымъ трудомъ. А Русскіе, выступивъ на ученую арену поздно, дѣйствовали кромѣ того въ разныхъ направленіяхъ, опровергая и норманскую теорію, и теоріи всѣхъ другихъ ея противниковъ: одни искали начала Руси у Славянъ Русскихъ или Прибалтійскихъ, другіе у Финновъ, третьи у Пруссковъ, четвертые у Литовцевъ. Труды каждаго ученаго были бесполезны для другихъ; каждый долженъ былъ самъ начинать съ начала, что представляло тѣмъ болѣе затрудненій, что ученые Нѣмцы прежде всего извели

¹⁾ Изъ Нѣмцевъ вооружался противъ норманской теоріи только Эверсъ съ некоторыми изъ своихъ учениковъ; и этотъ фактъ весьма знаменателенъ, потому что ученость и критическія способности Эверса чрезвычайно высоко дѣйствительно самими норманистами. Изъ Русскихъ наиболѣе усерднымъ норманистомъ былъ Карамзинъ, большой поклонникъ всего западнаго и противникъ руссоиды Шишкова; а за нимъ—Погодинъ и Бутковъ, которые вступили на поприще науки уже съ готовыми возразеніями, то-есть, съ норманскою теоріей, которой Карамзинъ своимъ авторитетомъ далъ окончательный перевѣсъ.

на свѣтъ Божій именно тѣ историческія свидѣтельства, которыя говорили въ пользу ихъ теорій, оставляя безъ вниманія тѣ, которыя противорѣчили ей. Наконецъ, важнѣйшія данныя, которыя подсѣкаютъ норманскую теорію въ корнѣ, именно важнѣйшія извѣстія арабскихъ писателей и данныя археологическія, въ то время совсѣмъ не существовали для науки, будучи погребены въ землѣ или въ темныхъ углахъ библиотекъ, такъ что противники норманистовъ, за исключеніемъ критики ихъ теорій, и не могли представить имъ съ своей стороны чего-нибудь такого, что могло бы съ успѣхомъ замѣстить пустоту, которая должна была образоваться въ наукѣ вслѣдствіе ихъ возраженій.

Это продолжается и до нашихъ дней; пустота, безъ сомнѣнія, образовалась. Руси норманской вѣтъ; Ruotzi и Rodsin оказались несостоятельными. И г. Кунинъ, наиболѣе спокойный и безпристрастный защитникъ норманской теоріи, призналъ, что требованіе, предъявленное норманистамъ противниками ихъ (г. Гедеоновымъ) открыть „природныхъ шведскихъ Россовъ совершенно справедливо“¹⁾, послѣ того какъ

¹⁾ Прилож. къ т. VI *Зам. Ак. Н.* № 2, стр. 62. Только Погодинъ не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ уступокъ. Такъ, даже признавая, что ни Ruotzi, ни Rodsin не объясняютъ Несторовой Варяжской Руси, онъ совсѣмъ и не думаетъ замѣнить чѣмъ-нибудь эту упавшую подпору норманской теоріи. Понимая, что норманская теорія держится почти единственно на разказѣ Нестора, Погодинъ старается поддержать его значеніе, сильно поколебленное г. Гедеоновымъ, находя его достоинства въ его простотѣ (а г. Кунинъ призналъ въ немъ отголоски ложной Краковской учености), вѣрности самому себѣ (а г. Гедеоновъ благодаритъ его за противорѣчія, которыя, впрочемъ, и всѣми признаются), согласіи съ иностранними свидѣтельствами (а Русь-скандинавское племя, победы Святослава въ Вулгаріи, Олегъ предъ Царьградомъ, Великій водный путь?), согласіи съ естественнымъ ходомъ вещей (а призваніе двумя враждебными народностями князей изъ третьей враждебной народности, или улаживаніе христіанскаго царя за взоею крестницею, которой притомъ было подъ 70 лѣтъ?). Стремленіе поднять Нестора, какъ главную опору норманской теоріи, приводитъ Погодина къ тому, что Нестора онъ называетъ самымъ благонадежнымъ свидѣтелемъ, «современникомъ, очевидцемъ», и именно по отношенію къ разказу о призваніи князей (тамъ же, стр. 4). Несторъ отдѣленъ отъ Рюрика болѣе, чѣмъ двумя вѣками, а Погодинъ называетъ его современникомъ и очевидцемъ! «По нашей системѣ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ Погодинъ, — «всегоораздо простѣе и легче такъ назывались Варяги Русью, какъ другіе Варяги называются Свейми, другіе Англами, другіе Готами, Мурманамъ тако и сн. Въ Аестовѣ части сѣдять Варяги: Свей, Урмане, Готъ, Русь, Агляне» и т. д. — «Вотъ между какими народами показывается Русь», продолжаетъ Погодинъ; — «вотъ два капитальныя мѣста, на которыкъ

последнее убъжище ихъ Roslagen оказалось несостоятельнымъ; г. Кунинъ призналъ силу другихъ доказательствъ, направленныхъ г. Геденовыми противъ норманской теоріи, призналъ подозрительность числа *три* въ разказѣ Нестора о призваніи князей (стр. 60), признаетъ его склонность къ произвольной систематикѣ, хотя и не согласенъ съ тѣмъ, чтобы она замѣтна была у него „въ сказаніи о происхожденіи Варяго-Руссовъ“. Г. Кунинъ подалъ при этомъ надежду, что когда-нибудь удастся, можетъ быть, доказать, что княжескій родъ Росъ жилъ не на материкѣ Швеціи, намекая, что его можно еще искать на островахъ Готландъ и Даго (*Зап. Ак. Н.*, прилож. къ т. VI, стр. 60). Но пока все-таки ни народа, ни княжескаго рода съ именемъ Русъ въ скандинавскомъ мірѣ не отыскано.

Пустота существуетъ, и я буду доказывать, что съ этой стороны, изъ скандинавскаго міра, она не можетъ быть пополнена. Гг. Геденовъ и Иловайскій также не дополнили ее. Представивъ очень сильныя возраженія противъ норманской теоріи, поколебавъ достовѣрность Несторова разказа о призваніи князей и о существованіи Руси скандинавской, чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, сами они замѣняютъ разказъ Нестора, чѣмъ доказываютъ существованіе своей Руси Киевской?

Извѣстіе нашей лѣтописи о призваніи князей не носитъ на себѣ ни одного признака исторической истины; но нельзя думать, чтобы Несторъ¹⁾ самъ сочинилъ это извѣстіе: онъ былъ достаточно добросовѣстенъ, чтобы не дѣлать этого. Мысль Шлецера, что онъ могъ сознательно лгать изъ ложно понятаго патриотизма, какъ справедливо замѣчено, противорѣчитъ даже его собственному взгляду на Нестора. Несторъ могъ даже и Святославу приписывать побѣды въ

видится живіе о норманскомъ происхожденіи Руснъ (стр. 40). Эти слова Погодина имѣютъ большой смыслъ. Указывая основу норманской теоріи въ двухъ приведенныхъ мѣстахъ лѣтописца, въ которыхъ лѣтописецъ явнымъ образомъ ошибся, такъ какъ Руси между Свейми, Урмиами, Готами не было, Погодинъ самъ невольнымъ образомъ обнаруживаетъ ея несостоятельность.

¹⁾ Приписывая Нестору извѣстіе о призваніи князей, я не хочу показать этимъ, что считаю Нестора, Киевскаго монаха, дѣйствительнымъ авторомъ лѣтописи, носящей его имя. Быть можетъ, авторомъ ея былъ кто-нибудь другой. Несторъ—это принятое имя для перваго русскаго лѣтописца, подъ которымъ скрывается даже не одинъ авторъ, и не два, а нѣсколько, такъ какъ въ начальной лѣтописи есть нѣсколько вставокъ. Очень вѣроятно, что и самое извѣстіе лѣтописи о призваніи князей, равно какъ ея этнографія западной Европы и сѣверной Россіи, вставлены въ лѣтопись впоследствии. На это есть довольно ясныя указанія.

Болгарин, основываясь на дошедшихъ до него разказахъ, такъ какъ побѣжденные очень рѣдко признають себя побѣжденными, а черезъ сто лѣтъ народному преданію очень легко и пораженіе превратить въ побѣду. Очень вѣроятно, что Несторъ только приспособилъ къ началу Русскаго государства какую-нибудь легенду, и онъ имѣлъ къ этому даже поводы, и даже, быть можетъ, матеріалъ для того. Что касается до Руси скандинавской, очень вѣроятно, что онъ самъ сочинилъ ее, но сочинилъ не какъ сказку, а какъ слово науки; это былъ результатъ его изысканій. Шлецеръ замѣтилъ, что Несторъ не разъ повторяетъ, что Русь есть Варяжское племя, какъ Свен, Готы и пр., какъ будто опасаясь, что не поймутъ, или что недостаточно обратятъ вниманія на его слова. Это неоднократное повтореніе и показываетъ, что Русь варяжская была плодомъ домысла Несторова, что никто ея не зналъ, что мысль о ней Несторъ старался втолковать современникамъ. Но поводомъ къ домыслу было его собственное убѣжденіе и убѣжденіе его современниковъ, что имя Русь не было туземнымъ въ Кіевѣ, что оно принесено туда изъ Новгорода, но что и тамъ оно не было туземнымъ, а принесено туда изъ настоящей Руси. А гдѣ была эта самая Русь, этого никто не зналъ. Несторъ занялся изслѣдованіемъ этого вопроса и нашелъ, что она была въ Скандинавіи. А безъ этого убѣжденія, которое необходимымъ образомъ должно было быть общимъ у него съ современниками, онъ не могъ задаться даже вопросомъ о первоначальной Руси.

Итакъ, за сказкою Нестора о призваніи, за его невѣрнымъ домысломъ, что первоначальная Русь была въ Скандинавіи, скрывается его убѣжденіе и убѣжденіе его современниковъ, что имя Русь въ Кіевѣ и въ Новгородѣ было не туземное, а принесенное извнѣ. А это убѣжденіе есть историческій фактъ, съ которымъ нужно вести счеты, котораго внутренній смыслъ нельзя отвергать безъ достаточныхъ доказательствъ. Подобное убѣжденіе не могло возникнуть въ средѣ народа безъ причины. Если народъ думалъ, что его родина получила свое имя извнѣ, что прежде она называлась иначе, то по всей вѣроятности, это такъ и было. Этотъ выводъ можетъ уступить мѣсто только достаточнымъ и положительнымъ доказательствамъ.

Представили ли гг. Гедесоновъ и Иловайскій такія доказательства въ пользу своего мнѣнія, что страна по среднему Днѣпру искони называлась Русью?

III.

Посмотримъ, каковы основанія, приводимыя ими. Славяне, говорить г. Гедеоновъ, большею частью получали свои названія отъ естественныхъ особенностей своихъ странъ, напримѣръ: Моравы, Хорваты, Дуброва, Загорцы, Озеряты, Полабы, Полочане, Бужане и т. д.; по законамъ исторической аналогіи, и имя Русь произошло отъ какой-нибудь естественной особенности, выражаемой похожими звуками. Эта особенность есть многоводность страны, а вода въ разныхъ видахъ въ старинномъ славянскомъ языкѣ обозначалась словами, составленными изъ корня *рс*, *рсь*, удержавшагося теперь въ словѣ роса и производныхъ отъ него. Но въ восточной Европѣ, то-есть, въ Россіи, все пространство земли, занимаемое Славяно-Русскими племенами отъ Волги-Рось до Нѣмана-Рось, по словамъ г. Гедеонова, „покрыто рѣками, носящими названія Рось, Русь, Роса, Руса“. Рѣки эти слѣдующія: 1) Волга-Рось, 2) Осколь-Рось, 3) Нѣманъ-Рось, 4) Нѣманъ-Рось (въ другомъ мѣстѣ (?)), 5) Куришь-Гафъ-Русна, 6) Рось, притокъ Нарва, 7) Рось, притокъ какого-то Шещупа, тамъ же, 8) Русь, впадающая въ Ильмень, 9) Рось, притокъ Днѣпра, 10) Руса, притокъ Семи, 11) Рось, впадающая въ озеро Jeziorny, 12) Эмбахъ-Рось, 13) Роска на Волини, 14) Порусья, притокъ Полисти.

Г. Иловайскій исключилъ изъ этого числа нѣкоторыя рѣки; такъ Нѣманъ-Рось онъ считаетъ только однажды, Рось, притокъ Шещупа, Роску, Волинской губерніи, Рось, впадающую въ Езерены, онъ также не помѣстилъ въ своемъ перечисленіи рѣкъ съ именемъ Рось. Положимъ, что дѣйствительно всѣ эти рѣки называются или назывались „Рось“¹⁾, что число ихъ простирается до 14; можно ли отсюда заключить, что страна, орошенная этими рѣками, называлась Русью, и что это была страна славянская?

Еслибъ эти четырнадцать рѣкъ съ именемъ Рось дѣйствительно текли въ одной какой либо однообразной мѣстности съ однообразнымъ населеніемъ, то мы готовы были бы допустить, что они могли дать странѣ и народу названіе Руси, подобно тому какъ горы Карпатскія дали имя Хорватамъ, и потомъ вполнѣдствіи Гораламъ, подобно тому какъ

¹⁾ Что далеко невѣрно; такъ очень вѣроятно, что Руса Новгородской губерніи и Порусья это одна и та же рѣка; что Осколь назывался Росью, это очень сомнительно; одна сѣмена на Нарбутѣ недостаточна для того, чтобы этотъ фактъ могъ быть установленъ, какъ подлинный.

низменное положеніе страны дало имя Нидерландамъ и т. п. Но первыхъ, приведенныхъ четырнадцать рѣкъ протекають въ мѣстностяхъ самыхъ разнообразныхъ—гористыхъ, болотистыхъ, лѣсныхъ, степныхъ; восторныхъ, онѣ протекають слишкомъ на большомъ пространствѣ, чтобы первобытные люди могли знать ихъ всѣ, и вслѣдствіе того, взять отъ нихъ названіе для страны. Узнать ихъ можно было только въ настоящее время посредствомъ изученія географіи, не простаго, обыкновеннаго, а историческаго, и притомъ весьма старательнаго, отыскивая имя Рось и въ русскихъ лѣтописяхъ, и у польскихъ историковъ, и у нѣмецкихъ, и въ книгѣ Вольшаго Чертежа, и даже у Птолемея, Агаванера и географа Нубійскаго, какъ это сдѣлалъ г. Гедеоновъ. Въ древнее же время, когда образовались народныя названія, откуда всѣ эти имена могъ выкопать кто-нибудь въ мѣрѣ? Люди, жившіе, напримеръ, на Волгѣ-Роси, даже не подозрѣвали существованія другихъ Росей, Нѣмана-Роси, Оскола-Роси, Эмбаха-Роси, и т. д., не говоря ужъ о маленькихъ рѣчкахъ, носившихъ это имя. А ученыхъ путешественниковъ, которые извѣдали бы всю Россію отъ Старой Русы до Роси Киевской и отъ Эмбаха до Оскола, также не было. Если бы еще страна эта была населена однимъ народомъ, котораго отдѣльныя части были бы между собою въ частомъ соприкосновеніи, въ такомъ случаѣ можно было-бы еще предположить, что всѣ ¹⁾ эти имена были извѣстны туземному народу. Но страна, орошаемая этими 14 Росями, была обитаема, во первыхъ—Финнами западными (Эмбаха и Порусья), восторныхъ—Финнами приволжскими (Волга), вторыхъ—народами турецкаго происхожденія (нижняя Волга

¹⁾ Да и это было бы возможно только въ такомъ случаѣ, если бы всѣ эти рѣки были достаточно значительной величины, такъ какъ маленькихъ рѣкъ мы не знаемъ нѣрѣдко даже въ мѣстахъ, близко отъ насъ находящихся, не говоря о такомъ пространствѣ, какъ нѣмѣшняя Россія. Кто зналъ объ этихъ четырнадцати Росяхъ до тѣхъ поръ, какъ г. Гедеоновъ откопалъ ихъ. Съ другой стороны, и самъ онъ пропустилъ нѣкоторыя Русы, не смотря на тщательное собраніе ихъ. Такъ, онъ не обратилъ вниманія на рѣку Рузу, на которой стоитъ городъ Руза, Московской губерніи; а эта рѣка была бы ему въ особенности пригодна, потому что, по мнѣнію Шаарника, первоначальнымъ видомъ всѣхъ этихъ Русей было именно слово гуза, рѣка. Отъ Гедеонова ускользнула также Роска въ Тульской губерніи (въ Черкасскомъ уѣздѣ), и Русанка въ Смоленской (упоминаются въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ). Потомъ онъ могъ бы обратить вниманіе на Нерусу, НеРусу, впадающую въ Десну (по книгѣ В. Чертежа; ср. Трубежь и Не-Трубежь) и на видоизмѣненіе этого имени Неручь въ Орловской и Смоленской губерніяхъ (два рѣки съ этихъ именомъ).

и Осоло), вчетвертых—Литовцами (Нѣманъ и Курингафъ), впятых—Поляками (Рось, текущая въ Нѣманъ, Езерены и Шещупъ), наконецъ, Русскими Славянами (Рось Кіевская и Волынская, и быть можетъ, Рось, притокъ Семи). Итакъ, только три рѣки съ именемъ Рось текли въ славянской странѣ. Но и эти три рѣки не текутъ въ той странѣ, которая, по мнѣнію гг. Гедеонова и Иловайскаго, по преимуществу называлась Русью. Волынская Рось текла въ землѣ Древланъ, а Древланская земля въ нашей лѣтописи отличается отъ Руси, отъ Кіевской области, именно въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ г. Гедеоновъ видитъ доказательство той мысли, что имя Русь принадлежало исключительно южной Руси; наприимѣръ, „рѣша же Древлане: се убихомъ князя Русскаго“ и далѣе: „бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску“. Тутъ Древланская земля отличается отъ Руси. Что касается до Роси, текущей въ Семь, г. Гедеоновъ не указалъ, гдѣ именно текла она. Не все теченіе Семи было заселено Славянами, а лишь нижняя часть ея; при началѣ же государства, вѣроятно, и весь почти бассейнъ этой рѣки представлялъ пустую степь. Города по Семи, Путивль, Курскъ являются въ исторіи только въ XII вѣкѣ¹⁾. Что касается до верховьевъ Семи, они и до самаго Московскаго періода не были населены Славянами. А Кіевская Рось также не текла по странѣ Кіевскихъ Славянъ. Она составляла пограничную рѣку, по которой проходила сторожевая линія Кіевскаго княжества, да и то не съ самаго начала его. По этой рѣкѣ ставилъ города только Ярославъ, при чемъ населялъ ихъ плѣнными Ляхами,—доказательство, что мѣстнаго населенія тутъ не было. А Владиміръ, укрѣпляя границу, на правой сторонѣ Дѣбра ставилъ города только по Стугнѣ, да и эти города все-таки населялъ Словенами, Кривичами, Чудью и Вятичами. Такимъ образомъ, при Владимірѣ Рось текла еще внѣ чертъ Русскаго государства, внѣ страны, населенной Славянами. Съ

¹⁾ Притомъ самое окончаніе названій этихъ городовъ указываетъ на древнее происхожденіе ихъ. Курскъ получилъ свое имя отъ ручья Кура, на которомъ онъ построенъ, а Путивль—отъ какого-то Путива, какъ Ярославъ отъ Ярослава, Судиславъ отъ Судислава, Дядославъ отъ Дядослава и т. п. Но всѣ эти города новые, построенные не раньше XI столѣтія. Изъ городовъ, оканчивающихся на скъ, только два города старше Русскаго государства: Смоленскъ и Изборскъ; всѣ другіе являются въ исторіи только въ XI, XII, XIII и въ позднѣйшихъ вѣкахъ, какъ наприимѣръ: Минскъ, Витебскъ, Луцкъ, Слуцкъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Трубченскъ, Козельскъ, Василь-Сурскъ, Сміжскъ, Архангельскъ, Тобольскъ, Томскъ, Иркутскъ и проч.

этимъ согласно и жизнеописаніе св. Бруно, гдѣ говорится, что Владиміръ, провожая Бруно къ Печенѣгамъ, уже на другой день привелъ его къ границѣ своей земли. То же подтверждается и извѣстіемъ лѣтописи о набѣгѣ Печенѣговъ въ 996 году. Первый городъ, подвергшійся ихъ нападенію, былъ Василевъ на Стугиѣ. Итакъ, много ли остается рѣкъ собственно для южной Руси, для страны Полянъ, для той Руси, которая, по мнѣнію гг. Гедеонова и Иловайскаго, первоначально называлась Русью, которая сообщила это имя всей южной части нашего отечества, а потомъ и сѣверной?— Ни одной.

Но положимъ, что дѣйствительно, три рѣчки съ именемъ Русь орошали южную часть страны, населенной Русскими Славянами. Почему-жъ именно онѣ имѣли предпочтительное право дать странѣ и народу свое имя, а не какія-нибудь другія рѣки съ именемъ Русь—странамъ, орошаемымъ ими. Такъ, если Росъ, текущая въ Езеронѣ, Росъ, текущая въ Нѣманѣ, и Росъ, текущая въ Шещупѣ, дѣйствительно существуютъ, то скорѣе можно было бы думать, что онѣ должны дать имя своей странѣ, тѣмъ болѣе, что тутъ же и самъ Нѣманъ-Росъ и Куришгафъ-Русна. Здѣсь пять названій съ именемъ Русь на разстояніи, сравнительно, небольшомъ, въ странѣ однообразной по климату, по поверхности, по растительности; страна эта вся покрыта лѣсомъ, отличается сыростью, множествомъ болотъ, озеръ. Вотъ ей бы и пристало называться Русью, такъ какъ первобытный корень *рс* означаетъ влагу вообще. Безъ сомнѣнія, если есть связь между этимъ корнемъ и названіемъ Русь, то Русью именно слѣдовало бы назвать скорѣе эту низменную и влажную страну, чѣмъ маловодныя степи, орошаемыя Кіевскою Русью или Семью съ притоками.

Вообще данныя, представленныя гг. Гедеоновымъ и Иловайскимъ для доказательства той мысли, что Русь получила свое имя отъ рѣкъ, и именно на югѣ, весьма недостаточны для того, чтобы прежнее мнѣніе о нетуземности имени Русь въ южной Россіи уступило мѣсто ихъ мнѣнію. Г. Иловайскій, по видимому, и самъ чувствуетъ это. По крайней мѣрѣ, въ ряду рѣкъ, называющихся именемъ Росъ, онъ не придаетъ особеннаго значенія большинству ихъ, не упоминаетъ даже совсѣмъ, какъ указано выше, о нѣкоторыхъ рѣкахъ, указанныхъ г. Гедеоновымъ. Но за то тѣмъ болѣе значенія придаетъ онъ тому, что и Волга называлась также Расъ, Ра, Росъ. По его мнѣнію, корень *рс* былъ далеко распространенъ въ земляхъ восточной Европы въ названіяхъ рѣкъ; въ этомъ отношеніи онъ уступалъ только корню

дан, том, дом, который былъ распространенъ не только въ восточной, но и въ западной, и въ южной Европѣ. Отсюда онъ и заключаетъ, что „нашихъ Руссовъ нельзя считать колонистами изъ какой-нибудь другой страны. Напротивъ, скорѣе наша Русь могла послужить колыбелью для другихъ европейскихъ народовъ, носившихъ то же имя“. За исключеніемъ другихъ народовъ, носившихъ имя Русси, которыхъ не было, я самъ принимаю эту мысль г. Иловайскаго, то есть, что Руссы были исконными обитателями Россіи; но гг. Иловайскому и Геденову слѣдовало показать, что эти Руссы жили въ южной Россіи, около Киева, что они были Славяне, или, что Славяне, поселившись въ южной Россіи, получили имя Русси. Но этого-то они и не показали. Рѣкъ съ именемъ Русси въ землѣ южно-русскихъ Славянъ было не больше, а меньше, чѣмъ въ земляхъ Поляковъ, Прусовъ или Финновъ, а въ землѣ Полянъ ихъ и совсѣмъ не было. Если, дѣйствительно, есть связь между древнимъ именемъ Волги и именемъ Русь—что можно допустить,—то это служить подтвержденіемъ существованія финской Русси Татищева, Волгина или волжской Русси Эверса, Гаммера, д'Оссона, Хвольсона, а никакъ не теоріи гг. Геденова и Иловайскаго.

Другія доказательства, представленныя гг. Геденовымъ и Иловайскимъ, не отличаются большою крѣпостью. Давнее существованіе Русси Угорской, которая никогда не находилась въ политическомъ единеніи съ нашею Русью, и закрѣпленіе этого имени за Русью Галицкою, которая, сравнительно, недолгое время принадлежала Русскимъ князьямъ, ничего не говорятъ въ пользу теоріи. Если бы г. Иловайскій показалъ, что Угорская Русь, дѣйствительно, искони называлась этимъ именемъ, то это имѣло бы большой вѣсъ; но неопредѣленное выраженіе „давнее существованіе“ не имѣетъ его. Какъ далеко восходить эта давность? Въ X вѣкѣ Угорскіе Руссы не были извѣстны подъ этимъ именемъ, а назывались Хорватами и подъ этимъ именемъ ходили съ Олегомъ на Царьградъ. Стало быть, имя Русси появилось у нихъ позже. Когда и какъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ объясняется изъ самой исторіи этой страны. Вторженіе Магьяръ и основаніе магьярской державы отрѣзало ее отъ южныхъ Славянъ и отчасти отъ западныхъ. Съ тѣхъ поръ весь славянскій міръ для нея заключался въ сосѣдней Галицкой Русси, съ которою она имѣла самое близкое племенное родство. Съ этою страной она имѣла, какъ и до сихъ поръ имѣетъ, постоянныя сношенія. Отсюда она получила христіанскую вѣру съ греко-восточнымъ обрядомъ и съ славянскимъ богослуженіемъ, которые она

сохраняеть до сихъ поръ. Послѣдующія событія еще болѣе сблизили эти страны. Въ XIII вѣкѣ многіе Русскіе изъ Россіи, именно изъ Галиціи, удалились сюда во время татарскаго нашествія. Въ XIV вѣкѣ сюда привелъ большую колонію изъ южной Россіи Федоръ Кориатовичъ (до 40 тысячъ человѣкъ), князь литовскаго происхожденія, но обрусѣвшій, который, прійдя въ Угорскую Русь, строилъ здѣсь православныя церкви и монастыри и получилъ отъ Венгерскаго короля именно тѣ города (Мушачевъ и Ужгородъ), гдѣ до сихъ поръ существуютъ двѣ единственныя русскія епархіи. Все это служило еще къ большому сближенію двухъ частей одного и того же народа, раздѣленныхъ Карпатами, почему и языкъ ихъ, не смотря на два различныя вліянія въ той и другой части, мадьярское и польское, до настоящаго времени представляетъ даже не два нарѣчія, а одно нарѣчіе съ мѣстными словами въ той и другой части. Спрашивается: какъ могли смотрѣть на себя и какъ должны были называть себя Закарпатскіе Славяне, потомки Хорватовъ? Они не могли не сознавать, что они составляютъ одинъ народъ съ Галицкою Русью. Они въ значительной долѣ даже происходили отъ этой Руси, а потому и не могли называть себя иначе какъ Русью. Это и началось, вѣроятно, со времени введенія христіанства; въ XIII и XIV вѣкахъ это названіе окончательно утвердилось. Нужно замѣтить еще, что тутъ играло большую роль именно единство религіи. Галиціе и Закарпатскіе Русскіе до сихъ поръ въ своей вѣрѣ видятъ одинъ изъ признаковъ своей народности, а вѣру эту они иначе не зовутъ, какъ вѣрою русскою. Многіе ужъ обращали вниманіе на тотъ фактъ, что и тѣ, и другіе на вопросъ, какой ты вѣры, обыкновенно отвѣчаютъ: русскою. Для простаго и религіознаго человѣка вѣра больше значитъ, чѣмъ для человѣка образованнаго. Идею національности онъ понимаетъ смутно и болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно; но религіозное различіе или сходство для него болѣе понятно, и къ нему онъ не безразличенъ. Поэтому Угорскіе Руссы, говоря однимъ языкомъ съ Русскими въ Галиціи и исповѣдая съ ними одну вѣру, не имѣли никакой причины отличать себя отъ нихъ, не могли не сознавать себя одною народностью вмѣстѣ съ ними, и потому должны были перенести на себя то имя, которое мало по малу было усвоено жителями Галиціи. Это тяготѣніе незначительной части каковаго-нибудь народа, не соединеннаго политически съ остальною, главною массою народа, къ этому народу не составляетъ единственнаго примѣра въ исторіи; аналогическія явленія въ ней можно найти. Такъ, Савопа во все продолженіе своей исторіи, отъ X до XIX

вѣка, составляла независимое государство, не находившееся ни въ какихъ особнхъ отношеніяхъ къ Франціи, кромѣ отношеній сосѣдскихъ. Между тѣмъ племенная близость Савойцевъ и Французовъ произвела то, что Савойцы мало по малу стали смотрѣть на себя, какъ на Французовъ; также смотрѣли на нихъ и всѣ, причислая Савойцевъ по національности къ Французамъ. Наконецъ, вслѣдствіе принципа національности, Савойя была присоединена къ Франціи, и сами Савойцы всеобщимъ голосованіемъ утвердили правильность взгляда на нихъ, какъ на Французовъ. Подобнымъ образомъ жители западной Швейцаріи считаются принадлежащими по національности къ Французамъ, и сама западная Швейцарія называется французскою; а между тѣмъ большая часть западно-швейцарскихъ городовъ никогда не входила въ составъ Франціи ¹⁾. Здѣсь случай тотъ же самый, какъ и въ Угорской Руси.

Что касается до Галицкой Руси, усвоеніе ею имени Русь объясняется еще легче. Она отъ X до XIV вѣка входила въ составъ Россіи; въ продолженіе четырехъ вѣковъ она называлась Русью, также какъ и другія русскія княжества того времени: Черниговское, Смоленское и пр. Собственно этими частными именами они различались между собою внутри государства; и даже у иностранцевъ, когда рѣчь шла о томъ, чтобы различать одно княжество отъ другаго; но тѣмъ не менѣе ни одно изъ нихъ не исключалось изъ общаго названія Руси. Такимъ образомъ Кюдинъ, перечисляя епископскія епархіи Россіи, прямо называетъ ихъ *Russiae episcopatus*, тѣхъ *Rossias episcopatus*. Онъ знаетъ даже Малую Россію, *την μικρὰν Ρωσσίαν* ²⁾, которую отличаетъ отъ Великой; и въ Малой Россіи онъ полагаетъ слѣдующія епархіи: Галицкую, Владимірскую, Перемишльскую, Холмскую и другія; для него, стало быть, Галичъ, Перемишль были вполне Россіей, такою же, какъ Кіевъ, Новгородъ, Черниговъ, Суздаль, Ростовъ. И странно было-бъ, если находясь 400 лѣтъ подъ властью Русскихъ князей, которые сообщили имя Руси всему государству отъ Финскаго залива до Черноморскихъ степей, Галиція одна не усвоила себѣ этого имени. Западная Россія находилась подъ властью Польши только отъ

¹⁾ За исключеніемъ насильственнаго присоединенія при Наполеонѣ I, когда была присоединена къ Франціи и Савойя; но тогда были присоединены къ Франціи и Амстердамъ, и даже Гамбургъ, которые, однако, черезъ это не сдѣлались городами французскими по національности.

²⁾ Штрингеръ, II, 1036.

XIV до XVIII вѣка, стало быть, тоже только въ продолженіе 400 лѣтъ; изъ нихъ полное соединеніе ея съ Польшею продолжалось только 200 лѣтъ отъ Люблинской уніи до раздѣла Польши. А между тѣмъ давно ли мы перестали западныя губерніи называть польскими? А нашъ народъ и до сихъ поръ еще Вѣлоруссовъ называетъ Поляками; не такъ давно Арсеньевъ въ своей „Статистикѣ Россіи“ относилъ все населеніе Западнаго края къ польской національности, не смотря на то, что это населеніе никогда не было приведено ни къ единству языка, ни къ единству вѣры съ Поляками. А Галицкая Русь и въ языкѣ, и въ вѣрѣ ничѣмъ не отличалась отъ Руси Киевской, Черниговской или Волынской. И теперь еще Галицкіе Русскіе говорятъ тѣмъ же языкомъ, какимъ говорятъ на Волыни, въ Черниговѣ, въ Полтавѣ, и теперь еще галицкіе крестьяне толпами идутъ на богомолье въ Кіевъ, не смотря на то, что высшія духовныя власти переписали ихъ изъ благочестія въ унію.

Подобнымъ же образомъ легко объясняется и то, что къ XII вѣку имя Руси ¹⁾ по преимуществу стало присвоиваться Кіеву, такъ что Кіевъ сталъ называться Русью даже въ отличіе отъ другихъ частей Русскаго государства. Это происходило не отъ того, чтобы Кіевъ издавна носилъ это имя, а отъ того, что онъ былъ центромъ Русской земли, отъ того, что онъ служилъ мѣстопребываніемъ для князя, который носилъ имя Русскаго („иже послани отъ Олга, великаго князя Русскаго“ или „Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя Русскаго“) въ то время, какъ другіе князья назывались именами городовъ или племенъ, въ которыхъ княжили. Опять-таки мы находимъ аналогическія явленія въ исторіи другихъ народовъ. Парижъ былъ столицей Франціи при Хлодвигѣ, основателѣ Франкской монархіи. Послѣ Хлодвига Франція раздѣлилась на части, опять соединилась, потомъ опять раздѣлилась. Парижъ въ это время не могъ имѣть прежняго значенія. Не смотря на то, даже это кратковременное значеніе Парижа, какъ центра монархіи, имѣло слѣдствіемъ то, что онъ и страна, окружающая его, получили названіе Франціи по преимуществу, и обладатели этой страны назывались *ducs de France*, а сама она называлась *duché de France*, что сохранилось и до послѣдняго времени въ названіи

¹⁾ Г. Геденовъ доказывалъ, что это было еще въ самомъ началѣ русской исторіи; но это несправедливо. Въ летописи есть доказательства противнаго. Объ этомъ см. въ статьѣ нашей: «Когда и какъ началось Русское государство», *Библ. для Ун.* 1862 г., июль, стр. 32 и 33.

Ne-de-France. Гг. Гедеоновъ и Иловайскій съ своею методою объясненія историческихъ названій изъ этого факта заключили бы, что герцогство Французское, владѣніе Гугона Великаго и Гугона Капета носили искони это имя — и ошиблись бы, потому что намъ хорошо извѣстно противное, именно что первобытною страню Франковъ не былъ бассейнъ Сены, а нижнее теченіе Рейна. Другой подобный прихѣръ мы находимъ въ исторіи Германіи. Страна, извѣстная теперь подъ именемъ Саксоніи, не имѣетъ никакого отношенія къ извѣстному нѣмецкому племени Саксовъ, пиратамъ, предшественникамъ Норманновъ и основателямъ Англійскаго государства. Тѣ Саксы жили по берегамъ Нѣмецкаго моря, по нижнему теченію Эльбы, по Везеру; а Саксонія была обитаема послѣдовательно Гермундурами, Тюрингами, Славянами. И свое теперешнее имя она получила только отъ того, что послѣдняя владѣтельная династія, до сихъ поръ царствующая въ ней (съ XV вѣка), имѣла титулъ курфирстовъ Саксонскихъ.

Г. Гедеоновъ особенно усиливается доказать существованіе въ южной Руси славянскаго хаканата, находя, что существованіе его служило бы сильнымъ подтвержденіемъ его теоріи. Это кажется справедливымъ. Если до призванія Варяговъ-Руси существовало на югѣ славянское государство съ именемъ Руси, то извѣстіе Нестора о призваніи князевъ терять всякій смыслъ, и мысль объ основаніи Русскаго государства не Славянами переходитъ въ разрядъ историческихъ недоразумѣній, исключается изъ науки. Главнымъ основаніемъ для признанія русскаго хаканата г. Гедеонову служить извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей, объясняемое на свой ладъ.

По мнѣнію г. Гедеонова, послы хакана къ императору Теофилу были Шведы. А хаканъ—это былъ владѣтель южной славянской Руси, подчиненный Хазарамъ. Впрочемъ, г. Гедеоновъ не точно опредѣлилъ его отношенія къ Хазарскому хакану и называетъ его то намѣстникомъ, то династомъ. Хаканомъ же онъ назывался потому, что и у Хазаръ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, при верховномъ или великомъ хаканѣ былъ намѣстникомъ или халифомъ хаканъ-бекъ, а надъ нимъ кендеръ-хаканъ. Г. Гедеоновъ обыкновенно любитъ приводить подлинныя слова писателей, которыми онъ пользуется. Въ этомъ случаѣ онъ измѣнилъ себѣ. Онъ не только не привелъ подлинныхъ словъ, но даже не указалъ автора, у котораго заимствовалъ свои свѣдѣнія. А тутъ-то именно и нужно пожалѣть объ этомъ. Сколько мнѣ извѣстно, арабскіе писатели говорятъ только о двухъ іерархическихъ степеняхъ у Хазаръ—о хаканѣ и о царѣ, гоі, какъ по-часть СЛХХІV, отд. 2.

зываютъ его Барбье де-Монарь въ переводѣ Масуди и Рено въ переводѣ Абульфеди, который это извѣстіе заимствовалъ цѣликомъ у Истахри. Греческіе писатели (Константинъ Багрянородный и продолжатель его) также говорятъ о двухъ степеняхъ — хаханъ и пехъ; но оба они живутъ въ Итилѣ и управляютъ только Хазарами. Если кендеръ-хаханъ былъ помощникомъ хаханъ-бега, царя, то и онъ могъ жить только въ Итилѣ и управлять только Хазарами. А чтобъ онъ могъ быть намѣстникомъ хахана въ славянской землѣ, чтобъ Хазары вообще имѣли намѣстниковъ въ славянскихъ земляхъ—этого никто никогда не утверждалъ. Это противорѣчило бы тому, что намъ извѣстно объ отношеніяхъ Хазаръ къ Славянскимъ племенамъ Россіи. По извѣстіямъ нашей лѣтописи, Хазарамъ платили дань Поляне, Радимичи, Сѣверяне, Вятичи; но тѣмъ дѣло и ограничивалось. О хазарскихъ намѣстникахъ у Славянъ нѣтъ нигдѣ никакого намека. Да этому противорѣчило бы выраженіе Бертинскихъ лѣтописей: „*quos rex illogum detexeret*“. Самъ г. Геденовъ признаетъ, что эта часть извѣстія есть ничто иное, какъ выписка изъ письма императора Теофила къ Людовику Благочестивому. Но Византійскій императоръ не могъ назвать царемъ намѣстника хаханова. Самому хахану онъ могъ и долженъ былъ дать титулъ царя, потому что власть хахана была подобна власти другихъ царей восточныхъ,—императоры Византійскіе и сносились съ ними, какъ съ равными. Ираклій за одного изъ нихъ хотѣлъ выдать свою дочь. Юстиніанъ Ринотметъ и Константинъ Копронимъ были женаты на хазарскихъ принцессахъ. А намѣстники хазарскіе въ Фанагоріи и Корсуни называются у Византійцевъ только намѣстниками (*praefecti* у Штриттера).

Если же *rex cognomine Chakanus* былъ мѣстнымъ династомъ одного изъ славянскихъ племенъ, то зачѣмъ его Византійскій императоръ будетъ называть хаханомъ. Для славянскихъ князей у Византійцевъ существовало опредѣленное названіе *αρχών*, князь. Такъ, Игоря и Святослава они называютъ князьями, Ольгу—женою Русскаго князя. Притомъ славянскимъ князьямъ, не только находившимся въ подчиненіи Хазаръ, но и независимымъ, они не могли дать и титулъ царя, *rex*. Этотъ титулъ они ставили очень высоко. Они давали его варварскимъ князьямъ только послѣ крещенія; такъ, первый Мадьярскій король, основатель государства, Арпадъ у византійскихъ писателей называется еще княземъ, а потомки его послѣ принятія крещенія—царями. Такимъ образомъ и нашъ Владиміръ послѣ крещенія называется уже царемъ, хотя не всегда. Во всякомъ случаѣ *rex cognom-*

mine Chakanus не могъ быть ни хазарскимъ намѣстникомъ, ни династомъ славянскаго племени, подчиненнымъ Хазарамъ.

Отвѣтное письмо императора Людовика II къ Василию Македонянину также ничего не говоритъ о славянскомъ хаканатѣ въ IX вѣкѣ. Изъ него можно заключать дѣйствительно, что въ тогдашней Россіи были два хаканата, хазарскій и сѣверный (βορραῖος), но чтобы этотъ второй хаканатъ былъ славянскій, этого не видно.

Похвала Иларіона *Казану* Владиміру и выраженіе Слова о полку Игоревѣ „Олгова Коганя хоти“ также легко могутъ быть объяснены только прежнимъ подданствомъ Славянъ Хазарамъ, съ какаго времени у нихъ могло уцѣлѣть представленіе о каганскомъ титулѣ, какъ о самомъ высшемъ. Такимъ образомъ, соглашаясь съ г. Геденовымъ въ томъ, что въ Россіи, кромѣ хазарскаго хаканата, былъ въ IX вѣкѣ еще другой хаканатъ, я не имѣю никакой причины думать, чтобы этотъ хаканатъ былъ славянскій; напротивъ, извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей, съ его выраженіемъ *gex cognomine Chakanus*, прямо указываетъ на то, что онъ былъ не славянскій, хотя, разумѣется, и не норманскій.

Новое доказательство въ пользу исконнаго существованія южной славянской Руси находимъ у г. Иловайскаго. Сарматскій народъ Росколанъ онъ ставитъ въ связь съ Русью IX вѣка, утверждая, что въ этомъ вѣкѣ Русь является на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ до шестаго вѣка жили Роксоланы-Сарматы. А Сарматами, по его мнѣнію, называлась славяно-литовская вѣтвь арійскихъ народовъ. Но свое мнѣніе онъ даже не пробовалъ доказать чѣмъ-нибудь, что онъ былъ бы обязанъ сдѣлать особенно въ виду того, что высказано много мнѣній, строго различающихъ Сарматовъ и Славянъ. Такъ, ихъ различаетъ еще Иорнандъ, который хорошо знаетъ и тѣхъ, и другихъ. Объ участіи Сарматовъ въ походахъ Германцевъ во время великаго переселенія народовъ онъ говоритъ много; Славянъ онъ знаетъ еще лучше, опредѣляетъ точно ихъ мѣсто жительства (отъ Дуная до верховьевъ Вислы и Днѣпра) ¹⁾, дѣлитъ ихъ на два большія племени:—Славянъ и Антовъ (общее имя Славянъ у Иорнанда Венеты), но Сарматовъ сюда не причисляетъ. Очевидно, онъ не причисляетъ ни Сарматовъ къ Славянамъ, ни Славянъ къ Сарматамъ. Правда, мѣста жительства Сарматовъ онъ не опредѣляетъ точно ²⁾, но этотъ недостатокъ вос-

¹⁾ *Closs, Jornandis de Gotharum origine. 1861, стр. 28.*

²⁾ Достоинно однако замѣчаніе, что въ одномъ изданіи Иорнанда (Парижъ

полняется другими. Еще раньше Помпоній Мела жилища Сарматовъ указывалъ къ сѣверу отъ Карпатъ. Позднѣйшіе ученые также отводятъ Сарматамъ мѣсто въ сѣверной половинѣ нынѣшней Россіи, гдѣ уже на памяти исторіи жило Финское племя. Такъ, въ географіи Гаука Эрлендсона Сарматія отождествляется съ Великою Швеціей. Г. Иловайскій высказалъ мнѣніе, что его южную Русь Скандинавы называють Великою Швеціей. Это невѣрно; Великою или Холодною Швеціей Скандинавы называютъ сѣверную часть нынѣшней Россіи, что легко объясняется тѣмъ, что слово Швеція происходитъ, по всей вѣроятности, отъ финскаго Suo, болото, озеро (таково мнѣніе Штра-ленберга, большого авторитета въ географіи сѣверныхъ странъ), такъ что Швеція собственно значитъ болотная, озерная страна. Швеція дѣйствительно изобилуетъ озерами, но еще болѣе изобилуетъ ими сѣверная Россія, которая и пространствомъ превосходитъ Швецію, такъ что ей весьма приличествуетъ названіе великой озерной страны. Объясненіе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и Швеція, и сѣверная Россія въ древности были населены исключительно Финнами ¹⁾. Тутъ же, то есть, въ сѣверной финской Россіи, видятъ Сарматію ²⁾ и Шафарикъ, который къ Сарматамъ относитъ, между прочимъ, Роксоланъ и Ятвяговъ, не причисляя этихъ послѣднихъ къ племени Литовскому; онъ полагаетъ Сарматію на верхней Волгѣ во время, предшествующее прибытію племени Славянъ. По его словамъ, Сарматы, которые первоначально дѣйствительно жили на югѣ, но все-таки не въ тогдашней землѣ Полянъ, а разсѣянно—и у Азовскаго моря, и у Дуная, еще въ I вѣкѣ нашей эры заняли мѣсто для своихъ жилищъ далеко на сѣверѣ около истоковъ Волги и Днѣпра ³⁾.

Къ этому считаю не лишнимъ присоединить и мнѣніе Татищева, котораго заслуги для русской исторіи умалены только благодаря господству норманской теоріи. По мнѣнію Татищева, сѣверная часть

1603 г., у Claude Barbin; во франц. переводѣ) границы Скиѣи Юрианъ опредѣляетъ такъ: на востокъ—Китай (Seres), на западъ—Германія и Висла, на сѣверѣ—Сарматія и т. д. Но ни въ какомъ другомъ изданіи нѣтъ этого. Во всѣхъ другихъ изданіяхъ, видѣнныхъ мною, Скиѣи на сѣверѣ простирается до океана.

¹⁾ Карлстремъ, въ сочиненіи: *Observationes historico-geographicae de terris ad Mare Album*, помѣщаетъ ее у самаго Валаго моря, именно къ западу, стр. 8.

²⁾ Карлстремъ помѣщаетъ ее близъ самаго Валаго моря, къ западу отъ него, гдѣ именно очень много озеръ; см. стр. 8.

³⁾ См. *Das Nord-Ostliche Theil von Europa*, стр. 165.

⁴⁾ См. *Слав. древности*, перев. Баряжскаю, т. I, кн. 2, стр. 288.

древнѣйшей Россіи, обнимавшая Ростовскую и Суздальскую землю „съ принадлежностями“, а потомъ страну Кривичей, была населена Сарматами. И сами Кривичи были сначала Сарматами, а потомъ ославянились. Эта послѣдняя мысль далеко не лишена основанія. Ее принимаютъ и наиболѣе основательные изъ норманистовъ (Кунникъ). Народы, населявшіе эту страну, по словамъ Татищева, были слѣдующіе: „Кимры—Сарматы, Кривичи—Сарматы, Мордва—Сарматы“¹⁾. Стало-быть, по мнѣнію Татищева, Сарматы несомнѣнно жили въ сѣверной Россіи. Изъ его словъ ясно видно и то, въ какой народности онъ причисляетъ ихъ, такъ какъ одно изъ племенъ сарматскихъ, Мордва, сохранилось до нашего времени. По его мнѣнію, Сарматы очевидно были Финскаго племени, той отрасли его, которая до сихъ поръ живетъ на Волгѣ. Также думаетъ и Штраленбергъ²⁾. Таково же должно быть мнѣніе и Шафарика, хотя онъ положительно и не высказалъ его и хотя онъ отличаетъ Сарматовъ отъ Чуди. Дѣло въ томъ, что подъ Чудью онъ разумѣетъ только сѣверо-западную отрасль Финскаго племени, прибалтійскую. Шафарикъ отличаетъ Сарматовъ и отъ Славянъ, и отъ Литовцевъ, и отъ Чуди и полагаетъ ихъ на верховьяхъ Волги и Днѣпра. Въ этомъ мѣстѣ имъ нечѣмъ быть больше, какъ Финнами приволжскими. Никакой другой народности передъ началомъ Русскаго государства тутъ не было и быть не могло³⁾. Итакъ, существованіе Сарматскихъ Роксоланъ въ южной Россіи ни сколько не служитъ въ подтвержденію мысли объ исконномъ существованіи Славянской Руси въ нынѣшней южной Россіи, а напротивъ того, служитъ отрицаніемъ ея.

Изъ другихъ доказательствъ г. Иловайскаго нужно обратить вниманіе на то, что первые Русскіе князья будто бы поклонялись славянскимъ божествамъ Перуну и Волосу. Онъ находитъ, и совершенно справедливо, что совершенно неестественно допустить то, чтобы норманскіе князья и даже весь народъ Русь, пришедши въ Россію и занявъ здѣсь положеніе народа господствующаго, немедленно забыли свою собственную религію и стали поклоняться богамъ на-

¹⁾ Истор. Росс., т. I, стр. 521.

²⁾ Das Nord-ostliche Theil von Europa, стр. 165.

³⁾ Г. Европеусъ полагаетъ, что здѣсь именно въ это время жилъ еще какой-то народъ ониско-угорской отрасли Финскаго племени. Но и это все-таки Финны. Имъ кажется, однако, что факты, приводимые имъ для подтвержденія своей мысли (длинные черепа въ курганахъ и ониско-угорскія названія мѣстностей), могутъ быть объяснены иначе.

рода, ставшаго къ нимъ въ отношеніи подчиненныя. Это доказательство дѣйствительно имѣетъ большую силу противъ норманской теоріи; но собственную теорію г. Иловайскаго оно подкрѣпляетъ очень мало. Это было бы только въ такомъ случаѣ, еслибы дѣйствительно было справедливо то, что Перунъ и Волосъ были божества славянскія. Было дѣйствительно время, когда ихъ принимали за славянскія, и не было человѣка, который сомнѣвался бы въ этомъ. Въ то время достаточно было встрѣтить имя Перуна, Волоса или какого-нибудь другого славянскаго божества въ какомъ-нибудь литературномъ произведеніи, чтобы признать, что народъ, которому принадлежало это произведеніе, поклонялся этимъ богамъ, не обращая вниманія на то, откуда попало въ литературу имя бога—изъ народнаго ли вѣрованія и употребленія, или изъ школьной учености. Такимъ образомъ Юнгманъ, найдя въ чешской литературѣ двукратное упоминаніе Велеса, причислилъ его къ языческимъ богамъ Чешскаго народа ¹⁾, ссылаясь въ то же время на народную пѣсню, въ которой будто бы имя этого бога упоминается, а въ народной пѣснѣ упоминается не Велесъ, а Вель, имя, которое носили у Славянъ не боги, а люди ²⁾. Въ то время и Перуна считали общеславянскимъ богомъ, на томъ основаніи, что у Балтійскихъ Славянъ упоминается богъ Проне, и четвергъ назывался Паренданъ, а у Сербовъ гдѣ-то есть гѣсъ, называющійся Перунова дубрава, хотя въ миеологін южныхъ и Прибалтійскихъ Славянъ, хорошо извѣстной ученымъ, нѣтъ никакого упоминанія о Перунѣ, да и мѣста ему тамъ нѣтъ, такъ какъ его мѣсто занято Святovitомъ, Радегастомъ и пр. Польскимъ богомъ Перунъ считался потому, что у Поляковъ молнія называется *piogun*, хотя въ польскомъ словарѣ рядомъ съ этимъ Перуномъ стоитъ *piogo*, перо, *piogko*, *piognik*, *piognika*, происходящія отъ *piogo*; и самое слово *piogun* не древнее. Такимъ образомъ, славянская миеологія значительно обогатилась; ученые создали боговъ, привели ихъ въ систему, надѣлили небывалыми качествами. Раньше этого Вацерадъ сочинилъ даже о Велесѣ, будто онъ научилъ людей дѣлать изъ тростника музыкальные инструменты, соединяя ихъ воскомъ, и что будто бы самъ онъ имѣлъ видъ козла, какъ греческій Панъ ³⁾. А Юнгманъ воспринялъ эту характеристику въ своемъ словарѣ.

¹⁾ *Slownik Cesko—německy*, V, стр. 57.

²⁾ См. *Морозкина* Слав. именословъ, стр. 36.

³⁾ *Veles, pan, imago hircina, primus calamos conjungere plures instituit.*

Но ни характеристика эта, ни стройная система миеологін не ладилъ съ фактами. Замѣтили, напримѣръ, ученые, что „о самыхъ важнѣйшихъ кумирахъ Кіевскаго холма, которыхъ имена постоянно повторяются лѣтописцами, мы ничего не знаемъ, кромѣ этого пустаго имени“¹⁾, то-есть, что отъ поклоненія этимъ богамъ не осталось никакихъ слѣдовъ ни въ народныхъ обрядахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, названіяхъ мѣстностей, ни въ чемъ; и это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что отъ поклоненія другимъ богамъ, менѣе важнымъ, какъ напримѣръ, Купалѣ, Лелю, русалкамъ сохранились или многочисленныя, или хотъ какіе-нибудь слѣды. Не менѣе удивительно и то, что Волось, которымъ клялись Русскіе, совершая договоры съ Греками, совсѣмъ не нашелъ себѣ мѣста на Кіевскомъ холмѣ рядомъ съ Перуномъ, Хорсомъ-Дажьбогомъ, Симономъ, Рогломъ и Мокшою. Кромѣ того, извѣстно, что Славяне, если дѣлали идоловъ, то болѣею частію дѣлали ихъ съ нѣсколькими головами. На это ученые также обратили вниманіе²⁾. Между тѣмъ въ Россіи объ этомъ помину нѣтъ. Правда, въ предгорьяхъ Карпатъ найденъ (на берегу Сбручи) истуканъ съ четырьмя головами, но на Кіевскомъ холмѣ стояли кумиры одноголовые съ тою притомъ особенностью, что у одного изъ нихъ, главнаго, голова была серебряная, а усы золотые, чего въ свою очередь нигдѣ не было въ другихъ Славянскихъ земляхъ. Всѣ эти факты не могли не вызывать на изслѣдованія, и вотъ къ чему пришли ученые, предпринимавшіе ихъ. Шенпингъ пишетъ, что Перунъ, Сварогъ и Радъ были чужды Русскимъ Славянамъ³⁾! Бѣляевъ нашолъ, что „русскіе Славяне не имѣли боговъ западно-славянскихъ, а отчасти имѣли боговъ славянъ дунайскихъ“⁴⁾. А какіе-жъ у нихъ были другія божества, откуда? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ отчасти Прейсъ. Слово Хорсъ, говоритъ онъ, есть чуждое. Это персидское хуръ—солнце, то самое слово, которое служило именемъ Киру Аградату, которымъ еще въ прошломъ вѣкѣ Персіане называли Екатерину II. Что названіе это чуждо нашимъ предкамъ, это доказывается тѣмъ, что они нашли полезнымъ перевести его на свой языкъ и потому болѣею частію употребляли рядомъ подлинникъ съ переводомъ—Хорсъ-Дажьбогъ. Дажьбогъ это ни что иное какъ переводъ (не

¹⁾ Шенпингъ, Русская народность въ обрядахъ, М. 1862. стр. 17.

²⁾ Утесилъ съ М. Об. И., т. II, стр. 5—23.

³⁾ Врем. М. О. И., т. VIII, стр. 58.

⁴⁾ Труды перваго Арх. Съезда, стр. 251.

филологическій, а по значенію) слова Хорсъ. Таково мѣнѣе Водянскаго достаточно подтверждаемое имъ ¹⁾).

Что касается до Сима и Ресла, Прейсъ сопоставилъ ихъ съ библейскими 'Асраѣ и Ерѣл, которыхъ почитали мужи Хуескіе и Эмаескіе, приведенные Салманассаромъ изъ Вавилона и поселенные въ Самаріи на земляхъ Иранильтанъ, отведенныхъ въ плѣнъ въ Ассарію ²⁾. Удивительно это сходство Киевскихъ божествъ съ божествами дальняго востока, притомъ съ такими, которыя были почитаемы тамъ полторы тысячи лѣтъ раньше того, какъ Владиміръ ставилъ идоловъ надъ Днѣпромъ. Къ нему можно было бы по справедливости отнести съ недоумѣніемъ и видѣть въ немъ только сходство случайное; но найдена посредствующая ступень, которая можетъ служить связью между обими историческими фактами. Именно въ Восторѣ - Киммерійскомъ найдена древняя надпись, изъ которой видно, что подобныя же божества были почитаемы и здѣсь въ Восторскомъ царствѣ не задолго до начала нашей эры. Имъ, ἰσχυροῦς θεοῦ 'Ανέργει καὶ 'Αστάρα, воздвигла храмъ Комосарія, дочь Горгина и жена Перисада, князя Восторскаго и Феодосійскаго. Въ этихъ Анергѣ и Астарѣ ученые безпристрастные, относящіеся къ вопросу о началѣ Руси безразлично (Прейсъ), видятъ Эргела и Асимаа Библии и Сима съ Регломъ нашей лѣтописи. И оба эти божества, судя по всему, дѣйствительно восточнаго происхожденія; Анергъ, безъ сомнѣнія, напоминаетъ Эргела, и Астара очень походитъ на извѣстное финикійское и сирійское божество, Астарту, Тирскую Венеру по представленію Грековъ, называемую въ Библии Астаротъ. Способъ, которымъ араміискія языческія божества перешли въ царство Восторское, легко понять, потому что передъ рожденіемъ Христовымъ весь греко-римскій міръ, и преимущественно восточная половина его, мало по малу отъ культа Олимпійскихъ боговъ переходить къ культамъ востока. Этимъ путемъ въ греко-римскій пантеонъ попали Сераписъ египетскій и Миера персидскій. Какъ попали Асимааъ и Эргель на Киевскій холмъ, это я постараюсь объ-

¹⁾ Шептинъ и раньше его Суровецкій въ сочиненіи «Исслѣдованіе начала Славянскихъ народовъ». По изысканіямъ Суровецкаго Святovitъ имѣлъ 4 голвы, Триглавъ 3, Поревитъ 5 и т. д. См. *Ученія М. Об. Ист.*, 1846—1847 г. стр. 57, 58.

²⁾ Α καὶ οἱ ἄνδρες Χουθ ἰκοῖσαν τὴν 'Ερῆλ καὶ οἱ ἄνδρες 'Ασραῖ ἰκοῖσαν τὴν 'Ασραῖ; см. Царств. IV, глав. 17, ст. 30. Въ Славянскомъ переводѣ Библии 'Ερῆл передано Гигель.

яснить ниже, теперь же я доказываю только то, что не всё божества этого холма были божествами славянскими.

Такъ объ этомъ думаютъ ученые, которыхъ мнѣнія я привелъ. О Хорсѣ, Смиѣ и Реглѣ уже и говорить нечего. Эти божества не туземныя въ Киевѣ. Къ нимъ долженъ быть отнесенъ и Перунъ. Шенпингъ прямо говоритъ, что такого божества у Славянъ не было, что онъ былъ принесенъ къ Русскимъ Славянамъ Скандинавами ¹⁾. То же подтверждаетъ и Эрбенъ, первый авторитетъ въ славянской мнѣологии, который говоритъ, что Перунъ пришелъ въ Русь съ Варягами и даже здѣсь всегда оставался только богомъ господствующаго класса варяжскаго происхожденія. У другихъ Славянъ, именно Чеховъ, гдѣ находили его ученые на основаніи глоссы *Mater Verborum „Regin=Jupiter“*, этого имени тамъ совсѣмъ не знали, такъ какъ тамъ было свое имя для бога грома *Himbur* или *Himal* ²⁾.

„Если Олегъ былъ Нормантъ, и дружина его состояла изъ Норманновъ, то какъ же они клянутся славянскими божествами Перуномъ и Волосомъ, а не скандинавскими Однимъ и Торомъ?“ спрашиваетъ г. Иловайскій. Нѣтъ, богъ, которымъ они клянутся, Перунъ, есть именно богъ скандинавскій: такъ говорятъ объ этомъ изслѣдователи спеціалисты. Волосомъ, предполагаемымъ славянскимъ богомъ ³⁾, Олегъ и его дружина его клянутся потому, что эта дружина состояла не изъ однихъ Норманновъ, но и изъ Славянъ. У лѣтописца сказано вообще: „водиша (Греки) Ольга и мужій его на роту“, а не Ольга и Варяговъ. Кромѣ того, у лѣтописца, какъ нарочно, сказано, что Олегъ и мужи его клялися „Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ скотскимъ богомъ“, такъ что ихъ то собственно богъ какъ будто и есть только одинъ Перунъ, а Волосъ какъ будто богъ чуждый имъ первоначально и только впоследствии усвоенный ими, какъ богъ той страны, въ которой они поселились; это тѣмъ болѣе кажется правдоподобнымъ, что въ договорѣ Игоря упоминается, и притомъ два раза, имя только одного Перуна, а имя Волоса—ни разу. Значитъ на этотъ разъ Игорь и дружина его не сочли даже нужнымъ клясться богомъ страны, обитаемой ими, ограничиваясь однимъ только „своимъ“ богомъ. Во всякомъ случаѣ Олегъ и дружина его клялися не славянскими

¹⁾ Русск. Народн., стр. 17 и 18.

²⁾ Słownik naukowy, т. VIII, стр. 604.

³⁾ Славянскимъ его, кромѣ другихъ ученыхъ, считаютъ и Шенпингъ, и Эрбенъ, но въ этомъ они ошибаются, какъ увидимъ ниже.

богами, но однимъ славянскимъ, а другимъ—скандинавскимъ. И доказательства, котораго ищеть здѣсь для своей теоріи г. Иловайскій, въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ. Считаю нужнымъ однако теперь же прибавить, что я не считаю ни Перуна богомъ скандинавскимъ, ни Волоса богомъ славянскимъ; оба они были божествами финскими, что я и буду доказывать ниже. Мнѣнія Шеппинга и Эрбена я привелъ только для опроверженія одного изъ самыхъ, по видимому, сильныхъ доказательствъ исконнаго существованія Руси Днѣпровской.

Еще одно сильное, также только по видимому, доказательство г. Иловайскаго состоитъ въ томъ, что Русы будто бы еще въ 967 году исповѣдывали уже православную вѣру и притомъ съ восточнымъ обрядомъ и славянскимъ богослуженіемъ, что слѣдуетъ изъ буллы папы Іоанна XIII: „Justum est“. Но булла эта подложная, одна изъ такихъ, которыхъ такъ много обращалось въ католическомъ мірѣ въ средніе вѣка. Это доказано Пубичкою въ его исторіи Богеміи; Палацкій также принялъ это мнѣніе, а также Фил. Яффе, который въ изданіи *Regesta pontificum romanorum*, не помѣстилъ ее въ числѣ дѣйствительныхъ папскихъ буллъ, а помѣстилъ въ прибавленіи и въ числѣ другихъ буллъ подложныхъ, *vrugiae*. Доказательства подложности состоятъ не только въ томъ, что эта булла приписываетъ христіанскую вѣру и славянское богослуженіе, Россіи 967 года но еще въ томъ, что Болгарія въ это время принадлежала еще къ католической церкви, а въ буллѣ сказано, „*Secta Bulgariae gentis*“, и ей приписанъ также греческій обрядъ, и наконецъ, въ томъ, что пражское епископство основано только въ 973 году при Оттонѣ I и Бенедиктѣ VI, тогда какъ булла приписываетъ основаніе его князю Болеславу и папѣ Іоанну XIII, и относить его къ 967 году¹⁾.

Вотъ въ чемъ заключаются важнѣйшія доказательства гг. Гедеонова и Иловайскаго въ пользу исконнаго существованія Руси на среднемъ Днѣпрѣ. Думаю, что я привелъ и достаточно опровергъ ихъ всѣ. У г. Иловайскаго есть, кромѣ того, много соображеній, ничѣмъ не доказанныхъ, которыя по бездоказательности своей не требуютъ и опроверженія, есть много странныхъ сближеній, напоминающихъ фантастическія сближенія Венелина, Морощкина и Вельмана, наприѣръ, сближеніе Полянъ, Спалеевъ, и Исполиновъ,—Роксолапъ и Руси-Полянъ,—

¹⁾ *Perts, Ser.*, т. XI, стр. 49, хроника Козьмы Пражскаго.

Славянь (Slavi, Сакалиба) съ Саками и Скелотами (Скенами), и много другихъ подобныхъ.

Нѣкоторые изъ этихъ сближеній имѣли бы смыслъ, еслибъ они имѣли подъ собою почву, то-есть, еслибы г. Иловайскій нашелъ свою приднѣпровскую Русь, доказавъ ея существованіе. Но этого онъ не достигнулъ. Въ такомъ случаѣ всѣ эти сближенія и соображенія не имѣютъ никакого вѣса, какъ его не имѣютъ положенія въ родѣ того, что русская исторія тяготеетъ не къ сѣверу, а къ югу. Что такое тяготѣніе исторіи? Тяготѣніе одного народа или части народа къ другой мы понимаемъ; такъ Венеція и Ломбардія, будучи подъ властью Австріи, тяготѣли къ Италиі, Шлезвигъ и Голштинія тяготѣли къ Пруссіи, теперь сѣверный Шлезвигъ тяготеетъ къ Даніи. Но тяготѣніе исторіи есть нѣчто совсѣмъ непонятное. Что Русское государство первоначально расширялось отъ сѣвера къ югу, какое это тяготѣніе? Къ кому тяготѣлъ Олегъ, перенесшій мѣстопробываніе свое изъ Новгорода въ Кіевъ? Развѣ только къ Византіи, которому удобнѣе было грабить изъ Кіева, чѣмъ изъ Новгорода.

Итакъ, пустота, которую гг. Геденовъ и Иловайскій сами же произвели въ началѣ русской исторіи, ими не наполнена. Не предубѣжденный человѣкъ можетъ быть еще менѣе доволенъ положительною стороною ихъ ученій, чѣмъ норманскою теоріей. Тамъ недостаетъ скандинавской природной Руси, но есть, по крайней мѣрѣ, Родсы, есть финское названіе Rots, Ruotsi, именно для Шведовъ; тутъ нѣтъ ничего, кромѣ трехъ рѣкъ съ именемъ Рось, изъ которыхъ ни одна не орошала Кіевского княжества, этой будто бы первобытной Руси.

IV.

Мой трудъ есть попытка наполнить пустоту, образовавшуюся въ началѣ русской исторіи, отыскать ту Русь, отъ которой мы получили имя, и тотъ народъ, который положилъ основу Русскому государству. Это все та же задача, которую стремились разрѣшить норманисты и всѣ ихъ противники, которая занимала нашихъ предковъ, искавшихъ первоначальную Русь и на рѣкѣ Руси, и у Прусовъ и у Нѣмцевъ, которая занимала и самого Нестора, задавагоса вопросомъ: откуда пошла Русская земля; потому что онъ зналъ, что не изъ Кіева пошла она, а откуда-то изъ другаго мѣста.

Само собою разумѣется, что новой, никому неизвѣстной Руси я не могу открыть послѣ полуторастолѣтнихъ исканій ея учеными на

всѣхъ границахъ Россіи. Русь, отъ которой я буду производить начало Русскаго государства, всѣмъ извѣстна; ее предугадывали Татищевъ и Волтинъ, на нее почти прямо указывалъ Эверсъ, хотя и пошелъ искать основателей Русскаго государства въ другомъ мѣстѣ; ее указываютъ почти всѣ ориенталисты (Гаммеръ, Доссонъ, Рено, Хвольсонъ); ее знаютъ и скандинавскіе писатели (Саксонъ Граматикъ, Сумъ, Далинъ, Штраленбергъ) и даже нѣкоторые нѣмецкіе (Готге). Она хорошо извѣстна и норманистамъ, и новымъ противникамъ ихъ, гг. Геденову и Иловайскому. Только норманисты подъ вліаніемъ своей теоріи отказываются видѣть въ ней Русь родовую, думая, что она сама получила имя отъ Руси скандинавской. Вліаніе норманской теоріи на изслѣдователей было столь сильно, что Френъ, занявшись обстоятельнѣе, нежели кто-нибудь, изученіемъ извѣстій арабскихъ писателей о Руси, просмотрѣлъ ее тамъ, гдѣ всѣ другіе ориенталисты видѣли ее, оставилъ безъ вниманія и перетолковалъ явно въ превратномъ смыслѣ одно изъ наиболѣе важныхъ мѣстъ, касающихся Руси. Савельевъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, и въ результатѣ вышло, что онъ арабскимъ писателямъ приписалъ такіа возрѣнія на Русь, какихъ никто изъ нихъ никогда не имѣлъ. Отсюда и произошло, что единственную самостоятельную Русь, существовавшую на землѣ до начала Русскаго государства, русскіе ученые не могли признать какъ таковую, продолжая бесплодно искать ее на берегахъ Балтійскаго моря, и потомъ, когда безуспѣшность этихъ исканій стала очевидна, они сочинили новую, также небывалую родовую Русь—на берегахъ Днѣпра.

Свое изслѣдованіе о мѣстѣ и народности древней Руси я начну именно съ арабскихъ источниковъ, предпочитая ихъ всѣмъ другимъ, потому что свѣдѣнія, заключающіяся въ нихъ, не представляютъ чего-нибудь случайнаго, какъ свѣдѣнія византійскія или западно-европейскія, не представляютъ результата соображеній, какъ извѣстіе Нестора о варяжской Руси, а представляютъ результатъ дѣйствительныхъ географическихъ свѣдѣній и изслѣдованій людей, одушевленныхъ любовью къ наукѣ, людей правдивыхъ и притомъ современниковъ начала Русскаго государства, которыхъ извѣстія, какъ я надѣюсь показать, въ сущности согласны со всѣми другими положительными свидѣтельствами историческими и оправдываются нашею собственною исторіей, бытомъ славянской Россіи въ первые вѣка ея существованія, и не согласны только съ географическими и этногра-

фическими мнѣніями людей, которые не были компетентны ни въ этнографіи, ни въ географіи.

V.

При изученіи арабскихъ источниковъ и литературы, относящейся къ нимъ, изслѣдователь встрѣчается съ однимъ научнымъ положеніемъ, которое идетъ въ разрѣзъ съ несомнѣнными географическими и этнографическими данными, относящимися ко времени начала Русскаго государства, именно съ тѣмъ, что арабскіе географы будто бы называютъ Волгу славянскою рѣкою. Изъ ориенталистовъ, сколько мнѣ извѣстно, это положеніе высказали Рено и г. Гаркави, изъ неориенталистовъ первый, кажется, Шафарикъ и за нимъ нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ, касавшихся этого предмета. Арабскіе географы, которымъ приписывается это именованіе Волги славянскою рѣкою—Ибнъ-Хордадбегъ, писатель IX вѣка, безымянный географъ X вѣка и Атъ-Табари, также писатель X вѣка. Странно было бы дѣйствительно, еслибы эти географы называли Волгу славянскою рѣкою.

Рюрикъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ IX столѣтія властвовалъ въ нѣкоторыхъ земляхъ Славянъ и Финновъ. Государство его называлось не славянскимъ, а Русскимъ. Волга протекала по его владѣніямъ. Но она протекала исключительно по странамъ, населеннымъ Финскимъ племенемъ. Мнѣніе, что Ростовъ былъ колоніей Новгородцевъ, что поэтому въ немъ уже въ то время жили и господствовали Славяне, есть ничто иное, какъ предположеніе, сдѣланное съ цѣлью объясненія извѣстія лѣтописца о призваніи князей и дальнѣйшаго извѣстія его, что Рюрикъ владѣлъ Ростовскою областью, предположеніе, противорѣчащее прямому свидѣтельству лѣтописца, что Ростовъ при началѣ государства былъ городомъ Мери и ею былъ населенъ. Оно противорѣчитъ и нѣкоторымъ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, говорящимъ, что Ростовъ долго еще сохранялъ свой финскій характеръ: такъ, христіанство принималось въ Ростовѣ очень туго; первые епископы Теодоръ и Иларіонъ, поставленные туда еще при Владимірѣ, были изгнаны Ростовцами. Св. Леонтій былъ убитъ тамъ сто лѣтъ спустя послѣ крещенія Руси; въ то же время волхвы безспорно Финскаго племени возмутили всю страну во имя своихъ вѣроваій по случаю голода.

Что Ростовъ носить, по видимому, славянское имя, это ничего не доказываетъ. Вспомнимъ, во первыхъ, что скандинавскіе источники упоминаютъ объ одномъ финскомъ волхвѣ, который назывался Ро-

стіофъ; въторыхъ, имя мерскаго города, какъ имя чуждое славянскому уху и языку, будучи усвоено Славянами, должно было подвергнуться измѣненію съ цѣлью осмысленія его. Такимъ образомъ болѣе или менѣе осмыслены многія иностранныя названія городовъ, вошедшихъ въ составъ Россіи. Саратовъ первоначально назывался Саратау, что значитъ бѣлая или желтая гора. Подобнымъ образомъ Сардвала превратилась въ Сердоболь, Ораніебаумъ въ Рамбовъ, Шлисельбургъ въ Шлюшинъ и т. п. Кромѣ того, скандинавскія саги называютъ Ростовъ не Ростовомъ, а Радетовой, и мы не имѣемъ никакой причины считать наше названіе болѣе близкимъ къ подлинному имени древне-мерскаго города, чѣмъ скандинавское.

Трудно допустить, чтобы самое верховье Волги или верхніе притоки ея, Вазуза и другіе, были населены Славянами уже при началѣ Русскаго государства; во всякомъ случаѣ, Славянское племя въ этихъ краяхъ не подавало никакихъ признаковъ жизни около трехъ вѣковъ послѣ IX столѣтія. Древнѣйшіе города этой мѣстности Ржевъ, Вязьма ¹⁾ упоминаются ровно въ XIII и даже XIV столѣтіи. Между тѣмъ, что въ древнѣйшія времена здѣсь жили не Славяне, на это указываютъ какъ самыя названія рѣкъ Вазуза, Гжать, Вязьма и пр., такъ и то, что на самыхъ верховьяхъ Волги сохранились многочисленныя курганы, несомнѣнный памятникъ финскаго населенія. И если мы примемъ въ соображеніе то, что въ восточной Россіи Славянское племя непрерывно подвигалось на сѣверо-востокъ, а Финское отступало въ томъ же направленіи, равнымъ образомъ и то, что Финское племя еще въ наши дни живетъ на берегахъ озера Селигера, то-есть, почти на самыхъ верховьяхъ Волги, то мы должны отнестись съ большимъ недоумѣніемъ къ словамъ лѣтописца, будто Славяне жили въ IX вѣкѣ на верховьяхъ Волги ²⁾. Во всякомъ случаѣ, пребываніе Славянъ на

¹⁾ Охотники видѣть вездѣ славянскіе корни, конечно, могутъ принимать названіе Вязьмы за славянское; но если мы сопоставимъ съ смоленскою Вязьмою другую Вязьму Владимірской губ., то-есть, страны безспорно бывшей финской, то станеть ясно финское происхожденіе этого названія.

²⁾ Впрочемъ, лѣтописецъ потому только поселяетъ Славянъ на верховьяхъ Волги, что онъ нисколько не сомнѣвается въ славянствѣ Кривичей. Но выше я уже привелъ мнѣнія ученыхъ, между прочимъ г. Куника, что Кривичи были, по крайней мѣрѣ, не вполне, или не всѣ Славяне. Естественно, что славянской элементъ преобладалъ у нихъ въ краю смежномъ съ Славянами, то-есть, на югѣ, а финскій — на границахъ Финскаго племени, то-есть, на сѣверовостокѣ. Самое имя Кривичей, имѣющее славянское окончаніе, какъ имена Вятчей, Ра-

верховьяхъ Волги въ продолженіе трехъ или даже четырехъ вѣковъ со времени основанія государства не проявилось ни въ чемъ. Во все теченіе этого времени о нихъ ничего не говорятъ даже русскіе источники. Тѣмъ менѣе могли сказать и знать о нихъ что-нибудь восточные писатели IX вѣка (Ибнъ-Хордадбегъ). А еслибы даже имъ и было извѣстно, что верховье Волги на 200 верстъ отъ истока ея населено Славянами, то въ такомъ случаѣ они еще лучше должны были знать, что далѣе на 2.000 верстъ она была населена другимъ племенемъ, дѣятельнымъ, богатымъ, которое имѣло уже далеко извѣстные города, такъ что все почти теченіе Волги выше Булгаріи принадлежало ему, и Волга была на дѣлѣ его рѣкой, а не рѣкою Славянскаго племени. Рѣками Славянъ гораздо съ бѣльшимъ правомъ могли бы быть въ то время названы Днѣпръ, Днѣстръ, Западная Двина. И Днѣпръ, кажется, дѣйствительно назывался этимъ именемъ у арабскихъ писателей. Но что Волга не могла называться у нихъ славянскою рѣкою, въ этомъ мы еще больше убѣдимся, если обратимъ вниманіе на то представленіе, которое арабскіе писатели имѣютъ о положеніи Славянской земли. Аль-Фовори, писатель VIII вѣка, говоритъ о ней послѣ Дунайской Булгаріи и прежде Византійской имперіи,—въ чемъ, конечно, позволительно видѣть, что овъ и представлялъ

днѣпръ, Уличей, происходитъ отъ корня не славянскаго, а литовскаго—*крие*, что значитъ востокъ. Литовцы и Латыши до сихъ поръ Россію называютъ именемъ, происходящимъ отъ этого корня—*Кгеви* вѣште. Отсутствие у Славянъ славянскаго имени для Кривичей показываетъ, что населеніе этого края уже на ихъ памяти, послѣ прибытія ихъ въ нынѣшнюю Россію, было не славянскимъ. А прибытіе Славянъ въ Россію, въ бассейнъ Вислы и Днѣпра, всего вѣроятнѣе относить вѣстѣ съ Эверсомъ къ VII вѣку, не смотря на высказанныя объ этомъ предметѣ, между прочимъ, еще недавно противныя мнѣнія (см. у Эверса первую главу Предварит. Исследованій). Названія мѣстностей въ сѣверо-восточной части Смоленской губерніи, преимущественно рѣкъ, подтверждаютъ мысль, что прежде Славянъ здѣсь жили Финны; такъ, въ Гжатскомъ и Сычевскомъ уѣздѣ течетъ рѣка Котороша, которая напоминаетъ Которосль Ярославской губ., въ Гжатскомъ Рееса (Рязанск. Рѣса, по фински значитъ топъ), Яуза (ср. въ Московск.), Вязма (ср. во Владим.); вообще имена большинства рѣкъ звучатъ не по славянски (Умена, Кунова (Нижег. губ. село), Шмел, Огосъ, Сумезга, Ежолна (ср. въ Моск. губ. с. Ежель), Пчирка, Толжа, Сема, Темовка, Чечора и пр.). Изъ селъ замѣчательны Русомаки; корень *рус* по фински значитъ бѣлый, желтый, красноватый, а *маки* — гора. Съ окончаніемъ *маки*, *маки* очень много названій въ Финляндіи. Другое село Шуйи напоминаетъ многія поселенія сѣверной Россіи съ этимъ именемъ, которое производятъ отъ *суо*—озеро, болото.

себѣ Славянскую землю въ сосѣдствѣ этихъ государствъ. По Аль-Фергани (писатель IX вѣка) „седьмой климатъ“ проходитъ по Каспійскому морю, Черному морю, по странѣ Дунайскихъ Булгарь, Славянъ и затѣмъ достигаетъ Средиземнаго моря. Очевидно, и Аль-Фергани представляетъ страну Славянъ къ западу отъ Чернаго моря въ сосѣдствѣ съ Дунайскою Булгаріей. По Аль-Хоррани (также писатель IX вѣка), Македонія имѣетъ къ сѣверу Дунайскую Булгарію къ западу — страну Славянъ. Ясно, что и онъ знаетъ страну Славянъ, лежащую на Балканскомъ полуостровѣ въ сосѣдствѣ съ Македоніей и Дунайскою Булгаріей, и именно къ западу отъ Македоніи. Самъ Ибнъ-Хордадбегъ, который будто бы Волгу называетъ славянскою рѣкою, помѣщаетъ землю Славянъ въ Европѣ (Аруфа) между Андалузіей, Византіей и Франками, въ то время какъ Хазарь, обитавшихъ на Волгѣ, онъ относитъ къ Азіи. Кромѣ того, онъ прямо говоритъ, что за Славянскою землею находится море, при которомъ находится городъ Вулія. Эта Вулія есть ничто иное, какъ Апулія, которая у Абульфеды называется не городомъ, а страню¹⁾. Стало быть, и море это есть ничто иное, какъ море Адриатическое. Такъ понимаютъ это всѣ ориенталисты. Стало быть, самъ Ибнъ-Хордадбегъ представлялъ себѣ страну Славянъ къ востоку отъ Адриатическаго моря. Замѣчательно, что и Ибнъ-Хордадбегъ, и другіе почти современныя ему арабскіе писатели совершенно правильно представляютъ себѣ мѣстоположеніе Славянской земли. И о томъ, чтобы Славяне жили на верховьяхъ Волги, у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Какимъ же образомъ понять то, что Волгу они называютъ будто бы славянскою рѣкою? Тутъ все дѣло состоитъ только въ недоразумѣніи.

Прямо славянскою рѣкою Волгу не называетъ ни одинъ изъ арабскихъ писателей; прямо и несомнѣнно называютъ ее Массуди Хозарскою рѣкою, Ибнъ-Фадлонъ, Ибнъ-Гаукаль и Эдриси—Русскою рѣкою. Что Ибнъ-Хордадбегъ и Атъ-Табари называютъ ее славянскою, это только мнѣніе ученыхъ. Ибнъ-Хордадбегъ говоритъ просто о славянской рѣкѣ, а ученые думаютъ, что онъ подъ нею разумѣетъ Волгу. А Атъ-Табари совсѣмъ и не говоритъ ни о Славянской рѣкѣ, ни о Волгѣ, какъ сейчасъ увидимъ,—только нѣкоторые ученые неправильно приписываютъ ему это.

Ибнъ-Хордадбегъ говоритъ, что русскіе купцы привозятъ „изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи“ мѣха и мечи въ Румскому, то есть,

¹⁾ *Reinaud, Geogr. d'Abulfeda, гл. II, стр. 278.*

Черному морю, гдѣ царь Рума, то есть, Константинополя, беретъ съ нихъ пошлину. „А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи, приходятъ въ заливъ Ховарской столицы“, гдѣ владѣтель Ховаріи опять беретъ съ нихъ пошлину. Несомнѣнно, что заливъ Ховарской столицы—это нижнее теченіе Волги, близъ Итиля. Если Ибнъ-Хордадбегъ называетъ Волгу Славянскою рѣкою, то зачѣмъ ему еще употреблять другое названіе для нижняго ея теченія?—Не говорить ли это въ пользу того мнѣнія, что подъ Славянскою рѣкою онъ разумѣетъ не Волгу, а какую-нибудь другую рѣку. Не забудемъ, что, по словамъ Ибнъ-Хордадбега, русскіе купцы везутъ свои товары въ отдаленнѣйшихъ концовъ Славоніи, а Славонія, по его же мнѣнію, находится въ Европѣ близъ Адриатическаго моря, недалеко отъ Апуліи. Оттуда русскіе купцы везутъ свои товары, и сначала въ Константинополь, а уже отсюда, „если оседаютъ“, то есть, иногда, ѣдутъ въ Ховарію по рѣкѣ Славоніи и по нижнему теченію Волги. Очевидно, рѣка Славоніи находится между Константинополемъ и нижнею Волгою. Что же это за рѣка? По какой рѣкѣ нужно было ѣхать, чтобы попасть изъ Чернаго моря на нижнее теченіе Волги? Прежде всего кажется, что этою рѣкою долженъ быть Донъ. Мы знаемъ, что Руссы дѣйствительно перетаскивались изъ Дона въ нижнюю Волгу, и Дона нельзя было миновать никакъ всякому ѣхавшему изъ Чернаго моря въ Ховарію. Но странно было бы, еслибъ и Дону арабскіе писатели дали названіе рѣки Славянской. Славяне ни въ IX, ни въ X вѣкѣ еще не жили на Дону, даже не жили гдѣ-нибудь близъ Дона. Славяне жили въ то время только на Днѣпрѣ. Его-то Ибнъ-Хордадбегъ и называетъ Славянскою рѣкою. Чтобы понять приведенное мѣсто Ибнъ-Хордадбега, нужно сопоставить его съ подобнымъ же мѣстомъ изъ Константина Вагранороднаго который говоритъ: „Ad septentrionem habet (Patzinacia) Danaprim fluvium, ex quo Russi proficiscuntur in Nigram Volgariam, Chazariam et Syriam“ (Штр., II, 987). Nigra Volgaria это, по изслѣдованіямъ, г. Бруна ¹⁾, Булгарія Волжская, а не Дунайская, какъ думалъ покойный И. Д. Вѣляевъ. Siria это, по всей вѣроятности, Ширванъ, какъ думаетъ Савельевъ. Эти страны вмѣстѣ съ Ховаріей находятся въ одномъ направленіи отъ Руси, такъ что ѣхать къ нимъ изъ Руси нужно одною и тою же дорогою. Итакъ, изъ словъ Константина Вагранороднаго выходитъ, что Руссы изъ Днѣпра отправлялись въ страны, омываемыя нижнею Волгою и Каспійскимъ моремъ. Нужно

¹⁾ Записки Од. Общ. Ист. и Древн., т. V, стр. 119.

ли это понимать такъ, какъ понималъ это Савельевъ, то есть, что Руссы изъ Днѣпра выходили въ Черное море, потомъ шли въ Азовское море, въ Донъ, потомъ волокомъ въ Волгу? Еслибъ это было такъ, то Константину слѣдовало обозначить весь этотъ маршрутъ, назвать и Черное, и Азовское моря, и Донъ. Но этого онъ не сдѣлалъ. Говорить просто, что Руссы отправляются изъ Днѣпра, ему не было надобности. Руссы, которыхъ зналъ Константинъ Багрянородный, жили на Днѣпрѣ; естественно, что изъ Днѣпра они должны были выходить, куда бы и какимъ путемъ (воднымъ) имъ ни слѣдовало идти. Въ дѣйствительности мысль Константина—та, что Руссы прямо изъ Днѣпра отправляются въ Булгарію, Хозарію и Ширванъ. Какъ же это можно было сдѣлать?—Вопросъ этотъ рѣшенъ г. Бруномъ¹⁾. При началѣ Русскаго государства существовалъ кратчайшій водный путь между Днѣпромъ и Дономъ. Руссы отправлялись изъ Днѣпра въ рѣку, теперь носящую имя Конской. Верховья этой рѣки сходятся съ верховьями р. Берды, близъ устья которой построенъ Бердянскъ. Руссы перетаскивались изъ одной рѣки въ другую, опускались по Бердѣ въ Азовское море, потомъ входили въ Донъ и Дономъ поднимались до волока между этою рѣкой и Волгою.

Итакъ, Руссы везя свои товары изъ Константинополя въ Хозарію, ѣхали изъ Чернаго моря въ Днѣпръ. Его-то Ибнъ-Хордадбегъ и называетъ Славянскою рѣкою²⁾. До сихъ поръ только и знаетъ Ибнъ-Хордадбегъ ихъ маршрутъ, сообщенный ему, по всей вѣроятности, Греками, которые и сами больше ничего не знали. Ихъ удивляло только то, что Руссы ѣдутъ изъ Чернаго моря въ Хозарію черезъ Днѣпръ. Путь изъ Чернаго моря въ Хозарію былъ знакомъ и Грекамъ; но они ѣздили черезъ Азовское море и Донъ, а Руссы ѣздили черезъ Днѣпръ. Константинъ Багрянородный и записалъ этотъ замѣчательный для него фактъ. Намъ онъ понятенъ. Руссы не были настоящими мореходами. Они были искусными судоходами на рѣкахъ, а выѣзжая въ море, они любили придерживаться береговъ; открытаго моря они боялись; и огибать Таврической полуостровъ, чтобъ изъ Днѣпра попасть въ Донъ, имъ было дѣло непривычное.

Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что Ибнъ-Хордад-

¹⁾ Въ *Зап. Од. Общ. Ист. и Древн.* т. V. въ статьѣ: Слѣды древнаго пути между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ.—Путемъ этимъ пользовались впоследствии Запорожцы.

²⁾ Мухамед. Нум., стр. CXLV.

бегъ Волгу Славянскою рѣкою не называетъ. Къ этому считаю не лишнимъ прибавить, что еслибъ и дѣйствительно Ибнъ-Хордадбегъ назвалъ Волгу Славянскою рѣкою, и въ такомъ случаѣ это не было бы доказательствомъ того, что Волга дѣйствительно имѣла это имя въ IX вѣкѣ, во первыхъ—потому, что сочиненіе его дошло до насъ не въ „первоначальной редакціи, а въ безалаберной передѣлкѣ и сокращеніи неизвѣстнаго человѣка, какъ это неопровержимо доказано Барбье де Менаромъ“; во вторыхъ—потому, что, какъ сказано выше, на Волгѣ во время Ибнъ-Хордадбега не было еще Славянъ; а если они тамъ были, то только на самой незначительной части ея теченія, и объ этомъ онъ не могъ знать и дѣйствительно не зналъ, такъ какъ онъ жителство Славянъ полагаетъ только у Адриатическаго моря; третьихъ—потому, что несомнѣнно у арабскихъ писателей Волга имѣла другое и очень опредѣленное—имя Итиль или Русская рѣка, а ту часть ея, которая орошала Хозарское царство, они называли Хозарскою рѣкою.

Что касается до другихъ арабскихъ писателей, называющихъ будто бы Волгу Славянскою рѣкою, объ одномъ изъ нихъ, безыменномъ авторѣ „Книги странъ“, X вѣка, приведемъ опять слова г. Гаркави, что его извѣстіе, именно то, въ которомъ употребляется имя Славянскою рѣки, „оказывается сколкомъ изъ сходнаго свидѣтельства Ибнъ-Хордадбега, и притомъ сколкомъ неудачнымъ и запутаннымъ“¹⁾. Много ли значенія прибавить неудачный и запутанный сколокъ тому сочиненію, которое служило ему первообразомъ?

Что касается до Атъ-Табари, то онъ говоритъ, что Марванъ, арабскій полководецъ, отъ Дербента шелъ къ Семендеру съ цѣлью завоеванія этого города. Хаканъ, жившій въ это время въ Семендерѣ, бѣжалъ, „и Марванъ отправился дальше, оставивъ позади себя городъ, расположился лагеремъ при Славянскою рѣкѣ, напалъ на жилища невѣрныхъ, убилъ ихъ всѣхъ и разрушилъ 20000 домовъ“. Въ этой Славянскою рѣкѣ нѣкоторые ориенталисты также видятъ Волгу. Но изъ разсказа Атъ-Табари не видно, чтобы Марванъ достигъ береговъ Волги. Чтобы дойти до Волги, ему нужно было еще перейти двѣ большія рѣки Терекъ и Куму, и еслибъ онъ это сдѣлалъ, то въ извѣстїи слѣдовало бы упомянуть объ этомъ. Наконецъ, изъ разсказа Атъ-Табари видно, что Марванъ не далеко еще ушелъ отъ Семендера: таковъ смыслъ выраженія: „оставивъ городъ позади себя“. Оно даетъ

¹⁾ Слова г. Гаркави. (Извѣст. мусульм. писателей о Слав. и Русск. стр. 46).

понять, что Марванъ только немного удалился отъ города, быть можетъ, еще имѣя его у себя въ виду. Здѣсь, именно вблизи Семендера, нужно искать ту рѣку, на которой Марванъ остановился. Она дѣйствительно тутъ и есть, еще не доходя до Терека, и называется почти такъ, какъ называется ее Атъ-Табари. Арабы въ названіяхъ рѣкъ не употребляютъ прилагательнаго (Славянская рѣка), а пользуются двумя существительными: рѣка Славянъ. А Славянинъ, Славяне по арабски Сахлабъ, Сакалиба. Гласныхъ у Арабовъ въ письмѣ нѣтъ, а есть диакритическія точки, которыя и дѣлаютъ путаницу въ собственныхъ именахъ у арабскихъ писателей; да и согласныя арабскія очень неясны; при малѣйшей неточности, вмѣсто одной, является другая, вслѣдствіе чего въ собственныхъ именахъ происходитъ еще большая путаница. Итакъ, представимъ, что у Табари написано: рѣка Слх (такъ обыкновенно Френъ изображалъ арабскія имена), и притомъ буквами гораздо менѣе ясными. Трудно ли переписчику вмѣсто этого „Слх“ прочесть „Скль“, тѣмъ болѣе, что это послѣднее слово, означающее Славяне, онъ часто встрѣчалъ, такъ какъ какъ оно часто употребляется у арабскихъ писателей; онъ и поставилъ такъ, какъ прочиталъ; и вышла Славянская рѣка, а сначала это была рѣка Сулакъ, которая недалеко отъ Семендера (сѣвернѣе его) течетъ въ Каспійское море и есть первая рѣка, которую Марванъ встрѣтилъ за Семендеромъ. Замѣчательно, что Сулакъ огибаетъ Семендеръ такимъ образомъ, что идущему отъ Семендера на сѣверъ или западъ миновать его не возможно. Къ нему-то и подошелъ Марванъ, преслѣдуя хакана. Вообще у арабскихъ писателей Волга нигдѣ не называется Славянскою рѣкою ни прямо, ни непрямо, такъ чтобы къ ней можно было съ достаточными основаніями относить это имя. Волга у нихъ называется Итилемъ, Русскою рѣкою, Хозарскою рѣкою, заливомъ Хозарской столицы, и болѣе никакимъ другимъ именемъ.

Къ этому прибавлю еще краткое замѣчаніе относительно именъ Дона и Днѣпра у арабскихъ писателей. По мнѣнію Френа, Арабы называютъ и Донъ Русскою рѣкою ¹⁾. Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и Рено ²⁾. Мнѣніе это согласно и съ тѣмъ представленіемъ, которое Арабы имѣли о Донѣ. Они думали, что Донъ ничто иное, какъ рукавъ Волги, которая будто бы раздѣлялась на два рукава и однимъ впадала въ Каспійское море, а другимъ въ Азовское. Донъ составлялъ

¹⁾ Ibn. Fozlan, стр. 38.

²⁾ Reinaud, т. I, стр. CCXCV.

одно изъ устьевъ Волги, Русской рѣки. Очевидно, онъ для нихъ былъ также русскою рѣкою, какъ для насъ каждый изъ рукавовъ Нила есть тоже Нилъ подлинный и настоящій.

По мнѣнію Френа, Донъ назывался еще у Арабовъ Русскою и Славянскою рѣкою. Френъ основываетъ свое мнѣніе на слѣдующихъ словахъ Димешки: рѣка Руссовъ и Славянъ „естъ большая рѣка, текущая изъ горъ (города) Саксина и Келабскихъ“ и протекающая между Итилемъ и рѣками Куромъ и Эръ-Рассомъ. Если здѣсь подъ Куромъ и Эръ-Рассомъ разумѣть Куру и Араксъ, то рѣкою Славянъ окажется опять-таки Сулакъ, текущій между Итилемъ и Курой, и къ Дону слова эти никакъ не могутъ быть отнесены. Если же на это взаимное положеніе рѣкъ не обращать вниманія и основываться только на словахъ, показывающихъ безъотносительное положеніе рѣки, именпо: рѣка, текущая изъ горъ (города) Саксина и Келабскихъ—то подъ этою рѣкою нужно разумѣть не Донъ, а Днѣпръ. Горы Келабскія—это, по всей вѣроятности, горы Кіевскія въ арабскомъ искаженіи, а городъ Саксагъ арабскіе писатели помѣщали дѣйствительно на Днѣпрѣ; „на берегахъ этой рѣки“ (Днѣпра, Такабера), говоритъ Ибнъ-Саидъ,—находится городъ Саксинъ¹⁾. Но всего вѣроятнѣе, что приведенное Френомъ изъ Димешки мѣсто весьма искажено и говоритъ не объ одной рѣкѣ, а о двухъ—о Сулакѣ и о Ріонѣ, который арабскіе писатели также называли Русскою рѣкою. Къ нимъ можно отнести и то, что онѣ вытекаютъ изъ горъ Келабскихъ (Кавказскихъ) и горъ Саксина. По словамъ Ибнъ-Саида, было два Саксина: одинъ на Днѣпрѣ, а другой гдѣ-то около Кавказа, Грузіи, Абхазіи и проч.²⁾

Такимъ образомъ, можно, кажется, установить слѣдующія положенія касательно названій—Русская и Славянская рѣка, встрѣчающихся у арабскихъ писателей:

Русскою рѣкою они, по преимуществу, называютъ Волгу, относя иногда это названіе и къ Дону, такъ какъ они считали Донъ рукавомъ Волги.

Славянская рѣка Атъ-Табари есть ничто иное, какъ искаженное имя рѣки Сулака.

Рѣка Славянъ и Руссовъ Димешки есть ничто иное, какъ двѣ рѣки—Сулакъ и Ріонъ. А если это одна рѣка, то она не Донъ, а Днѣпръ.

¹⁾ *Reinaud*, II, 291.

²⁾ *Reinaud*, II, 286.

VI.

Сдѣлавъ эти предварительныя разъясненія, перейдемъ теперь къ опредѣленію мѣстоположенія древней Руси на основаніи извѣстій арабскихъ писателей.

Вопервыхъ, въ словарѣ Якута, на основаніи извѣстной записки Ибнъ-Фодлана, говорится: „Итиль (то есть, Волга) протекаетъ мимо страны Руссовъ и Булгаръ“. Далѣе въ приводимой самимъ Якутомъ самой запискѣ говорится: „Итиль есть имя рѣки, текущей изъ Руса и Булгара“. Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фодланъ говоритъ: „Я видѣлъ Руссовъ, когда они пришли со своими товарами и расположились по рѣкѣ Итилю“¹⁾. Что это было въ Волжской Булгаріи—это не подлежитъ сомнѣнію. Стало быть, изъ этихъ словъ выводится то заключеніе, что Руссы пришли въ Булгарію по Волгѣ, по той рѣкѣ, которая течетъ изъ ихъ страны въ Булгарію. Пришли они сверху внизъ, а не снизу вверхъ; это не нуждается въ доказательствахъ.

Надѣюсь, что въ словахъ Ибнъ-Фодлана вообще можно видѣть то, что, по его мнѣнію, страна Руссовъ находилась на Волгѣ выше Булгаріи. И знать это дѣло онъ могъ хорошо, потому что самъ онъ былъ въ Булгаріи, и не просто былъ тамъ, но изучалъ бытъ ея, ея географію, изучалъ даже бытъ пріѣзжавшихъ туда Руссовъ, видѣлъ ихъ и говорилъ съ ними. И было это въ 922 г. по Р. Х.

У Масуди есть нѣсколько данныхъ, которые могутъ быть очень полезны для опредѣленія положенія страны Руссовъ. Вопервыхъ, онъ Азовское море (Майотасъ) называетъ Русскимъ; Русскимъ же моремъ называетъ и Черное море (Найтасъ). Въ вторыхъ, онъ разказываетъ довольно подробно о походѣ Руссовъ на Гилянъ, Табаристанъ и пр. въ 912 г. Слѣдуя ему, Руссы вышли отъ предѣловъ Чернаго и Азовскаго моря; прежде всего они *поднялись вверхъ* по тому рукаву Чернаго моря, который соединяется съ Волгою. При устьѣ рукава, впадающаго въ Черное море, стояла хозарская стража, то есть, было укрѣпленіе. Руссы отсюда послали къ Хозарскому царю просить позволенія идти на Каспійское море и получили его. Затѣмъ они *поднялись вверхъ* по черноморскому рукаву Волги до раздѣленія ея, спустились внизъ по другому рукаву до Каспійскаго моря и поплыли дальше разорять юго-западные берега его. На возвратномъ пути Рус-

¹⁾ Эти мѣста и слѣдующія затѣмъ извѣстія другихъ писателей и беру изъ сочиненія г. Гаркави, не находя нужнымъ указывать ближе источники.

сы подверглись нападенію мусульманскихъ подданныхъ Хозарскаго царя, къ которымъ присоединились и христіане, жители Итиля. Произошло сраженіе на берегу Волги, и Руссы были разбиты на голову. Уцѣлѣвшіе отъ битвы (5000 человекъ), сѣли на суда и поплыли вверхъ по Волгѣ, но часть ихъ была убита въ странѣ Бургасовъ жителями ея, остальные захвачены мусульманами въ Волжской Булгаріи и также истреблены.

Оставляя пока въ сторонѣ разказъ Масуди во всей его полнотѣ, обращу вниманіе только на конецъ его. Разбитые Руссы спасаются бѣгствомъ. Везь сомнѣнія, они ѣдутъ домой. Ѣдутъ же они вверхъ по Волгѣ, мимо нижнѣйшей Саратовской, Симбирской, Самарской и Казанской губерній. Стало быть, страна ихъ находится гдѣ-нибудь выше этихъ мѣстъ на Волгѣ, такъ что разказъ Масуди оказывается согласнымъ съ словами Ибнъ-Фодлана.

Третій писатель, сообщающій болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о Руссахъ, Аль-Истахри.

У него, во первыхъ, еще разъ приводится извѣстіе, что Волга течетъ въ Хозарскую землю „изъ Руса и Булгара“; потомъ онъ говоритъ, что народъ Руссовъ находится въ сосѣдствѣ съ Булгаромъ, то есть, съ Волжскою Булгаріей. Далѣе онъ сообщаетъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о дѣленіи Руссовъ на племена. „Руссы“, говоритъ онъ, — „состоятъ изъ трехъ племенъ, изъ которыхъ одно ближе къ Булгару, а царь его живетъ въ городѣ, называемомъ X, который городъ больше Булгара; другое племя называется Y, и еще племя называютъ Z, а царь его находится въ Z. Купцы прибываютъ въ X. Что же касается Z, никто туда не входитъ, ибо жители убиваютъ всякаго чужестранца, путешествующаго по ихъ землѣ; только они спускаются по водѣ и торгуютъ, но никому не разказываютъ о своихъ дѣлахъ и не допускаютъ никого провожать ихъ. Изъ Z вывозятся черные соболя и свинець; Z находится между Хозаромъ и Великимъ (Дунайскимъ) Булгаромъ, который граничитъ съ Румомъ къ сѣверу. Они многочисленны и такъ сильны, что наложили дань на мѣста пограничныя изъ Рума“¹⁾.

¹⁾ Извлекая всѣ эти свѣдѣнія изъ сочиненія г. Гаркави, я дѣлаю одно отступление отъ этого источника, которое считаю очень важнымъ и необходимымъ. Собственными именами русскихъ племенъ и городовъ г. Гаркави безъ всякаго колебанія пишетъ въ томъ видѣ, какой ему кажется болѣе правдоподобнымъ, не представляя при этомъ даже всѣхъ вариантовъ, въ которыхъ то или

Эти извѣстія Аль-Истахри приводятся еще двумя писателями Хрѣва — Аль-Валхи и Ибнъ-Хаукалемъ ¹⁾ почти въ томъ же самомъ видѣ, хотя это нисколько не говоритъ въ пользу того мнѣнія, чтобы они заимствовали свои свѣдѣнія другъ у друга. Напротивъ, судя по всему, всѣ они пользовались какимъ-то общимъ источникомъ; таково объ этомъ мнѣніе ориенталистовъ ²⁾. Писатели, о которыхъ мы говоримъ, были географы-спеціалисты. Они собирали свѣдѣнія отовсюду, пользовались всякими источниками, и притомъ не безъ критики. Ибнъ-Хаукаль самъ говоритъ, что онъ пользовался сочиненіями Истахри, Кодами и Джайгани. Что касается до Истахри, Ибнъ-Хаукаль не только не слѣдовалъ ему рабски, но исправлялъ его по просьбѣ автора и исправляемое возвращалъ ему ³⁾. Изъ этого, между прочимъ, видно, какъ совѣстливо и даже сообразно съ требованіями науки относились арабскіе писатели къ своему дѣлу.

Ибнъ-Хаукаль говоритъ, что рѣка Итиль проходитъ по Русу, ватѣмъ по Булгару, потомъ по Вуртосу, пока не впадаетъ въ Хозарское море. Далѣе онъ говоритъ, что изъ страны Руссовъ въ городъ Итиль привозятся мѣха и медъ, что страна Руссовъ изобилуетъ именно самыми лучшими мѣхами. Далѣе — Руссы въ 969 году разорили все теченіе Волги отъ Булгара до города Итиля и Семендера, то есть, страны Булгаръ, Вуртасовъ и Хазаръ; города Булгаръ, Итиль, Семендеръ, были ввзяты, ограблены и разрушены.

Руссы, по Ибнъ-Хаукалю, состоятъ изъ трехъ племенъ. Столица одного изъ нихъ, ближайшаго къ Булгару, называется Х, и она боль-

другое имя въ большинствѣ случаевъ является. Но то, что кажется ему болѣе правдоподобнымъ, не всегда можетъ быть истиннымъ. Мнѣ кажется, что сущность извѣстій арабскихъ писателей лежитъ передъ глазами читателя удобнѣе въ томъ случаѣ, если онъ, по крайней мѣрѣ сначала, будетъ имѣть передъ собою всякое имя въ томъ неопредѣленномъ видѣ, въ какомъ оно, действительно, сохранилось, чѣмъ въ такомъ, который кажется болѣе правдоподобнымъ тому или другому ориенталисту. Потому, привою собственныя имена русскихъ племенъ и городовъ, я никакъ не назову ихъ, а обозначу ихъ буквами Х, У и Z прямыми и курсивными (прямыми для городовъ, курсивными для племенъ), такъ какъ они до сихъ поръ представляютъ еще нѣчто неопредѣленное, неизвѣстное. А дальше я приведу и всѣ варианты самыхъ названій и попробую извлечь изъ нихъ указанія, какія они могутъ дать.

¹⁾ Изъ позднѣйшихъ писателей тѣ же свѣдѣнія приводятся у Ибнъ-Варда и Эдриси.

²⁾ См. у Гаркави, стр. 216.

³⁾ Рено, I, стр. 81.

ше Булгара (Булгаръ у Ибнъ-Хаукаля называется „небольшимъ городомъ“). Другое племя *выше* (то есть, по рѣкѣ Волгѣ) перваго; оно называется *У*; третье колѣно *Z*; мѣстопробываніе царя *Z*. „Люди отправляются торговать съ ними (Руссами) въ *X*, а въ *Z* никто не ходитъ, ибо жители убиваютъ иностранцевъ. Но сами они *спускаются* по водѣ и вѣдутъ торговлю, не разказывая ничего про свои дѣла и товары и не допуская никого провожать ихъ и входить въ ихъ страну. Изъ *Z* вывозятся черные соболя, черныя лисицы и свинець“.

Нужно ли доказывать, что Ибнъ-Хаукаль представляетъ себѣ Руссовъ на Волгѣ непосредственно выше Булгарской земли? Не вполне ли это очевидно изъ того, что, по его словамъ, Волга въ теченіи своемъ проходитъ землю Руссовъ, а потомъ землю Булгаръ, Буртасовъ и т. д.? Не вполне ли это очевидно изъ того, что и изъ *Z*, дальнѣйшаго города Руссовъ, купцы, ѣдучи въ Булгаръ и далѣе, *спускаются*, то есть, ѣдутъ внизъ по водѣ, то есть, по той же Волгѣ? Не вполне ли понятно послѣ всего этого то, что Волгу Ибнъ-Хаукаль называетъ Русскою рѣкою?

Аль-Балхи, согласно съ предыдущими географами, говоритъ, что Руссы есть народъ сосѣдній съ Булгарами, прибавляя, что онъ находится между Булгарами и Славянами. По его словамъ, Руссы также состоятъ изъ трехъ племенъ. Первое племя имѣетъ столицу въ *X*, городѣ, ближайшемъ къ Булгару; второе племя *У*, третье — *Z*, о которомъ Аль-Балхи повторяетъ извѣстія Ибнъ-Хаукаля и Истахри.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти выдержки изъ арабскихъ писателей даютъ намъ право сказать, что, по понятіямъ ихъ, страна Руссовъ находилась на Волгѣ выше Булгаріи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею. Такое заключеніе и выводили изъ сочиненій арабскихъ писателей тѣ, которые приступили въ изученію этого вопроса безъ задней мысли, не находясь подъ вліяніемъ какой-нибудь теоріи, ложной мысли о первобытной странѣ Руссовъ. Такъ, по словамъ Гаммера фонъ-Пугшталя, всѣ восточные географы помѣщаютъ Руссовъ на средней Волгѣ; также думаетъ и Доссонъ. Эверсъ пришелъ къ тому же мнѣнію, даже не будучи знакомъ со всѣми извѣстіями арабскихъ географовъ, которыя сдѣлались достояніемъ науки только въ наше время. Эверсъ зналъ только одного Ибнъ-Хаукаля; но и изученіе только этого одного писателя привело его къ мысли, что существованіе трехъ русскихъ племенъ, которыя во время Ибнъ-Хаукаля жили на Волгѣ въ сосѣдствѣ съ Булгаріей, „не подлежитъ никакому сомнѣнію“¹⁾.

¹⁾ См. Предварительныя изслѣдованія, стр. 157—162.

Въ настоящее время мы можемъ опредѣлить даже нѣсколько точнѣе разстояніе ближайшаго русскаго большаго города X отъ Булгара. У Рено въ географіи Абульфеды приводится изчисленіе разстояній между различными странами и городами. Отъ Итиля до Булгара считалось водою вверхъ два мѣсяца пути, отъ Булгара до начала страны Руссовъ 10 дней, отъ Булгара до X—20 дней. Изъ Булгара въ страну Руссовъ и въ X нужно было ѣхать также вверхъ водою, какъ и отъ Итиля до Булгара. Стало бытъ, здѣсь на каждый день нужно полагать одинаковое пространство пути. Отъ Итиля до Булгара будетъ по Волгѣ около 1.500 верстъ; раздѣляя эту цифру на 60 (дней), получимъ 25 верстъ на одинъ день пути. Отсюда заключаемъ, что X находится на Волгѣ въ 500 верстахъ выше Булгара, а страна Руссовъ начиналась 250 верстъ выше этого города.

Общій и болѣе подробный выводъ изъ извѣстій арабскихъ писателей касательно мѣстоположенія древней Руси будетъ слѣдующій:

Древняя Русь лежала къ сѣверо-западу отъ Булгара на верхнемъ теченіи Волги. Граница между обѣими странами проходила въ 250 верстахъ отъ гор. Булгара.

Древніе Руссы дѣлились на три племени. Ближайшее къ Булгару племя имѣло свою столицу въ городѣ, находившемся на Волгѣ въ 500 верстахъ выше Булгара. Туда люди ѣздили изъ Булгара съ торговыми цѣлями.

Другія два племени жили выше перваго въ бассейнѣ Волги. Объ одномъ изъ нихъ арабскіе писатели прямо говорятъ, что къ нему никто не ѣздилъ, такъ какъ оно отличалось дикостью и вообще было подозрительно относительно иностранцевъ; но люди, принадлежащіе къ этому племени, сами пріѣзжали въ Булгаръ и торговали здѣсь. Это племя, по словамъ Истахри, могущественно, такъ что наложило дань на страны, граничащія съ Византійскою имперіей. Положеніе собственной страны этого племени Истахри указываетъ между Хозаріей и Дунайскою Булгаріей, но притомъ такъ, что она захватывала и часть бассейна Волги, такъ какъ изъ этой страны люди ѣздили въ Булгаръ внизъ по Волгѣ.

Теперь приведемъ имена племенъ и городовъ русскихъ, какъ ихъ сообщаютъ арабскіе географы.

Первому племени, ближайшему къ Булгару они совсѣмъ не даютъ

*) *Reinard*, *Geographie d'Aboulféda* II, 306. Эти свѣдѣнія о разстояніяхъ принадлежатъ не Абульведѣ, а Истахри.

имени ¹⁾; а главный городъ его въ сочиненіяхъ ихъ называется, по мнѣнію ученыхъ, слѣдующими именами: Кутаба, Кунаба, Куная, Курбая, Кербая, Каркайна, Керсабе, Кербане, Кубабе, Кубате, Кюзаба, Кубазе, Кубане, Кйбае, Кутате, Кутазе, Китае, Кузате, Кузае, Куябе, Куяе, Кунане, Кузасе, Каркаинія, Каркабанъ, Каракартія, Керкіяна, Акертія, Кератія, Гунабегъ, Гунаегъ, Гунатехъ, Кунанахъ и пр. ²⁾. Мы, безъ сомнѣнія, весьма далеки здѣсь отъ того, чтобъ исчерпать здѣсь все разнообразіе формъ, подъ которыми является имя этого русскаго города у арабскихъ географовъ. Френъ полагаетъ, что диакритическія точки вошли въ употребленіе у Арабовъ только въ X вѣкѣ нашей эры, да и то еще не во всеобщее, такъ что еще Ибнъ Хаукаль, по всей вѣроятности, писалъ безъ нихъ (во второй половинѣ X вѣка),—вслѣдствіе чего то начертаніе, которое онъ далъ имени русскаго города, ближайшаго къ Булгару, можетъ быть читаемо на 24 различные способа ³⁾. А кромѣ Ибнъ-Хаукаля, имя это записали въ свои сочиненія и другіе арабскіе писатели. Что если каждый изъ нихъ написалъ его такъ, что читать его можно на 24 способа? А вѣдь Истахри, который первый сообщаетъ имя этого русскаго города, писалъ еще раньше; стало быть, еще болѣе вѣроятно, что и онъ не пользовался диакритическими точками. Итакъ, какое же было имя этого города? Мы знаемъ десятки именъ этого города, а подлиннаго имени не знаемъ. Разсматривая эти десятки именъ, нельзя даже сказать, чтобы первую буквою этого имени было *К*, хотя большинство именъ и начинается съ этой буквы. Всего вѣроятнѣе кажется только то, что въ этомъ имени была буква *а*; но гдѣ ее помѣстить, тотчасъ ли послѣ *а*, или послѣ другихъ буквъ или даже впереди *К* (Акертія), это не извѣстно. Вотъ какое было имя русскаго города, ближайшаго къ Булгару.

Другое племя русское называется Джелабе, Салавія, Славія, Атлава, Салауіе, а главный городъ его Тлава, Талва или Талу.

Третье племя называется Артанія, Арсанія, Утанія, Аутанія, Эрни, Эрени, Арти, Эрти, Арани, Ачсаія, Асанія, и городъ его Арба, Арса, Арта, Арна.

¹⁾ Впрочемъ Ибнъ-эль-Варди и только онъ одинъ называетъ его Керкіянь. (Френъ, Іbn.-F., 142).

²⁾ Всѣ эти имени взяты изъ сочиненій Френа и Гаркави.

³⁾ Френъ, стр. 144 и 145.

VII.

Явнымъ образомъ имена русскихъ племенъ и городовъ искажены такъ, что отыскать подъ этими именами дѣйствительныя ихъ имена едва ли есть какая-нибудь возможность. И это не случайность; это необходимый результатъ арабскаго алфавита не только безъ употребленія диакритическихъ точекъ, но и при употребленіи ихъ. Неясность и слитность его таковы, что г. Хвольсонъ, напримѣръ, Альлузание находитъ возможнымъ прочесть Альнормане, что г. Гаркави находитъ возможнымъ читать „Куябъ (то-есть, Кіевъ) тамъ, гдѣ Хвольсонъ читаетъ Ван.

Масуди, говоря о Славянахъ, перечисляетъ племена, на которыя они раздѣлялись. Въ различныхъ рукописяхъ названія эти слѣдующія: первое племя—Валинана, Вальмана или Вальяна, Лабнана, Валмая, царь его—Маджакъ, Махакъ, Махаль, Нанокъ или Бабакъ; другое племя—Астабана, Асторана, Восторана или Вастарая, Амтарана, царь его—Аетабрана, Саклаихъ, Садланджъ, Сакла, Сакландокъ; третье племя Дулана, Дулоба, Длована, Дулая; царь его—Вонджъ-Слава, Вонджъ-Алафъ, Вонджелокъ, Вонджъ, Вахсла, Тала. Далѣе—племя Бамбджинъ, Ямхизъ, Махосъ, Набаджинъ или Набгиръ, а царь его—Азана, Гарона, Ароба, Ара, Гарата. Еще племя Монабанъ, Мобаянъ, Манани, Монамъ, Матнаи. Другія племена: Морава, Хорватинъ (Джарваникъ, Хотвашъ, Хоровасъ), Сасинъ (Хашнъ, Сасіу, Сасну), Хашанинъ (Хасабинъ, Ахсасъ), Сарбинъ (Сартинъ, Марсъ, Марласъ), Баранджабинъ (Вадонхасъ). Ученые оріенталисты потратили много труда на объясненіе всѣхъ этихъ именъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ узнали славянскія племена Сербовъ, Дулебовъ, Хорватовъ и Чеховъ (въ „Бамбджинъ“). Допустимъ, что въ этомъ они вполнѣ правы. Но въ какихъ странныхъ видахъ сохранились имена этихъ племенъ въ арабскихъ рукописяхъ! Наконецъ другія имена совсѣмъ не оставляютъ никакой надежды на разъясненіе; во всѣхъ своихъ вариантахъ они представляются такими, какія не только не принадлежали, но и не могли принадлежать никакимъ славянскимъ племенамъ.

Другія не славянскія названія искажены не менѣе: Фракія называется Талака, гор. Монсуестія—Масисъ, Азія—Аскуя. Френъ и Савельевъ представляютъ примѣры еще болѣе поразительныя; Джизехъ искажается въ Ерахъ, Палермъ—въ Бульземъ, Узбекъ—въ Эртекъ, Эльгусія въ Ольгарія, Ховари въ Гарары, Гирры, Хазасъ, Керсъ,

Romanus въ Megranus, Москва въ Секау, Друзы въ Дароран, Весъ въ Валсу, Расуа и Далсу, Дисуръ, Айсуру, Валикъ и пр. ¹⁾).

Исключеніе составляютъ только имена восточныя или тѣ изъ европейскіихъ, которыя были очень извѣстны на востокѣ; такъ, Византійская имперія имѣетъ свое неизмѣнное имя Румъ, Константинополь называется Кустантинія, Франки—Ифронджа, Руссы—Русъ, Испанія—Андалусъ, сѣверныя неизвѣстныя земли—Яджусъ и Маджусъ.

Какой выводъ изъ всего этого?—Тотъ, что собственныя имена, находимыя въ арабскихъ рукописяхъ, когда они относятся къ предметамъ, мало знакомымъ для Арабовъ, не имѣютъ никакой цѣны въ историческихъ изслѣдованіяхъ, и что пользоваться ими нужно съ самою крайнею осторожностію. Иначе можно было бы, напримѣръ, построить цѣлую систему Славянскихъ племенъ, которыя никогда не существовали, написать исторію странъ и городовъ, также никогда не существовавшихъ или существовавшихъ въ другихъ мѣстахъ и въ другомъ видѣ.

Наши ученые подъ вліяніемъ норманской теоріи поступали иначе. Оставляя безъ всякаго вниманія въ извѣстіяхъ Арабовъ именно то, чтò въ нихъ достойно вниманія, они ухватились за искаженныя и все-таки неопредѣленныя имена Русскихъ племенъ и городовъ, выбирали тѣ изъ нихъ, которыя сколько-нибудь могли подходить къ именамъ, извѣстнымъ имъ изъ первоначальной русской исторіи, и не колеблясь относили ихъ къ нимъ. Такъ, Френъ имя написанное Ибнъ-Гаукалемъ такъ, что его можно читать на 24 способа, отнесъ къ Киеву. Это было бы еще понятно, еслибы въ рукописяхъ онъ дѣйствительно нашелъ хоть одно чтеніе Куаба, которое онъ предпочелъ всѣмъ другимъ. Нѣтъ, такого чтенія ни онъ, ни кто-нибудь другой послѣ него не нашелъ. Френъ только *предположилъ*, что Ибнъ-Гаукаль ²⁾, вѣроятно, написалъ („schrieb vielleicht“) такъ, что написанное имъ имя можно читать на 24 способа, а то, что у него дѣйствительно написано, это, вѣроятно, можно читать на 124 способа. Въ другомъ племени Тлавія, Атлавія, Салавія, Френъ видитъ Литву, Litawa; въ третьемъ Artania, Argania — Арзамасъ. За исключеніемъ имени втораго племени, которое послѣдующіе ориенталисты читаютъ Славія, чтобы

¹⁾ См. *Савельева*, стр. СХХІІІ, и *Френъ*, стр. 150, 136, 180 и др.

²⁾ Ориенталисты говорятъ, что въ восточной географіи Уаеди подъ именемъ Гаукала приведенъ извѣстія Аль-Истахри, которыя дѣйствительно и по содержанию и по объему почти равны извѣстіямъ Гаукала.

подвести подъ него „Славянъ“ Новгородскихъ, хотя Славяне по арабски называются не Славія, а Сакалиба,—эти имена такъ и остались достояніемъ науки въ томъ видѣ, какой предположилъ Френъ; Гунабехъ, Курбая, Каркабанъ, Каранартія стали Киевомъ Арванія — Арзамасомъ или страной Эрзи-Мордвы. Что имена Арса, Арсанія имѣютъ связь съ именемъ Эрзи, это весьма вѣроятно, хотя, какъ я покажу ниже, видѣть въ Арсѣ или Арсаніи именно Арзамасъ не позволяютъ важнѣйшія данныя, приводимыя арабскими писателями. Но Гунабехъ, Курбая, Каркабанъ и пр. не можетъ быть Киевомъ, потому что Гунабехъ есть городъ Руссовъ, ближайшій къ Булгару. Это утверждаютъ согласно всѣ арабскіе писатели, касающіеся этого предмета; это утверждаетъ Ибнъ-Гаукаль, который самъ былъ ¹⁾ въ Булгарѣ именно для географическихъ изслѣдованій, который говорилъ съ людьми, ѣдившими въ этотъ городъ. Сохранилось даже довольно точно извѣстіе о разстояніи этого города отъ Булгара: оно равнялось 20 днямъ пути, и это извѣстіе извѣстно Френу ²⁾. Но онъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ другіе ориенталисты, пренебрегли имъ. Почему?— Потому что имъ въ Гунабехѣ—Курбай—Каркабанѣ и пр. хочется видѣть Кіевъ. *Stat pro ratione voluntas*. Мало того, до насъ дошло даже астрономическое опредѣленіе этого города, его широта и долгота. Онъ находился по 77° восточной долготы.

Арабскія данныя касательно широты и долготы, конечно, не отличаются такою точностью, какъ нынѣшнія. Но они взяты не съ вѣтру. Арабы занимались астрономіею, и лучше, чѣмъ тогдашніе Европейцы. Они строили обсерваторіи, дѣлали астрономическіе инструменты, измѣряли дугу меридіана и т. п. ³⁾ Ихъ цифры долготы значительно разнятся отъ нашихъ, отчасти потому, что они не имѣли еще правильного понятія о фигурѣ земли, отчасти и потому, что первый меридіанъ и экваторъ ихъ, линіи, на которыхъ находились мѣста *nullius longitudinis et nullius latitudinis*, не совсѣмъ совпадали съ нашими. Отъ этого происходитъ то, что въ странахъ западныхъ (напримѣръ, въ Испаніи) ихъ долгота меньше дѣйствительной, въ восточныхъ больше. Но сравнительное положеніе мѣстъ большею частью вѣрно. Что касается до мѣстъ, лежащихъ въ Россіи, то широта и въ особенности долгота ихъ увеличены. Керчь, лежащая надъ 54° дол-

¹⁾ *Ibn-Foslan*, стр. 147.

²⁾ Такъ утверждаетъ *Savelyev*, Мухамед. Нум., стр. LVI.

³⁾ *Reinaud*, I, XLIV.

готы, у Абульфеды показана подъ 60° , и подъ 47° широты вмѣсто 45° . Долгота Сарая увеличена на 12° , долгота Булгара на 13° ; но разница долготы между этими двумя мѣстами остается почти та, которая дѣйствительно между ними существуетъ отъ 4° до 5° .

Въ сочиненіи *Ketab alatonal*, которымъ пользовался Абульфеда, разница долготы для Булгара и ближайшаго къ нему русскаго города, то есть, предполагаемаго Кіева, показана въ 3° , для Булгара показана долгота 80° , для русскаго города 77° ¹⁾. Это, безъ сомнѣнія, никакъ не подходитъ къ Кіеву, такъ какъ разница между Булгаромъ и Кіевомъ не 3° долготы, а 19° ; городъ же, отстоящій на 3° отъ Булгара къ Кіеву на западъ, долженъ былъ находиться гдѣ-нибудь около Нижняго Новгорода, что согласно и съ тѣмъ извѣстіемъ, что онъ отстоитъ отъ Булгара на 20 дней пути, то есть, около 500 верстъ. Отъ Нижняго до Булгара именно около 500 в. пути, и разница ихъ долготы около 4° .

Такимъ образомъ въ пользу того мнѣнія что Гунабехъ—Кутаба и пр. лежали недалеко отъ Булгара, мы имѣемъ и единогласное свидѣтельство арабскихъ географовъ и сохранившееся извѣстіе объ астрономическомъ положеніи его. Эти данныя должны бы, кажется, имѣть вѣсъ, тѣмъ болѣе, что извѣстія арабскихъ писателей о разстояніяхъ вообще отличаются справедливостію. Изъ всѣхъ данныхъ, сообщаемыхъ ими, наибольшую достовѣрность имѣютъ данныя касательно разстояній, что объясняется самою исторіей географіи у Арабовъ. Она возникла изъ описаній путей (*itinéraires*), которыя составлялись предводителями первыхъ побѣдоносныхъ арабскихъ армій и изъ описаній провинцій, которыя были составляемы губернаторами новыхъ завоеванныхъ земель ²⁾. И тѣ, и другія описанія дѣлались для цѣлей военныхъ; калифы, посылая свои арміи на востокъ, на западъ, на сѣверъ, желали знать трудности, предстоявшія арміямъ, желали ввести ихъ въ свои разчеты, чтобы походы не окончились безуспѣшно ³⁾. Эти-то описанія и легли въ основаніе первыхъ географическихъ сочиненій Арабовъ.

¹⁾ *Reinaud*, т. II, стр. 320 и 324.

²⁾ Аль-Фергани написалъ даже два трактата объ инструментахъ, употребившихся у астрономовъ его времени. *Reinaud*, I, L. Въ XIII вѣкѣ Абуль-Гасеанъ написалъ также сочиненіе объ этомъ предметѣ, которое переведено на французскій языкъ Седильо, подъ заглавіемъ: *Traité des instruments astronomiques des Arabes*. Paris, 1834, стр. 128.

³⁾ *Reinaud*, IXL.

Другою причиною, побуждавшею Арабовъ собирать географическія свѣдѣнія, была ихъ торговая дѣятельность, торговый духъ, издавна господствовавшій между ними. Иосифъ былъ проданъ братьями купцамъ измаильтанскимъ, то есть, арабскимъ. Самъ Магометъ былъ торговецъ и завѣщаль своимъ послѣдователямъ „куплю и продажу“¹⁾. А для торговли первое условіе—пути сообщенія. И заботливость Арабовъ относительно путей сообщенія состояла, конечно, не въ томъ, чтобъ устранять или даже только улучшать, а въ томъ, чтобы хорошо знать ихъ, чтобы умѣть выбрать въ пустыняхъ передней Азіи, Африки и побережьевъ Каспійскаго моря линіи, впервыхъ, кратчайшія, и ввторыхъ, такія, гдѣ они нашли бы воду для людей и верблюдовъ. Вслѣдствіе того вниманіе арабскихъ географовъ прежде всего и главнымъ образомъ было обращено, чтобы собирать свѣдѣнія о путяхъ, что отчасти и видно въ самыхъ названіяхъ ихъ географическихъ сочиненій. Такъ, сочиненіе Ибнъ-Хордадбега называется Книгою путей и государствъ, сочиненіе Аль-Якуба—Книгою странъ, Ибнъ-Хаукаля—также Книгою путей и государствъ, Джайгани—Книгою путей для познанія государствъ. И почти въ каждомъ географическомъ сочиненіи прежде всего приводятся данныя, показывающія разстоянія, чего нѣтъ даже въ нашихъ европейскихъ сочиненіяхъ по географіи, такъ что мы, зная относительное положеніе, на примѣръ, Вѣны и Берлина, не имѣемъ никакого понятія о разстояніи между этими городами, и если желаемъ опредѣлить его, то должны прибѣгнуть къ измѣренію на картѣ съ помощію масштаба, которое покажетъ намъ астрономическое разстояніе, а не дѣйствительное, по существующимъ дорогамъ.

Если мы захотимъ повѣрить разстоянія, приводимыя арабскими географами, то вездѣ найдемъ ихъ болѣе или менѣе правильными. Такъ мы видѣли, что Абульфеда опредѣляетъ двумя мѣсяцами пути разстояніе между городомъ Итилемъ и Булгаромъ, если ѣхать вверхъ по Волгѣ, что составляетъ 25 верстъ въ день—пространство весьма правдоподобное. То же самое разстояніе между Итилемъ и Булгаромъ, но прямымъ путемъ по степи, Ибнъ-Хаукаль опредѣляетъ въ одинъ мѣсяць пути. А прямое разстояніе между этими городами равняется приблизительно 800 верстамъ, и стало быть, опять выходитъ отъ 25 до 30 верстъ въ день.

Буртасы занимали правый берегъ Волги, нынѣшнюю Саратовскую

¹⁾ Савельевъ, М. Н., XLVII.

губернію (вѣроятно, не всю) и часть губерніи Симбирской. Пространство всей Буртаской земли Абульфеда опредѣляетъ въ 15 дней пути; полагая опять 25 верстъ въ день, получимъ около 400 верстъ; въ такомъ объемѣ ученые и представляютъ себѣ землю Буртасовъ приблизительно отъ Камышина до Симбирска (разстояніе по масштабу около 400 в.) Далѣе разстояніе по Волгѣ отъ Итиля до Камышина, гдѣ, по всей вѣроятности, начиналась земля Буртасовъ, около 500 верстъ. Абульфеда и Истахри и опредѣляютъ его въ 20 дней пути¹⁾. Разумѣется, разстоянія у арабскихъ писателей не обозначаются точно, вслѣдствіе чего они употребляютъ только круглыя цифры 20, 30, 60, 15, 10 дней (10 дней по Эдризѣ отъ города Булгара до начала страны Руссовъ); но они не скажутъ 50 дней вмѣсто 10, не скажутъ 20 дней вмѣсто 100, какъ выходитъ у нихъ относительно разстоянія отъ Булгара до Кіева.

Относительно этого разстоянія они тѣмъ менѣе могли ошибиться, что—еще разъ повторяю это,—по словамъ всѣхъ географовъ, въ этотъ ближайшій русскій городъ ѣздили торговые люди изъ Булгара, а эти торговые люди были въ то же время въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣмъ магометанскимъ востокомъ; наконецъ, арабскіе писатели или сами бывали въ Булгарѣ, какъ Ибнъ-Фодланъ и Хаукаль, или по крайней мѣрѣ путешествовали въ странахъ, прилежащихъ къ Каспійскому морю, какъ Масуди.

¹⁾ См. *Reinaud*, II, стр. 366, и *Savelyeva*, стр. LXV.

Д. Щегловъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

185
1876

М А Й.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXV .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Валашева, (Большая Садовая, д. № 49—2).

1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Первыя страницы русской исторіи. (Продолженіе.) Д. Θ. Щеглова.

Индійскія сказки. (Окончаніе). И. П. Минаева.

Иванъ Посошковъ. (Продолженіе). А. Г. Брѣвнера.

Объ условіяхъ поступленія на государственную гражданскую службу въ европейскіхъ государствахъ В. П. Безобразова.

Торговныя и мирныя сношенія русскихъ князей съ Ливоной въ XIII вѣкѣ. И. Тихомирова.

Бритическія и библиографическія замѣтки:

Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek in St.-Petersburg. Von A. Markau und H. I. Strack. (Описаніе еврейскихъ Библейскихъ рукописей, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, составленное А. Гаркауи и Г. М. Стракомъ Г. М. Страка.

Еврейская грамматика В. Гезеніуса. Переводъ профессора К. Коссовича.

Еврейская хрестоматія съ ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ, составленная профессоромъ К. Коссовичемъ. Его же.

Краткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи. Составилъ М. Венюковъ И. М. Минаева.

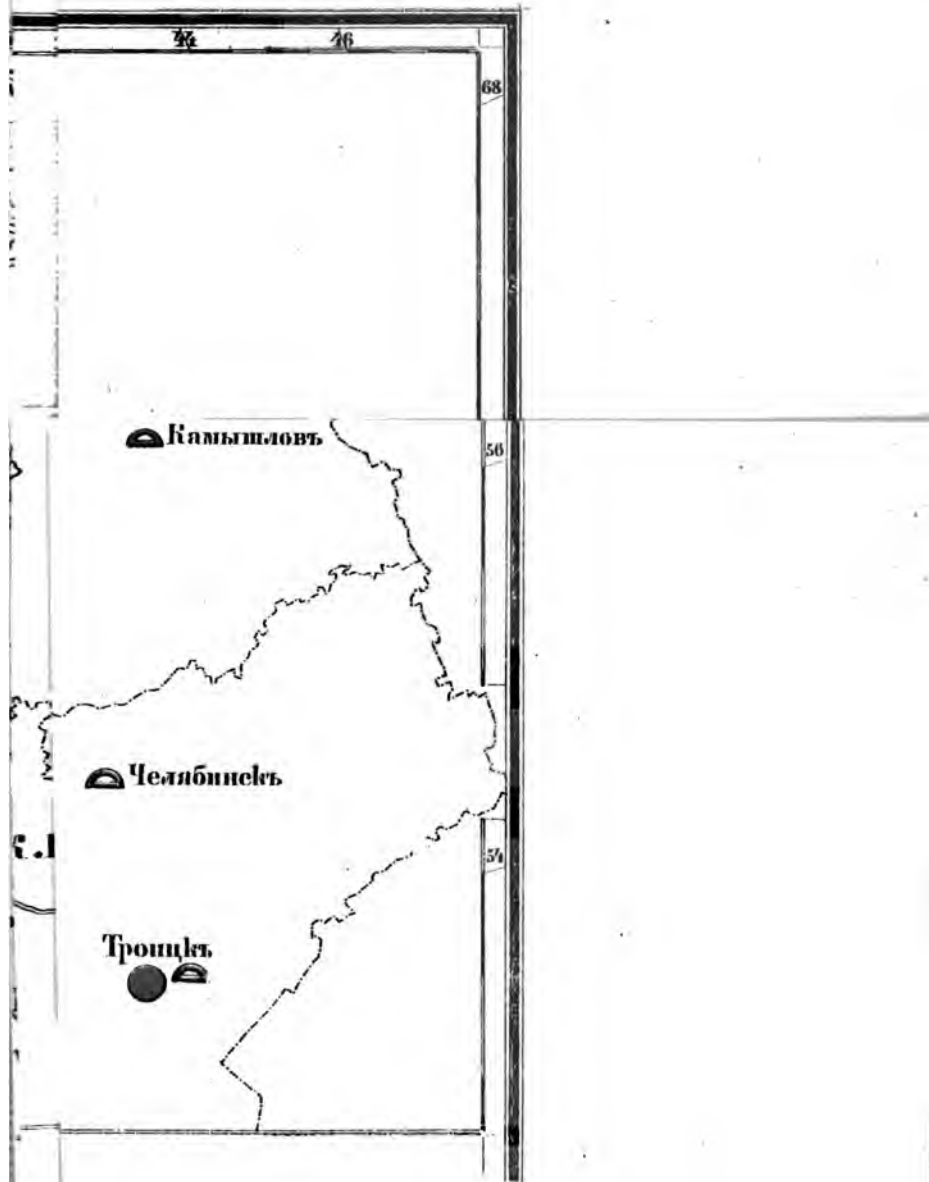
Педагогическая литература: учебники и книги для чтенія.

Списокъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, какъ существовавшихъ до 1866 года, такъ и учрежденныхъ въ теченіи 1866—1876 гг., съ показаніемъ на какія изъ этихъ учебныхъ заведеній и въ какомъ количествѣ отпускаются суммы изъ городскихъ доходовъ и земскихъ сборовъ (съ картою).

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты и б) низшія училища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣрки)

ПЕРВЫЯ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

VIII.

Какъ общій выводъ изъ всѣхъ данныхъ, представленныхъ мною относительно арабскихъ географовъ, я могу, надѣюсь, представить слѣдующія положенія:

1) что собственныя имена, находящіяся у нихъ, не имѣютъ никакой цѣны въ историческихъ изслѣдованіяхъ, если они принадлежатъ къ числу такихъ, которыя мало употреблялись въ странахъ, восточныхъ, какъ Везъ, Арта, Кутаба и т. п.;

2) что несомнѣнную достовѣрность, а потому и значеніе имѣютъ приводимыя у нихъ разстоянія между мѣстами;

3) что разстояніе между Булгаромъ и ближайшимъ къ нему русскимъ городомъ они хорошо знали.

Поэтому Френъ, не обращая вниманія на приводимое арабскими географами извѣстіе о разстояніи Кунабе, Курбаи, Кутабы отъ Булгара, не обращая вниманія на повторяемое ими всѣми извѣстіе о томъ, что эта страна и этотъ городъ суть ближайшія къ Булгару части Русской земли, и основываясь на созвучіи, не найденномъ имъ въ рукописяхъ, а предположенномъ, и вслѣдствіе того, разумѣя подъ русскимъ городомъ, ближайшимъ къ Булгару, Кіевъ, — поступилъ вопреки всѣмъ законамъ исторической критики, такъ какъ при этомъ онъ пренебрегъ данными достовѣрными, которымъ онъ предпочелъ данныя, не имѣющія никакой цѣны, или даже, говоря точнѣе—совсѣмъ и не данныя, а произведеніе своей фантазіи, дѣйствовавшей подъ вліяніемъ норманской теоріи.

При этомъ онъ не замѣтилъ еще одной несообразности. Признавая,

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 годъ.

что арабскіе писатели все-таки хотятъ сказать, что изъ Булгара люди ходятъ не во всѣ части страны, а только въ нѣкоторыя, и именно въ ближайшія, онъ такъ толкуетъ слова ихъ: „тѣ, которые ведутъ торговлю съ ними, идутъ до Кіева, не дальше и здѣсь встрѣчаются съ ними“, то-есть, съ русскими же племенами, живущими выше, дальше. А въ этихъ русскихъ племенахъ самъ онъ видитъ между прочимъ Эрзу. Стало быть, Эрза-Мордва съ береговъ Волги идутъ торговать съ жителями Булгара въ Кіевъ, какъ будто имъ не гораздо удобнѣе и ближе прямо поѣхать въ Булгаръ. И Френъ прибавляетъ еще „не дальше“, по, во первыхъ, и это довольно далеко, а повторныхъ, дальше Кіева ужъ не было Русской земли; дальше некуда было и идти, тамъ начинались уже не русскія земли.

Вотъ такимъ-то образомъ Френъ установилъ въ русской исторической литературѣ мнѣніе, что восточные купцы ходили изъ Булгара съ торговыми цѣлями въ Кіевъ еще въ X вѣкѣ. Савельевъ еще болѣе укрѣпилъ и разъяснилъ его. Не довольствуясь тѣмъ, что купцы просто ходили изъ Булгара въ Кіевъ, онъ утверждаетъ уже, что „купцы изъ Булгара доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю“ и не просто утверждаетъ, а *притискиваетъ эти самыя слова арабскимъ писателямъ* ¹⁾.

Не считаю нужнымъ еще разъ доказывать, что они говорятъ противное тому; они говорятъ, что Кутаба ближе къ Булгару, чѣмъ Арзанія, въ которой Савельевъ видитъ Мордовскую землю, что стало быть, въ этотъ городъ и нельзя идти черезъ Арзанію, а можно было бы поступить на оборотъ, можно было бы черезъ Кутабу идти въ Арзанію, но этого никто не дѣлаетъ, потому что жители Арзаніи подозрительны, никого къ себѣ не пускаютъ и даже ничего не рассказываютъ о своихъ дѣлахъ; и это рассказываетъ Ибнъ-Гаукаль, который самъ былъ въ Булгарѣ, и можетъ быть даже, въ Кутабѣ.

Послѣ этого удивительно ли, что г. Соловьевъ не колеблясь говоритъ, что „по извѣстію арабскихъ писателей, болгарскіе купцы доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю“ и даже старается подерѣпить это извѣстіе послѣдующими фактами ²⁾, при чемъ, какъ увидимъ ниже, конечно не достигаетъ своей цѣли.

Савельеву не могло не броситься въ глаза, что болгарскіе купцы дѣйствительно далеконько ходятъ торговать съ Русскими, и онъ ста-

¹⁾ Мухам. Нумизм., СХLIII.

²⁾ Ист. Росс., т. I, стр. 283, изд. 4-е.

рается указать по возможности кратчайшій путь, которымъ можно было достигнуть изъ Булгара въ Кіевъ. Онъ находитъ, что путь черезъ Волгу и Днѣпръ былъ бы дѣйствительно затруднителенъ и требовалъ бы много времени. По его мнѣнію, въ одно лѣто нельзя было доѣхать съ товарами изъ Булгара въ Балтійское море, слѣдовало зимовать гдѣ-нибудь ¹⁾. Путь отъ Булгара до Кіева по Волгѣ и Днѣпру былъ не короче пути отъ Булгара къ устьямъ Невы, стало-быть, и идущимъ изъ Булгара въ Кіевъ нужно было также зимовать гдѣ-нибудь.

IX.

Итакъ, Савельевъ отыскиваетъ другой путь. Ближайшій путь отъ Булгара до Кіева онъ указываетъ „по Деснѣ и волокомъ въ Оку“. „Этотъ-то путь“, прибавляетъ онъ,—„разумѣли арабскіе писатели, говоря, что купцы изъ Булгара доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю. Мы уже знаемъ, что такое этотъ путь черезъ Мордовскую землю. Посмотримъ на доказательства существованія этого пути. Савельевъ думаетъ, что существованіе его подтверждается кладами съ арабскими монетами VIII, IX и X вѣковъ, вырытыми въ Тульской губерніи. Но Тульская губернія, какъ я надѣюсь доказать ниже, была передъ началомъ Русскаго государства, почти вся населена Финскимъ племенемъ. Граница между Финнами и Славянами проходила по самой западной части ея, такъ что даже часть Бѣлевскаго уѣзда была населена Финнами. Стало быть, всѣ монеты, найденныя въ Тульской губерніи, могли попасть въ землю изъ рукъ Финновъ, жившихъ тамъ, а не изъ рукъ купцовъ, путешествовавшихъ будто бы изъ Булгара въ Кіевъ.

Весьма большой смыслъ при рѣшеніи этого вопроса имѣетъ тотъ фактъ, что клады съ арабскими монетами не продолжаются по предположаемому Савельевымъ пути далѣе. Ни одной арабской монеты не найдено ни въ Черниговской, ни въ Орловской, ни въ Калужской губерніяхъ, то-есть, тамъ, гдѣ главнымъ образомъ долженъ былъ идти этотъ путь—Десна, верховья Оки и волокъ между ними. Г. Самоковцовъ недавно дѣлалъ раскопки въ Черниговѣ и нашелъ тамъ монету, но она была греческая, стало быть, пришла туда не съ востока, черезъ Булгаръ, а изъ Византіи, черезъ Кіевъ. Вообще нигдѣ нѣтъ никакихъ указаній на древнее существованіе этого пути съ Волги въ

¹⁾ М. Н., стр. CLVII.

Кіевъ. Между прочимъ, волокъ между системою Оки и Десны нигдѣ не упоминается, въ то время какъ о другихъ волокахъ, дѣйствительно существовавшихъ (волокъ Двинскій, Новгородскій, Ламскій и проч.), есть много извѣстій.

Между тѣмъ извѣстны нѣкоторые историческіе факты, краснорѣчиво говорящіе, что этого пути не было не только въ X, но и въ XI вѣкѣ. Глѣбъ Владиміровичъ, князь Муромскій, желая достигнуть Кіева, вслѣдствіе предательскаго зова Святополка изъ Мурома, сначала отправился сухимъ путемъ на Волгу въ нынѣшнюю Тверскую губернію (на устьѣ Тьмы), потомъ слѣдовалъ вверхъ по Волгѣ, и наконецъ, достигъ Днѣпра. На Днѣпрѣ близъ Смоленска онъ и былъ убитъ. Ему было бы вдвое ближе, еслибъ онъ поѣхалъ Окой и Десной; и если онъ не поѣхалъ этимъ путемъ, то значить, этотъ путь еще не существовалъ, что подтверждается и извѣстными словами Мономахова завѣщанія, въ которыхъ онъ, говоря о трудностяхъ перенесенныхъ въ жизни, между прочимъ упоминаетъ о томъ, что онъ два раза ходилъ изъ южной Руси въ сѣверную „сквозъ Вятчи“. Именно Владиміръ Мономахъ былъ одинъ изъ первыхъ, которые проложили этотъ путь,—если не самый первый изъ всѣхъ. О Вятчахъ мы знаемъ, что они упорно отстаивали свою независимость отъ Русскихъ князей. Въ ихъ землю совершилъ два похода Святославъ и только послѣ втораго похода наложилъ на нихъ дань, не смотря на то, что, передъ тѣмъ они, по словамъ лѣтописца, платили дань Козарамъ. Дань, наложенную Святославомъ, Вятчи отказались платить, такъ что черезъ 15 лѣтъ (въ 881 г.) Владиміръ опять предпринялъ походъ противъ нихъ и снова наложилъ на нихъ дань; но Вятчи опять не покорились, такъ что Владиміръ еще разъ долженъ былъ воевать съ ними. Но и онъ еще не покорилъ ихъ. Владиміръ Мономахъ черезъ полтора столѣтія пишетъ, что и онъ совершилъ еще два похода въ землю Вятчей: „ходихомъ по двѣ зимѣ, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ первую зиму... Не забудемъ, что еще во второй половинѣ XI вѣка въ странѣ Вятчей умеръ мученическою смертію св. Кукша. Этотъ фактъ показываетъ не только то, что Вятчи были упорные язычники, но и то, что власть Русскихъ князей не достигала туда. Все это намъ объясняетъ, почему во времена Глѣба было невозможно путешествіе черезъ землю Вятчей; еще во времена Мономаха оно было опасно, и тогда только Вятчи были покорены окончательно; Вятчи, по видимому, долго еще сохраняли особенную любовь къ независимости; на это, по крайней мѣрѣ, ука-

зываетъ то, что черезъ столѣтіе послѣ Мономаха Вятичи между всѣми славянорусскими племенами оказали наибольшую стойкость противъ Татаръ (при защитѣ Козельска). Что древняя Русь не знала пути на востокъ черезъ Десну и Оку, въ этомъ убѣждаютъ насъ и слова лѣтописца о путяхъ изъ Россіи въ разныя страны. На востокъ, въ жребій Симвовъ, въ Булгары и Хвалисы можно дойти изъ Руси, говоритъ онъ, потому, что изъ одного и того же Оковскаго лѣса Днѣпръ течетъ на югъ, а Волга — на востокъ. Значитъ, лѣтописецъ представлялъ себѣ, что дѣйствительно можно изъ Днѣпра переѣхать въ Волгу, и этого выдумать онъ не могъ; онъ стало быть слышалъ, что этимъ путемъ ѣздили и именно даже въ его время, въ XI вѣкѣ. Путь Глѣба дѣйствительно и подтверждаетъ это. То же подтверждается и археологическими данными. Въ то время, какъ въ бассейнѣ Десны до сихъ поръ не найдено ни одной восточной монеты, равнымъ образомъ и въ верхнемъ теченіи Оки, тамъ, гдѣ жили Вятичи, въ губерніяхъ, лежащихъ по верхнему Днѣпру и притокамъ его, равно какъ по всему теченію Западной Двины, вездѣ открыты клады восточныхъ монетъ. При томъ достойно вниманія, что монеты, найденныя въ губерніяхъ Витебской, Минской, Могилевской, Смоленской, принадлежать къ древнѣйшимъ (IX, VIII и даже VII вѣка) ¹⁾, такъ что на основаніи этого факта нужно думать, что эти страны гораздо раньше другихъ мѣстностей, населенныхъ Русскими Славянами, вошли хотя и не въ непосредственную торговую связь съ востокомъ, что здѣсь именно и пролегали торговые пути съ востока и сѣвера на югъ, а путь черезъ Оку и Десну совсѣмъ не существовалъ, что долженъ былъ признать и г. Соловьевъ, который только тѣмъ, что Вятичи были „удалены отъ главныхъ дорогъ“ (т. III, стр. 60, изд. 3-е), объясняетъ позднее обращеніе ихъ въ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ позднее присоединеніе къ Русскому государству ²⁾.

Во всякомъ случаѣ путь изъ Булгара въ Кіевъ могъ лежать только черезъ Волгу и Днѣпръ, и разстояніе между ними по этому пути было не менѣе 3000 верстъ, и сократить его нельзя. Переводя это

¹⁾ М. Н., стр. 24 и слѣд.

²⁾ Старался доказать, что пути изъ Кіева въ Булгаръ черезъ Оку и Десну не было, я имѣю въ виду, какъ норманскую теорію, такъ и Гедесоновскую—поляно-русскую, которая старается обратить извѣстіе арабскихъ географовъ въ свою пользу, главнымъ образомъ, при помощи этого пути. Правильное рѣшеніе этого вопроса, какъ увидимъ ниже, вообще имѣетъ очень большое значеніе въ русской исторіи.

разстояніе на дни пути, считая по 25 верстѣ въ день, мы получимъ сто-двадцать дней пути, а не двадцать, какъ говорятъ арабскіе писатели. При этомъ мы не считаемъ еще волока между системою Волги и системою Днѣпра. А этотъ волокъ долженъ былъ принадлежать къ самымъ затруднительнымъ. Перетаскивать суда отъ верховья одной рѣки къ верховью другой можно только тамъ, гдѣ рѣки начинаются изъ болотъ, гдѣ по болотамъ и топямъ проходитъ и водораздѣльная линія. А гдѣ рѣки начинаются въ мѣстѣ сухомъ и возвышенномъ, начинаются изъ ключей, какъ Днѣпръ и правые притоки Волги, тамъ перетаскиваніе лодокъ изъ одной рѣки въ другую почти совсѣмъ невозможно. У насъ о древнихъ волокахъ вообще существуетъ представленіе не довольно ясное и едва ли всегда согласное съ дѣйствительностью. Воображаютъ, что вездѣ, гдѣ двѣ системы сходятся близко вершинами, можно лодки даже съ товарами перетаскивать изъ одной въ другую. Савельевъ утверждаетъ, что Черноморскіе Руссы везли свои товары съ юга на Волгу черезъ Донъ до Саркела, „перетаскивали здѣсь суда на сушу, и *пройдя съ ними* (?) небольшой волокъ, спускались на нихъ по Волгѣ ¹⁾“. Это взято изъ разказа Масуди о походѣ Руссовъ 912 года. Савельевъ подтверждаетъ свое мнѣніе между прочимъ тѣмъ, что въ наше время раньше постройки желѣзной дороги между Дономъ и Волгою перевозили здѣсь товары сухимъ путемъ на разстояніи 60 верстѣ. Но въ наше время перевозили здѣсь товары на колесахъ и на лошадяхъ. А перетащить лодки съ товарами волокомъ, то есть, таща ихъ по землѣ, дѣло совершенно невозможное не только на разстояніи 60 верстѣ, но и на разстояніи 6 верстѣ. Можно пожалуй допустить, что Руссы 912 года перетаскивали свои лодки изъ Дона въ Волгу гдѣ-нибудь на самомъ короткомъ разстояніи между двумя системами; сильные и энергическіе люди могли на разстояніи пяти-шести верстѣ ихъ перетаскать понемногу на рукахъ. Въ 912 году Руссовъ участвовало въ походѣ 50,000 человекъ; и хотя лодки ихъ вмѣщали каждая по 100 человекъ, стало быть, были значительнаго размѣра, но у древнѣйшихъ Руссовъ можно предположить и такую физическую силу и такую энергію, которая справилась бы съ этимъ затрудненіемъ. Но чтобы то же было возможно въ обыкновенныхъ торговыхъ дѣлахъ, при перевозкѣ товаровъ, это немисливо. Въ торговыхъ экспедиціяхъ участвуютъ не десятки тысячъ людей, а просто только десятки.

Нужно замѣтить, что волоками у насъ еще до сихъ поръ пользуют-

¹⁾ Тамъ же, стр. LXIII.

ся и въ сѣверной, и въ южной Россіи, именно охотники и рыболовы. Въ сѣверной Россіи (въ Новгородской губерніи) охотникъ не рѣдко перетаскиваетъ лодку изъ одного озера, изъ одного болота въ другое, и дѣло это не представляетъ большихъ затрудненій, если озеро или болото соединены между собою хоть какимъ-нибудь протокомъ, въ которомъ больше грязи, чѣмъ воды, или даже просто топью. Въ такомъ случаѣ лодка дѣйствительно по грязи перетаскивается изъ озера въ озеро. Подобнымъ способомъ пользуются крестьяне деревни Волинкиной (подъ Петербургомъ) для перевозки сѣна съ острововъ, лежащихъ на возморѣй противъ ихъ деревни. Сѣно они везутъ по взморью на большихъ лодкахъ; но чтобы привести его изъ середины острова къ берегу, гдѣ стоитъ лодка, для этого лѣтомъ, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ употребляются сани; по топкому острову въ телѣгѣ везти сѣно нельзя: нагруженная телѣга ушла бы въ трясины до осей; и вотъ крестьянинъ запрягаетъ лошадь въ сани и при двадцатиградусной жарѣ везетъ сѣно въ сапяхъ: картина на первый взглядъ весьма странная. Но все это хотя неудобно, однако-возможно только въ странахъ топкихъ, болотистыхъ. Въ Малороссіи рыбакамъ также часто приходится переѣзжать изъ озера въ озеро на низменныхъ берегахъ Днѣпра, и въ особенности Десны. Лодка здѣсь составляетъ также необходимую принадлежность самаго дѣла. Но рыбаки не тащутъ ее по землѣ, потому что тамъ и на низменныхъ берегахъ рѣкъ перешейки между озерами все-таки совершенно сухи во время лѣта, а переносятъ на плечахъ. Для этой цѣли тамъ употребляются особенныя легкія лодки (душегубки).

Вообще допустить, чтобы Руссы изъ системы Волги могли перетаскивать свои суда въ систему Днѣпра, едва-ли есть какая нибудь возможность. Даже сомнительно, чтобы и изъ бассейна Ильменя, изъ Ловати можно было перетаскивать суда въ Днѣпръ хотя бы и при посредствѣ системы Западной Двины, не смотря на извѣстіе Константина Багрянороднаго, что Руссамъ однопоречья были доставляемы въ Кіевъ между прочимъ и изъ Новгорода. Это было невозможно уже по тому одному, что лодки были доставляемы въ Кіевъ въ самомъ простомъ не обдѣланномъ видѣ, безъ рулей и уключинъ. Такія лодки не могли имѣть въ Кіевѣ хоть сколько-нибудь значительной цѣны и сами по себѣ, по своей стоимости и благодаря конкуренціи, такъ какъ онѣ же были доставляемы въ Кіевъ, кромѣ того, прямо съ Днѣпра и притоковъ его, богатыхъ лѣсомъ. Здѣсь для постройки ихъ матеріалъ ничего не стоилъ, спускъ ихъ внизъ къ Кіеву также былъ очень ле-

гокъ. И цѣна ихъ въ Кіевѣ должна была быть очень низка соотвѣтственно дешовизнѣ матеріала, работы и доставки. Очевидно, что въ такомъ случаѣ доставка ихъ изъ Новгорода вверхъ по Ловати, потомъ черезъ волокъ между Ловатью и Двиною, потомъ по Двинѣ и по какому-нибудь ея притоку вверхъ, потомъ еще по волоку—была совершенно невозможна въ экономическомъ отношеніи: она одна стоила бы много больше, чѣмъ постройка и доставка лодокъ изъ бассейна Днѣпра.

И такъ, если Руссы изъ Кіева ѣздили въ Вулгарь съ товарами, то кромѣ 3000 верстъ воднаго пути, они должны были сухопутно перевезти свои товары черезъ волокъ. Такъ именно и дѣлалось дѣло въ этихъ мѣстахъ въ послѣдующее время, о которомъ до насъ дошли положительныя свѣдѣнія. Изъ договора Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Готскимъ берегомъ и Ригою видно, что въ началѣ XIII вѣка товары иностранныхъ и русскихъ купцовъ были перевозимы изъ Западной Двины въ Днѣпръ сухимъ путемъ на колесахъ, и это дѣлалось не самими купцами, а волочанами, жителями верховьевъ рѣкъ, раздѣленныхъ волоками ¹⁾.

Не иначе, или по крайней мѣрѣ не съ бѣльшими удобствами, а съ меньшими, могло происходить дѣло и раньше, въ IX, X и XI вѣкахъ²⁾. Такимъ образомъ путь изъ Кіева въ Днѣпръ если не удлинился, то замедлялся, являлась необходимость двухъ перегрузокъ, и вмѣсто 120 дней онъ, вѣроятно, требовалъ 150. А если мы вспомнимъ, что въ Кіевѣ и лодки не приготавливались, а пригонялись весною съ верховьевъ Днѣпра, если вспомнимъ притомъ, что Руссы, благодаря этому и для торговли въ Константинополь могли отправляться не ранѣе іюня, какъ говоритъ Константинъ Багрянородный (у Штриттера: *mensis*

¹⁾ Если тиунъ услышитъ, что латинскіе гости пришли, послать ему людей «са колм» перевезти товаръ.—Который волочанинъ возьметъ латинскій товаръ черезъ волокъ везти, а что пропадетъ отъ того товара, — то платить всѣмъ волочанамъ. Собр. Госуд. Гр., II, стр. 3.—Очевидно, эти волочане были извозчики, работавшіе съ круговою порукой; они перевозили товаръ на телегахъ, а не волокли его по волоку въ лодкахъ.

²⁾ Быть можетъ, въ IX вѣкѣ въ сѣверной Россіи, богатой лѣсами, было и неизвѣстно и невозможно употребленіе колесъ. Въ Олонецкой губерніи до сихъ поръ есть цѣлыя мѣстности, гдѣ употребленіе колесъ невозможно. Тамъ для перевозки тяжестей употребляются длинныя дроги, которыхъ одинъ конецъ укрѣпляется на спицѣ лошади, а другой волочится по землѣ. Не отъ этихъ ли дрогъ, волочившихъ по землѣ, и произошло названіе волока.

Junio ad Bitetzeba castrum descendunt), то мы легко убѣдимся, что, отправляясь въ Булгарь, они не могли выбраться изъ Кіева раньше іюня. А въ началѣ ноября Волга уже замерзаетъ; стало быть, Руссы дѣйствительно и не доѣхали бы до Булгара въ одну навигацію. Вотъ каковъ оказывается этотъ путь изъ ближайшаго русскаго города въ Булгарь. И вотъ какіе результаты увлеченія предвзятою мыслью при ученой работѣ! Ближайшимъ городомъ къ Булгару называется тотъ, въ который нужно ѣхать два года, въ который изъ Булгара было труднѣе попасть, чѣмъ въ Багдадъ.

Со стороны Френа и Савельева это увеличеніе тѣмъ очевиднѣе что въ другихъ случаяхъ они сами вѣрятъ арабскимъ извѣстіямъ о разстояніяхъ; оба они охотно пользуются ими, напримѣръ, для опредѣленія народности и мѣста жительства народа Вису, о которомъ говорятъ Ибнъ-Фодланъ и нѣкоторые послѣдующіе писатели. Вѣсѹ, это, по ихъ мнѣнію, Весъ, что дѣйствительно весьма правдоподобно. И убѣдились Френъ и Савельевъ въ этомъ сколько сходствомъ именъ, столько и тѣмъ, что разстояніе Вису отъ Булгара, сообщаемое Ибнъ-Фодланомъ, именно три мѣсяца пути, они считаютъ подходящимъ къ Весѹ, къ Бѣлому озеру ¹⁾. Савельевъ думаетъ, что разстояніе между Булгаромъ и Бѣлымъ озеромъ равняется 1800 верстамъ, и такъ какъ онъ полагаетъ 20 ²⁾ верстъ въ день пути, то оно и требуетъ 90 дней. Но ни онъ, ни Френъ не обращаютъ вниманія на то, что по тѣмъ же самымъ извѣстіямъ уже черезъ 10 дней пути, путешественники, ѣдущіе къ Вису, вѣзжаютъ въ землю Руссовъ, и черезъ 20 дней они должны достигнуть ближайшаго русскаго города; у нихъ выходитъ, что отъ Булгара до Бѣлоозера, на пространствѣ 1800 верстъ, купцы ѣдутъ въ продолженіе 90 дней, а отъ Булгара до Кіева, на пространствѣ 3000 верстъ, съ двумя перегрузками и съ волокомъ, ѣдутъ только въ продолженіе 20 дней. Въ первомъ случаѣ они ѣдутъ 20 верстъ въ день, а въ другомъ—150 верстъ по одному и тому же пути.

Х.

Такое отношеніе къ дѣлу было бы понятно, еслибы страна между Кіевомъ и Булгаромъ представляла пустыню, необитаемую степь или

¹⁾ Френъ, Ibn-Fozlan, 218 и слѣд.; Сав., М. II., СХХІІ и слѣд.

²⁾ Сколько верстъ точно полагаютъ Арабы на одинъ день пути, это трудно рѣшить. И это даже едва ли вездѣ одинаково, такъ что гдѣ дорога лучше, напримѣръ, въ равнинѣ, тамъ больше пути и проходится въ день, а въ горахъ полагается меньше. Вообще этотъ счетъ только приближительный.

необитаемые и непроходимые лѣса, населенные полудикими бродячими племенами. Въ такомъ случаѣ по неволѣ пришлось бы не обратить вниманія на разстояніе между Булгаромъ и Гунабой и видѣть въ Гунабѣ Кіевъ; въ такомъ случаѣ позволительно было бы въ этихъ выраженіяхъ Арабовъ „ближайшій городъ“, „10 дней пути“, „20 дней пути“, видѣть ошибку, описку и т. п. Но и Френу, и Савельеву было хорошо извѣстно, что еслибы жители Булгара поѣхали въ Кіевъ по Окѣ, то они должны были бы еще на Окѣ встрѣтить городъ Муромъ, который былъ къ Булгару, безъ сомнѣнія, ближе, чѣмъ Кіевъ; а еслибы они поѣхали по Волгѣ и Днѣпру, то они встрѣтили бы раньше Кіева Смоленскъ и Любечъ. Савельеву было кромѣ того извѣстно, что многія изъ нынѣшнихъ великорусскихъ губерній, именно Казанская, Владимірская, Ярославская, Новгородская, Тверская, Смоленская, Тульская, Рязанская и Псковская, въ VIII, IX и X вѣкахъ были населены „болѣе или мѣнѣе людьми промышленными, стоявшими на такой степени гражданственности, какой надлежитъ ожидать отъ вліянія торговли внѣшней („съ приваспійскими мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями“), продолжавшейся постоянно болѣе двухсотъ лѣтъ. А на пространствахъ помянутыхъ губерній были города—не въ смыслѣ огороженныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностью, и въ которыхъ развиты были первыя начала гражданского благоустройства“¹⁾.

Эти строки, принадлежащія г. Григорьеву и приведенныя самимъ Савельевымъ въ его сочиненіи, должны служить исходнымъ пунктомъ для отысканія русскаго города, ближайшаго къ Булгару, и для отысканія самихъ Руссовъ и русскихъ племенъ, на сколько это послѣднее возможно. Ихъ нужно сопоставить съ извѣстіями Арабовъ о торговомъ народѣ Руссахъ, занимавшемъ берега Волги выше Булгаріи, котораго страна начиналась въ 250 верстахъ выше города Булгара, и котораго ближайшій городъ отстоялъ отъ него на 500 верстъ. Оказывается, что жители средней Волги и нижней Оки уже въ VIII столѣтіи вели торговлю съ Востокомъ, которая продолжалась въ IX, X и даже XI вѣкахъ.

Къ такимъ результатамъ пришелъ одинъ ученый на основаніи изслѣдованій пумизматическихъ (г. Григорьевъ). Его выводы принялъ

¹⁾ Григорьева, О кувическихъ монетахъ въ Зап. Од. Об. Ист., т. I, стр. 115—166; цитировано у Савельева, М. II., ССХХVIII.

другой ученый, найдя ихъ согласными съ своими изслѣдованіями (Савельевъ). То же мы знаемъ отъ гр. Уварова, третьяго ученаго, занимавшагося въ частности археологическими изслѣдованіями касательно страны, орошаемой среднею Волгой. Онъ ¹⁾ пришелъ къ убѣжденію, что „Меря (которую онъ помѣщаетъ на средней Волгѣ и нижней Окѣ) уже съ VII вѣка начинала торговать съ востокомъ“, и что именно ее то арабскіе писатели называютъ Руссами. Почему? Это—другой вопросъ, который мы пока обойдемъ. Теперь будемъ искать, что за городъ разумѣли Арабы подъ именемъ Гунабы, Кутабы и т. д.?

Впрочемъ, предварительно разрѣшимъ себѣ еще одинъ вопросъ, котораго рѣшеніе, впрочемъ, уже подготовлено изысканіями только что названныхъ ученыхъ. Когда востокъ познакомился съ жителями Волги, приходившими торговать въ Булгарь? Вопросъ этотъ потому имѣетъ значеніе, что извѣстія арабскихъ писателей о Россіи отличаются въ некоторую неподвижность. Эдрисъ въ XII вѣкѣ и Абульфеда въ XIV въ сущности только повторяютъ извѣстія Истахри и Гаукала. не прибавляя къ нимъ ничего новаго. И такъ, Ибнъ-Хордадбегъ, Ибнъ-Фодланъ, Истахри, Ибнъ-Гаукаль и Масуди были первыми людьми, познакомившими востокъ съ Руссами, или востокъ зналъ ихъ раньше? Мы могли бы предположить, что названные писатели были первые добывшіе свѣдѣнія о Руссахъ, еслибъ Ибнъ-Фодланъ сообщилъ намъ о томъ, какъ при немъ, или не задолго до его прибытія въ Булгарь, начались торговныя сношенія Руссовъ съ этимъ городомъ, еслибы Масуди, который по всей вѣроятности самъ былъ въ Итилѣ, сказалъ, что при немъ или не задолго до него Руссы поселились въ Итилѣ. Въ дѣйствительности же ни тотъ, ни другой этого не сказали. Ибнъ-Фодланъ нашелъ въ Булгарѣ уже прочно установившіяся торговныя сношенія Руссовъ и Булгаръ, и прочно установившіяся торговныя обычаи. Масуди нашелъ Руссовъ въ Итилѣ въ числѣ постоянныхъ жителей этого города, нашелъ, что для Руссовъ существуютъ особенныя судебныя учрежденія. Ибнъ-Хордадбегъ еще въ IX вѣкѣ писалъ, что Руссы иногда возятъ свои товары прямо въ Багдадъ. Въ Итилѣ, кромѣ того, вмѣстѣ съ Руссами жили магометане. Все это должно привести насъ къ мысли, что востокъ не изъ сочиненій Истахри, Масуди, Гаукала познакомился съ Руссами, что онъ зналъ ихъ гораздо раньше, что сами эти писатели могли воспользоваться

¹⁾ *Труды 1-го Арх. съезда*, стр. 682.

нѣкоторыми общезвѣстными свѣдѣніями о Руссахъ и занести ихъ въ свои сочиненія.

Иначе это и быть не могло, если торговля жителей Волги съ востокомъ началась еще въ VII или VIII вѣкахъ, какъ согласно утверждаютъ ученые, изслѣдовавшіе этотъ вопросъ. Правда, эти ученые думаютъ, что въ тѣ вѣка эти волжскіе торговцы не назывались еще Руссами, а назывались иначе. Къ этому мнѣнію мы возвратимся; но изъ того, что востокъ зналъ волжскихъ торговцевъ еще съ VII или VIII вѣка, слѣдуетъ, что, быть можетъ, и эти племена Атлава, Артанія и эти города Кунаба, Арта, Талу были тамъ извѣстны также еще съ VII или съ VIII вѣка, что въ IX и X вѣкѣ, быть можетъ, котораго-нибудь изъ нихъ, а можетъ быть, и всѣхъ ихъ уже не было, что, стало быть, всѣ попытки отыскивать ихъ были бы только напрасною тратою времени.

XI.

Въ этомъ мы еще больше убѣдимся, если обратимъ вниманіе на то, что въ странѣ, въ которой, по извѣстіямъ арабскихъ писателей жили Руссы, сохранились несомнѣнные слѣды многихъ исчезнувшихъ городовъ, которыхъ даже имена не дошли до насъ. Такъ, во Владимірской губерніи сохранилось до сихъ поръ 19 населенныхъ мѣстностей, которыя носятъ названія городищъ, городковъ, городцевъ; въ Ярославской такихъ мѣстностей 18 ¹⁾. При многихъ изъ нихъ хорошо сохранились остатки древнихъ укрѣпленій, иногда поражающихъ грандіозностью своихъ размѣровъ; таковы, напримѣръ, остатки въ 45 верстахъ отъ Владиміра при селѣ Осовцѣ, на берегу Клязьмы. Здѣсь еще цѣлы валъ и ровъ въ *семь сажень* глубины ²⁾. Близъ Ростовскаго озера находится Городокъ на р. Саррѣ, простирающійся на 180 сажень въ длину и отъ 25 до 40 въ ширину, состоящій изъ громадной насыпи, перерѣзанной продольными и поперечными валами ³⁾. Кроме того, сохранилось въ тѣхъ же мѣстахъ много остатковъ древнихъ поселеній, которыя въ настоящее время совсѣмъ не населены, находятся гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ полѣ и потому не вошли въ Списки населенныхъ мѣстностей.

Кто же можетъ поручиться, что тѣмъ городамъ, которые у Арабовъ называются Кутабы-Курбая и Арта-Арба, именно довелось со-

¹⁾ См. Списки населенныхъ мѣстъ этихъ двухъ губерній.

²⁾ См. *Владим. сборникъ*, изданіе г. Тихонравова, въ главѣ о городищахъ.

³⁾ См. *Труды перваго археологическаго съѣзда*, стр. 665.

храниться до нашего времени, въ особенности, если сами Арабы-то узнали о нихъ не въ X, а въ VIII или даже въ VII вѣкѣ? Можетъ быть, слѣды этой Кутабы-Курбая и Арты-Арбы сохранились въ городищахъ, но потеряли свое имя и теперь извѣстны подъ общимъ именемъ городища, городка, или городца. Подобныхъ примѣровъ не трудно найти у насъ въ Россіи и именно въ сѣверо-восточной. Наши лѣтописи еще въ XIII вѣкѣ упоминаютъ о болгарскихъ городахъ Брасимовѣ, Вислѣ, Челматѣ, Тукчинѣ, Сабекульи. А между тѣмъ въ настоящее время никакихъ поселеній хотъ только съ похожими именами нѣтъ, хотя, безъ сомнѣнія, какіе-нибудь слѣды ихъ сохранились и извѣстны мѣстному населенію подъ именемъ городищъ, городковъ и т. п. Въ странѣ древняго болгарскаго царства дѣйствительно много городищъ¹⁾. Но напрасно стали бы мы, основываясь на созвучіяхъ, приурочивать къ нимъ имена тѣхъ или другихъ древнихъ болгарскихъ городовъ; изъ этого ничего не вышло бы, въ чемъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ названій, приводимыхъ въ статьѣ г. Невоструева: село Успенское (это древніе Волгары), городища Майнское, Кокрниское, Валымерское, Уткинское, Унцорское, Билярское, Чибатское, Кандалинское, Камкинское, Чертово, Арбухимское и т. д. Всѣ они, потерявши свои прежнія имена, называются отъ близъ лежащихъ селеній или какихъ-нибудь урочищъ.

Здѣсь произошло то же самое, что произошло съ древне-русскими городищами по средней Волгѣ.

XII.

Но скажутъ, кромѣ именъ городовъ, арабскіе писатели приводятъ еще имена племенъ, на которыя раздѣлялся Русскій народъ. А такихъ племенъ нѣтъ на Волгѣ и не было. Объ именахъ племенъ, съ одной стороны, я уже высказался. Названія славянскихъ племенъ, приводимыя Масуди, достаточно убѣждаютъ насъ, что подобныя названія не могли пройти черезъ рядъ арабскихъ рукописей безъ искаженія. Но другою причиною, по которой мы можемъ узнать въ нихъ имена волжскихъ племенъ, употребляемыхъ нами, служитъ то, что имена народовъ, даваемыхъ имъ другими народами, обыкновенно рѣдко совпадаютъ между собою и съ тѣми именами, которыми на-

¹⁾ Г. Невоструевъ составилъ имъ подробную карту и помѣстилъ ее въ *Труды первой археол. съезда* вмѣстѣ съ своею статьею объ этомъ предметѣ, стр. 521—591.

зываютъ себя сами эти народы. Нагляднымъ доказательствомъ этого служатъ имена Нѣмецкаго народа. Сами себя Нѣмцы называютъ Deutsche, Французы называютъ ихъ Allemands, Англичане—Germans, Итальянцы—Tedeschi, Славяне—Нѣмцами. Тому, кому заподлинно неизвѣстно, что всѣ эти имена относятся къ одному народу, трудно было бы догадаться, что это именно такъ. Русскій народъ, кажется, имѣетъ особенную способность переименовывать названія народовъ; такъ Финновъ-Суомалайненъ мы называемъ Чудью и Чухонцами, Эрзя—Мордвою, Маровъ—Черемисами, Мортъ-Коми—Зыряннами, Удмуртовъ—Вотиками и пр. Конечно, эти имена не составляютъ собственно искаженія подлинныхъ названій этихъ народовъ; они образовались извѣстнымъ историческимъ путемъ посредствомъ заимствованій у другихъ народовъ и отчасти осмысленія; но такъ или иначе употребляемые нами названія не соотвѣтствуютъ подлиннымъ названіямъ этихъ народовъ. И что можетъ ручаться, чтобы прежнія имена Финскихъ племенъ, Мери, Муромы, Мещеры, какъ называли ихъ наши предки, были согласны съ подлинными именами этихъ племенъ, въ особенности, что можетъ ручаться, чтобы названія, даваемые этимъ племенамъ Арабами, и вѣроятно, заимствованныя ими отъ Булгаръ или Хозаръ, совпадали съ нашими?

На основаніи этихъ соображеній, конечно, было бы гораздо более разумнѣе совсѣмъ отказаться отъ того, чтобы дѣлать какіе-нибудь выводы на основаніи названій русскихъ городовъ и племенъ, содержащихся въ арабскихъ сочиненіяхъ, отказаться отъ труда найти что-нибудь соотвѣтствующее имъ въ древней или нынѣшней Россіи. Я бы такъ дѣйствительно и сдѣлалъ, еслибы эти названія раньше не подвергались усиленному „поднятію на дыбы“¹⁾. Чего только изъ нихъ не дѣлали! Кромѣ Кіева, произведеннаго изъ Гунабы-Кутабы-Курбан-Каркобана-Корапатрія-Ваи, тутъ явилась и Литва, произведенная изъ Главы, Атлавы и Салаце, и Славія изъ тѣхъ же Главы, Атлавы и Салаце, и наконецъ, просто Славяне все изъ тѣхъ же Главы, Атлавы и Салаце, такъ что Славяне являются здѣсь одною изъ отраслей того племени, къ коему принадлежитъ Эрзя-Мордва, которую видѣли въ Артаніи, Арзаніи.

Впрочемъ, съ тѣмъ, что подъ Артаніе, Арзаніе можно разумѣть

¹⁾ Это выраженіе, употребленное въ первый разъ, кажется, г. Погодинымъ въ переводѣ Эверса, уже получило полное право гражданства въ литературѣ вопроса о началѣ Руси. Такъ часто прибѣгали къ нему наши ученые.

Эрвю-Мордву, какъ я уже высказался, можно согласиться. Только городъ Арту-Арсу-Арбу нельзя искать въ Арзамасѣ. Арзамасъ—городъ не древній и никогда никакого особеннаго значенія онъ не имѣлъ, и потому нѣтъ никакой особенной причины при отысканіи Арты-Арсы-Арбы предпочесть его двумъ Ардатовымъ, существующимъ также въ странѣ Мордвы, въ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ или селамъ Большой Арбѣ и Малой Арбѣ, существующимъ въ Казанской губерніи близъ Волги. Всѣ они уже по тому одному не подойдутъ къ Артѣ-Арсѣ-Арбѣ, что они лежатъ слишкомъ близко къ Булгару, тамъ гдѣ жило ближайшее къ Булгару русское племя, городомъ котораго была Гунаба-Кутаба и т. д. Артанія-Арзанія лежала выше. И если ужъ дѣйствительно видѣть въ этихъ именахъ что-нибудь близкое къ дѣйствительному имени одного изъ русскихъ племенъ, то всего ближе оно, именно въ вариантѣ Арзанія, подойдетъ къ Рязани. Рязань—это славянская, ослабленная форма этого имени. Перестановка буквъ, согласной напередъ, гласной назадъ—дѣло обыкновенное у Славянъ въ такихъ случаяхъ: такимъ образомъ у нихъ вмѣсто Альба, Эльба явилось Лаба, вмѣсто Альдейга—Ладога, вмѣсто Ильмень—Лиманъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого свойства своего языка Славяне въ до-историческія времена образовали слово брегъ тамъ, гдѣ у Нѣмцевъ явилось слово berg, слово работа тамъ, гдѣ у Нѣмцевъ явилось arbeit, слово рожь тамъ, гдѣ у Французовъ или у Кельтовъ явилось orge. Вслѣдствіе этого свойства славянскаго языка финское Арзанія, Арзанъ должно было обратиться въ Рязань, и потомъ въ Рязань.

Положеніе же Рязани вполне соответствуетъ положенію Арзаніи арабскихъ географовъ. Страна эта была не ближайшимъ племенемъ къ Булгару; между Рязанью и Булгаромъ дѣйствительно простирается обширная страна, которая была населена въ древности тѣмъ же самымъ племенемъ, которымъ была населена и Рязанская земля. Изъ Рязани, какъ изъ Арзаніи, нужно спускаться внизъ по водѣ, чтобы доѣхать до Булгара. Что Рязань находится не на Волгѣ, а на Окѣ, это не можетъ служить достаточнымъ возраженіемъ противъ того, чтобы въ Арзаніи видѣть Рязань. Арабы не имѣли опредѣленнаго представленія о Волгѣ выше Булгара; они ничего не говорятъ о самыхъ большихъ притокахъ ея—Камѣ и Окѣ; для нихъ поэтому всѣ пріѣзжавшіе въ Булгаръ сверху пріѣзжали по Волгѣ, хотя бы они въ самую Волгуту пріѣхали изъ Оки и даже изъ Камы. Норманисты не стѣсняются

же видѣть въ Артѣ Арзамасъ, хотя онъ стоитъ даже не на Окѣ, а на небольшомъ притоцѣ ея Темѣ.

Другое племя русское называется Желоба, Атлава, Салауѣе. Ничего похожаго между Финскими племенами мы не знаемъ. Но до насъ дошло и имя города этого племени, который назывался Тлава или Талу. Талу очень походить на Тулу, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ на Славу или Литву.

Видѣть въ Тлавѣ-Талу Тулу, по видимому, не позволяютъ двѣ причины. Во первыхъ, то, что Тула есть городъ, не упоминающійся въ первые вѣка русской исторіи, что относится также и къ Рязани. Но въ виду вышеприведенныхъ словъ г. Григорьева относительно существованія городовъ въ средней Россіи до начала государства, это возрѣніе теряетъ свою силу. Многие изъ этихъ городовъ совсѣмъ исчезли, другіе продолжали существовать въ неизвѣстности и только впоследствии сдѣлались извѣстными. При началѣ государства не упоминается, напримѣръ, и Суздаль; въ Лаврентьевской лѣтописи это имя является въ первый разъ въ XI вѣкѣ, а между тѣмъ въ скандинавскихъ сагахъ его имя вездѣ упоминается рядомъ съ Ростовомъ, Муромомъ, Полоцкомъ, городами, которые старше Русскаго государства, и та же самая Лаврентьевская лѣтопись въ XII вѣкѣ называетъ его уже старымъ городомъ вмѣстѣ съ Ростовомъ ¹⁾, и отъ него вся страна заимствуетъ свое имя ²⁾. Новые города въ средней Россіи по Окѣ и Волгѣ только тѣ, которыхъ постройка намъ извѣстна, которые большею частью и имѣютъ имена свои отъ князей, которые ихъ строили, или по крайней мѣрѣ, имѣютъ славянскія названія, таковы: Владиміръ, Ярославль, Судиславль, Юрьевъ, Ярополкъ, Переяславъ ³⁾, Всеволожъ, Нижній-Новгородъ и др. А города, имѣющіе не славянскія названія, какъ Рязань, Коломна, Москва, Тула, Кострома, Тверь, безъ сомнѣнія, существовали гораздо раньше, чѣмъ сдѣлались извѣстны въ исторіи. Еслибъ они были построены впоследствии славяно-русскими князьями, то они носили бы и славянскія имена, подобно сейчасъ упомянутымъ городамъ. А ихъ имена въ дѣйствительности не славянскія. Съ другой стороны, и постройка ихъ бы-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 160.

²⁾ «Чудь сътвори Богъ въ Суздальской странѣ». П. С. Р. Л., т. VII, стр. 21.

³⁾ Переяславъ, впрочемъ, построенъ на мѣстѣ древнѣйшаго Морскаго города; быть можетъ даже, что древній финскій городъ только переименованъ. См. Списки нас. мѣстъ Влад. губ. (введеніе).

ла бы обозначена въ лѣтописяхъ, чего въ дѣйствительности не оказалось.

Другою причиною, не позволяющею въ городѣ Руссовъ-Финновъ видѣть Тулу, служить, по видимому, то, что Тула, находясь въ бассейнѣ верхней Оки, должна была, по общепринятому мнѣнію, входить въ составъ страны Вятчей, занимавшихъ верхнее теченіе Оки; но есть много фактовъ, свидѣтельствующихъ, что поселенія Вятчей при началѣ Славяно-Русскаго государства доходили только до западной границы Тульской губерніи, а большая часть нынѣшней ея площади была заселена Финнами. Такъ многія рѣки Тульской губерніи, если не большинство ихъ, носятъ названія не славянскія, какъ Упа, Зума, Мечь, Шталь, Шневъ, Солова, Смедва, Тоболя, Курца, Локня, Мордвеза.

Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ легко могутъ быть объяснены изъ финскихъ корней. Такъ, рѣка Упа, на которой стоитъ гор. Тула, отличается неизменною своихъ береговъ, которые на большомъ протяженіи бываютъ потопляемы въ полоую воду. Въ финскомъ языкѣ корень *ur* именно имѣетъ значеніе потопленія, залитія. Отъ него происходятъ, слѣдовательно, слова *urotan*—заливаю, *urutus*—залитіе, *urra* или *uros*—тоже залитіе, потопленіе, *urroinut*—тоже, *urroan* или *urruan*—заливаюсь, погружаюсь ¹⁾. Самое слово Тула легко объяснить изъ финскаго языка, въ которомъ есть нѣсколько словъ, начинающихся съ звуковъ *тул*. *Tuli* значитъ огонь, *tulla*—скамья, *tulwa*—розливъ рѣки. Это послѣднее слово, намъ кажется, въ особенности хорошо идущимъ въ гор. Тулѣ, который находится на очень низкомъ мѣстѣ, и кромѣ того, подлѣ него до сихъ поръ есть большой заливъ также рѣки Упы, называемый Поповымъ болотомъ. Подобнымъ образомъ легко объясняется изъ финскаго названіе рѣки Красивой Мечи, которое сбиваетъ съ толку нашихъ топографовъ и географовъ, называющихъ ее то Красивый Мечь, то Красивая Меча. Дѣйствительное названіе ея просто Мечь (женскаго рода) или Красивая Мечь. Изъ славянскаго языка напрасно кто-нибудь сталъ бы объяснять эту Мечь. Между тѣмъ по фински *Metsä* значитъ роща, лѣсъ и даже лѣса (множ. число). Замѣчательно, что по рѣкѣ Мечи до сихъ поръ сохранились значительные лѣса въ то

¹⁾ Вся эти слова, равно какъ и слѣдующія ниже, заимствованы мною изъ *Lexicon linguae fennicae, Ренуалла* (Abo, 1826). Это словарь языка Финновъ-Суомаляйненъ. Дальше я прибѣгну къ нему еще неоднократно къ частномъ вопросу, имѣющемъ гораздо болѣе важное значеніе для рѣшенія общаго вопроса о началѣ Руси, и тогда объясню, почему я имъ пользуюсь.

время, какъ вся окрестная страна представляетъ почти сплошь открытую мѣстность. На финское происхождение этого слова указываетъ еще и то, что существуютъ еще двѣ рѣки съ тѣмъ же именемъ въ Рязанской губерніи, въ Пронскомъ и Воронскомъ уѣздахъ, въ странѣ, безспорно, населенной финскимъ племенемъ при началѣ Русскаго государства. Рѣка Солова, текущая въ Улу, которая упоминается еще въ XII вѣкѣ, какъ рѣка пограничная, на которой былъ и пограничный острогъ того же имени, имѣетъ соответствующія себѣ въ финскомъ языкѣ слѣдующія слова: solawa молнія, solawa ива, solowa, solewa прямой, продолговатый. Замѣчательна еще одна особенность въ Тульской губерніи. Нѣкоторыя урочища носятъ здѣсь имя Кульма. Это названіе дается такимъ низменнымъ мѣстамъ на берегахъ рѣкъ, которыя имѣютъ видъ угла, мыса или полуострова, оканчивающагося угломъ, „стрѣлкой“ и образуются изгибомъ рѣки или соединеніемъ двухъ рѣкъ ¹⁾). При первомъ взглядѣ на такую мѣстность приходитъ въ голову мысль, что если слово Кульма дано этой мѣстности сообразно съ ея характеромъ, то оно должно означать уголь. Въ нынѣшнемъ финскомъ языкѣ употребляется слово kullina, что значитъ дѣйствительно уголь. Это поразительный примѣръ сохраненія финскаго имени въ неискаженномъ видѣ въ странѣ, ослабянившейся 700 лѣтъ назадъ!

Изъ другихъ особенностей Тульской губерніи, указывающихъ на ея первобытное финское населеніе, весьма характеристиченъ остатокъ старины, безъ сомнѣнія глубокой, извѣстный подъ именемъ Коя-Камня, который находится на высокомъ берегу Красивой Мечи, близъ села Козьы, въ Ефремовскомъ уездѣ. Это большой песчаникъ, поставленный на трехъ меньшихъ камняхъ, также песчаникахъ, и окруженный другими меньшими камнями, также песчаниками. Фигурою своею онъ походитъ на изображенныя въ сочиненіи Ворсо „Сѣверныя древности“ два подобные камня, также положенныя на меньшихъ камняхъ (dysser, autels druidiques), которые считаются памятниками первобытныхъ обитателей Скандинавіи Финновъ. На островѣ Коневцѣ, на Ладожскомъ озерѣ, существуетъ подобный же камень, гораздо большихъ размѣровъ, и притомъ съ тѣмъ же самымъ именемъ (Ковъ-Камень). Почитаніе камней было распространено на фин-

¹⁾ Такія двѣ Кульмы я самъ видѣлъ, одну—въ Ефремовскомъ уездѣ, въ селѣ Казанскомъ, образуемую изгибомъ р. Птани, другую — въ Новосельскомъ уездѣ, въ селѣ Покровскомъ, образуемую соединеніемъ рѣчекъ Динки и Раковки.

скомъ сѣверѣ; подобныя камни были въ Ростовѣ и Переславлѣ; они были низвергнуты св. Аврааміемъ и св. Иринеархомъ. Недалеко отъ Коня-Камня ¹⁾ есть еще двѣ группы камней, также песчаниковыхъ, и также на высокомъ берегу Мечи ²⁾. Третья группа находится въ десяти верстахъ, на высокомъ берегу р. Штани, какъ разъ противъ Кульмы. Въ этихъ мѣстахъ исчезли всякіе слѣды религіознаго почитанія древнихъ Финновъ. Но въ Одоевскомъ уѣздѣ сохранились два камня Башъ и Башиха (близъ села, которое отъ нихъ получило и имя (Башево), въ десяти верстахъ отъ города Крапивны), къ которымъ въ народѣ еще сохраняется уваженіе. Народъ ходитъ еще къ нимъ молиться, при чемъ не совсѣмъ успѣшною оказалась попытка духовенства обратить языческій обрядъ въ христіанскій. Ревнителі вѣры построили на этомъ мѣстѣ часовню. Народъ, дѣйствительно, и молится передъ этою часовнею; иногда приглашаютъ сюда и мѣстное духовенство, которое служитъ молебны передъ часовнею; молящіеся ставятъ свѣчки и вообще молятся по христіански, но тѣмъ не менѣе деревенская женщина, приходя къ священнику, проситъ его отслужить молебенъ Вашамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было прежде по разказамъ старожилонъ, и вразумленія цѣлыхъ поколѣній священниковъ, что Вашамъ служить молебны они не могутъ, не вполне достигали цѣли.

Что такое эти Башъ и Башиха? У языческой Мордвы до сихъ поръ существуетъ цѣлая генеалогія божествъ мужскаго и женскаго пола. Главный богъ называется Чамъ-Пасъ, жена его родоначальница всего поколѣнія второстепенныхъ боговъ, называется Агне-Патяй ³⁾. У христіанской Мордвы слово *Пазъ* значитъ Богъ. Финскія мягкія согласныя *n* и *m*, которыя въ настоящее время въ языкахъ Финновъ рѣшительно преобладаютъ, по мнѣнію финнологовъ, прежде были твердыми *b* и *d* ⁴⁾, и съ теченіемъ времени смягчились, какъ это произошло и въ западной Германіи, гдѣ хотя въ письменномъ языкѣ *b*

¹⁾ Коня-Камень упоминается въ «Росписи донецкимъ сторожамъ», 1571 г. Близъ него стояли сторожа на р. Красной Мечи.

²⁾ Замѣчательно, что въ этой мѣстности, вообще очень богатой камнемъ, песчаника нигдѣ нѣтъ, а вездѣ исключительно известнякъ, такъ что нужно думать, что всѣ эти камни привезены откуда-нибудь издалека.

³⁾ См. *Хорсакова*, Мера Патяй по мордовски значитъ тетка, старшая сестра, старшая двоюродная сестра. См. *Видемана*, Grammatik der Ersä-Mordwinischen Sprache въ *Mem. de l'Acad. des Sciences*, т. IX, № 1, 1865 г., стр. 141.

⁴⁾ *Томсенъ*, Ueber der Einfluss der Germanischen Sprachen über die Finnische, стр.

и *д* существуютъ, но въ произношеніи уже не отличаются отъ *и* и *ш*. Такимъ образомъ, мордовскій Пазъ или Пасъ назывался прежде Вазъ или Васъ, и славянское населеніе Тульской губерніи сохранило здѣсь твердое *б* въ то время, какъ финская Мордва измѣнила ее въ *и*, отъ чего мордовскій Пазъ и называется въ Тульской губерніи Вашъ; а Башиха—это его жена, которой подлинное имя забыто ¹⁾. Измѣненіе звука *с* въ *ш* также легко объясняется тѣмъ, что у Финновъ *с* до сихъ поръ не имѣетъ той чистоты звука, какую онъ имѣетъ у насъ, у Нѣмцевъ или Французовъ, а есть въ немъ легкій оттѣнокъ звука *ш*, нѣсколько напоминающій тотъ звукъ, которымъ Евреи передаютъ русское *ш*. И судя по всему, этотъ Вашъ былъ почитаемъ Финнами почти на границѣ ихъ племени; дальше къ западу дѣйствительно начиналась земля Вятичей. Въ томъ же Одоевскомъ уѣздѣ къ западу отъ Баша существуетъ село Радугощъ, котораго имя наводитъ на нѣкоторыя размышленія. Русскіе Славяне, по изысканіямъ покойнаго И. Д. Вѣльева, не поклонялись богамъ западныхъ Славянъ ²⁾. Но этотъ выводъ основанъ на фактахъ, относящихся къ Россіи, такъ сказать, официальной, къ господствовавшему классу въ древней Россіи, котораго происхожденіе до сихъ поръ и составляетъ загадку, не разгаданную наукою. Религія массы народной намъ мало извѣстна, о ней подѣ часъ приходится довольствоваться темными намеками, заключающимися въ какихъ-нибудь остаткахъ старины, въ обрядахъ, пѣсняхъ или мѣстныхъ названіяхъ. Къ числу такихъ остатковъ, содержащихъ въ себѣ намекъ, указаніе на религію Русскихъ Славянъ, кажется, нужно отнести и приведенное названіе Радугощъ. Оно слишкомъ походитъ на имя Радегаста; оно явнымъ образомъ составлено изъ славянскихъ корней, именно изъ тѣхъ же, изъ которыхъ составлено и имя этого бога. Итакъ, не служитъ ли оно остаткомъ поклоненія обитателей верхней Оки Радегасту? Предположеніе это дѣлается тѣмъ достовѣрнѣе, что здѣшніе Славяне Вятичи, по словамъ лѣтописи, пришли въ Россію не прямо съ Дуная, а съ береговъ Вислы, отъ Ляховъ.

Въ такомъ случаѣ почитаніе Баса, Баша съ женою прійдется дѣйствительно почти на границѣ между Финскимъ племенемъ и Вятичами. Къ тому же приводятъ и слѣдующія соображенія: выше и

¹⁾ По извѣстію *Снегирева*, Вашъ и Башиха иначе такъ и называются у мѣстнаго населенія Богъ и Жиха. См. Русск. простон. праздн. въ статьѣ о Вашѣ и Башихѣ.

²⁾ *Временникъ М. Общ. Ист.*, т. VIII, стр. 58.

уже привелъ слѣдующее мѣсто изъ поученія Мономаха: „а въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ первую зиму“. Оставляя въ сторонѣ Ходоту и сына его, обращу вниманіе только на Корьдно. Чтò это за имя? Изъ словъ Мономаха можно заключить, что это было важное мѣсто въ землѣ Вятичей, и притомъ наиболѣе удаленное отъ Кіева, такъ какъ походъ, совершенный туда, принадлежитъ къ числу трудныхъ. Стало-быть Корьдно также лежало гдѣ-нибудь въ крайнихъ предѣлахъ земли Вятичей, именно на границѣ его съ Финнами, слѣдовавшими дальше къ востоку. Въ Тульской губерніи сохранилось нѣсколько названій, которыя весьма легко объяснить изъ этого Корьдна; именно тамъ есть пять селъ, которыя называются Скородное, изъ которыхъ четыре находятся въ юго-западномъ углу этой губерніи, тамъ, гдѣ кончалась земля Вятичей, въ уѣздахъ Новосильскомъ и Чернскомъ ¹⁾. Быть можетъ, изъ всѣхъ ихъ только одно носило первоначально это имя, а другія были его колоніями, поселившимися впоследствии въ землѣ Финновъ. Какъ бы то ни было, Скородное—это, по видимому, ничто иное какъ Корьдно ²⁾, которое въ свою очередь очень напоминаетъ древнее имя нынѣшней Гродны, Городно. Прибавка буквы *с* въ началѣ не можетъ затруднить въ этомъ случаѣ филолога. Подобная прибавка явилась во многихъ словахъ, гдѣ первоначально ея не было. Такъ изъ первоначального *кора* еще въ древнее время вышло уже *скора*, которое потомъ перешло въ *шкура*. Въ Тульской и Рязанской губерніяхъ въ настоящее время хлѣбная *корка* иначе не называется какъ *скорка*. Въ словахъ *смотреть*, *страдать* прибавка относится ко временамъ до-историческимъ, и безъ прибавки эти слова сохранились только въ сербскомъ и словинскомъ (*motriti*) и въ верхне-лужицкомъ (*tradasz*). Еще раньше появилась буква *с* въ словѣ *страхъ*, которое происходитъ отъ общаго арійскаго корня *тр*, сохранившагося въ латинскомъ *terror* и *trepidus*; замѣчательно, что у насъ въ народѣ еще кое-гдѣ употребляется *трацать* вмѣсто *страцать*, и *мотрить* вмѣсто *смотреть*. Слово *скользить* имѣетъ *с* также не первоначальное; но малорусски *скользитъ* — *ковзацьця*, по чешски *klauzati*, по чехо-словенски *klzat* ³⁾. Въ Тульской и Рязанской гу-

¹⁾ Списки насел. мѣстъ Тульск. губ.

²⁾ Употребленное здѣсь *с* вмѣсто *к* ничего не говоритъ противъ тождества этихъ именъ. Самъ Мономахъ, который говоритъ о Корьднѣ, называетъ себя не Мъномахъ, а Мьномахъ.

³⁾ Корнесловъ Русскаго языка Шимкевича, подъ словомъ *кора*.

берніяхъ есть явные примѣры прибавки *с* въ началѣ названій мѣстностей: въ обѣихъ этихъ губерніяхъ есть села, называемыя Скорнево; эти Скорневы, по всей вѣроятности, происходятъ отъ *корень*, съ приставкою въ началѣ буквы *с*. Въ Тульской губерніи есть село Скнига и другое Скнижева, которыя слишкомъ походятъ на *книгу* и *книжку*, чтобы имъ искать еще другой корень ¹⁾.

Подобнымъ образомъ и въ словѣ Скородное начальное *с* должно быть приставкою. И въ такомъ случаѣ каждое изъ тѣхъ Скородныхъ, которыя находятся въ юго-западномъ углу Тульской губерніи, оказывается подходящимъ подъ Корьдно Владиміра Мономаха и въ географическомъ и въ филологическомъ отношеніи. Этимъ подтверждается мысль, что граница между Вятчами и Финнами проходила именно въ этомъ мѣстѣ по нынѣшнимъ уѣздамъ Новосильскому, Чернскому, Вѣлевскому и Одоевскому; дальше къ сѣверу она уходила въ Калужскую губернію, гдѣ Славянское и Финское племена были отдѣлены одно отъ другаго Голядью, жившею по Угрѣ и Протвѣ.

Судя по всему, на границу именно въ этомъ мѣстѣ между Вятчами и племенемъ Финскимъ указываютъ еще два факта. Къ востоку и западу отъ этой линіи есть одна не довольно значительная, но не лишенная смысла разниа въ народномъ говорѣ. Къ востоку

¹⁾ Корень слова *лима* не можетъ не занимать филолога. Онъ очевидно не славянскій; ничего подходящаго къ нему въ славянскомъ языкѣ нѣтъ; Кириллъ и Меѳодій употребили это слово въ переводѣ библіи. Вѣроятно, оно употреблялось у Волгарь, на языкъ которыхъ было переведено Священнои Писаніе. Не принесли ли его съ собою на Дунай Булгары, покорившіе Фракійскихъ Славянъ? Эти Булгары, вѣроятно, были родственны Булгаримъ Волжскимъ, которыхъ народность не опредѣлена, но вѣрно то, что они не были пришельцами изъ своей странѣ. Стало бытъ, не были ли они родственны сосѣдамъ своимъ Волжскимъ Финнамъ? У Мордвы-Эрзи бумага называется *коновъ*; это *е* на концѣ могло произойти изъ *и*, по примѣру того, какъ въ великорусскомъ *е* замѣнило древнее *и*, въ родительномъ падежѣ (добраго—добрава); въ мордовскомъ языкѣ русское конечное *а* также переходитъ въ *ѣ*, напримѣръ: грѣхъ по мордовско-мошански грѣѣхъ, пастухъ—пастуѣхъ, порохъ—пороѣхъ. Не было ли мордовское *коновъ* прежде *конои*? Въ такомъ случаѣ исчезновеніе перваго *о* и превращеніе втораго въ *и* легко могли бы быть объяснены, и нынѣшнее мордовское *коновъ* оказалось бы *книвъ* (монахъ—мнихъ). Если это такъ, то слово это должно было быть общимъ и у Волжскихъ Финновъ, и у Булгаръ. Съ Булгарями оно перешло на Дунай и тамъ пошло въ переводѣ библіи, а съ Финнами оно осталось въ Россіи, сохранилось въ имени мѣстности и передѣлано потомъ въ Скнигу и Скнижку, посредствомъ приставки буквы *С*. О томъ, что древняя книга не имѣла вида нынѣшней книги, а имѣла видъ только свернутой бумаги, по счету нужнымъ распространяться.

отъ нея окончательное *е* смягчается въ *ѣ*, какъ вообще въ великорусскомъ нарѣчїи; такимъ образомъ произносится рукаѣ, остроѣ и т. п.; къ западу *е* и въ концѣ слышится какъ *е*; такъ произносятъ его не смягчая къ юго-западному углу Тульской губерніи, въ большей части Калужской губерніи и въ западной части Орловской, именно, какъ будто тамъ, гдѣ были поселенія Вятичей и вообще Славянъ, такъ что смягченіе *е* въ *ѣ* въ сѣверо-восточной Россіи, быть можетъ, нужно приписать влиянію Финновъ, которыхъ языки почти потеряли нѣкоторыя твердыя гласныя, а въ концѣ словъ совсѣмъ не терпятъ ихъ. Не могло же произойти безъ причины то, что къ востоку отъ линїи, проходящей черезъ уѣзды Новосильскій, Чернскій, Бѣлевскій и Одоевскій, *е* смягчается на востокъ вездѣ до самаго Урала, а на западъ вездѣ слышится въ своемъ чистомъ видѣ ¹⁾.

Другой фактъ, который, по видимому, также указываетъ на черту, отдѣляющую Финновъ отъ Славянъ, состоитъ въ томъ, что въ женскомъ нарядѣ къ востоку и западу отъ нея до послѣдняго времени сохранялась значительная разница, по крайней мѣрѣ въ Тульской губерніи. Къ востоку отъ этой границы женщины носили кички прямыя, вертикально поднимающіяся надъ головой, двурогія и значительно высокія, къ западу кички имѣли совсѣмъ другой видъ, въ родѣ тѣхъ, какія до сихъ поръ употребляются въ Курской губерніи. Кичка не поднималась вертикально надъ лбомъ, а отъ лба направлялась къ затылку, слегка поднимаясь, въ родѣ кокошниковъ, употребляемыхъ кормилицами, только не расширяясь такъ, какъ расширяются кокошники. Самое слово *кичка*, *кика* по всей вѣроятности финское; оно употреблялось исключительно въ Великой Россіи; Малороссія его не знала. У сохранившей въ Петербургской губерніи Води кичка называется кука и отличается такою же высотой, какъ и въ восточной

¹⁾ Несмягченію *е* въ концѣ словъ къ западу отъ этой линїи соответствуетъ несмягченіе ихъ и въ серединѣ передъ мягкими согласными, равно и въ предлогѣ *въ*, который передъ согласными даже переходитъ въ *у*. Это замѣчается и самыми простыми людьми, и на этомъ основаны народныя поговорки, которыми дразнятъ жителей той или другой мѣстности, что съ особенною охотою, впрочемъ, совершенно незлобиво дѣлается рабочими въ столицахъ и солдатами въ полкахъ, гдѣ собираются люди изъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Такимъ образомъ Бѣлевскихъ жителей дразнятъ: у Бѣлевѣ у пячи собака.....—Калужскихъ: у насъ у Калугѣ что у перьяхъ, то и гусь; эта послѣдняя поговорка содержитъ въ себѣ намекъ на то, что въ Калугѣ будто бы ѣдятъ галокъ и вѣроятъ наравнѣ съ гусями.

части Тульской губерніи ¹⁾. Это единство головного убора и единство имени для него, безъ сомнѣнія, указываетъ на первоначальное родство народностей, обитавшихъ въ той и другой мѣстности.

Распространяться обо всемъ этомъ нахожу тѣмъ болѣе необходимымъ, что вопросъ о границахъ между Славянскимъ и Финскимъ племенемъ, независимо отъ его отношенія къ частному вопросу о русскомъ племени Атлавін, имѣетъ вообще большое значеніе въ начальной русской исторіи, тѣмъ болѣе, что объ этомъ предметѣ высказаны авторитетами науки мнѣнія, несогласныя съ дѣйствительностью. С. М. Соловьевъ предполагаетъ, что жилища Вятичей простирались почти до самой Москвы, до Лопасни, берега которой будто-бы еще были населены Вятичами. Лопасня течетъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Протвы, гдѣ жила Голяди не только въ IX, но еще въ XI и XII вѣкахъ. Какъ допустить, что Вятичи, во всякомъ случаѣ пришедшіе съ запада или юго-запада и поселившіеся къ юго-западу отъ Голяди, могли черезъ поселенія Голяди подвинуться далѣе на сѣверо-востокъ, чтобы занять узкую полосу земли между Протвой и Лопаснею? Вятичи отличались храбростью; но окончательное покореніе Голяди только въ концѣ XI вѣка показываетъ, что и это племя умѣло защищать свою свободу и свою территорию. Потому оно и не пропустило бы черезъ свои земли небольшую колонію Вятичей. Гораздо естественнѣе и сообразнѣе съ историческими указаніями допустить, что поселенія Голяди именно отдѣляли страну Славянъ отъ страны Финновъ. Подвергаясь нападеніямъ съ той и другой стороны, страна Голяди постоянно суживалась, и исторія знаетъ ее въ видѣ продолговатой полосы земли между Угрой и Протвой, отъ Оки до верховьевъ Протвы.

Графъ Уваровъ, руководясь археологическими указаніями, продолжаетъ страну Финновъ и даже одной только Мери на югъ далѣе, нежели г. Соловьевъ. Страна Мери у него переходитъ за Оку и въ Тульской и въ Рязанской губерніи. Южнѣе ея къ югу жили все-таки не Славяне, а Финны, если не Мери, то какое-нибудь другое племя, по всей вѣроятности близкое къ тому, котораго остатки теперь называются Эрзею. Его-то арабскіе географы и могли называть Тлава, Атлава, а городъ его — Тлава и Талу, который потомъ (въ XII в.)

¹⁾ *Свердловский Архив* 1822 г. ч. 1, стр. 240. Статья пастора Цетреуса: Нѣчто о Вотландцахъ.

является въ исторіи подъ именемъ Тулы. Что лѣтописи молчатъ о немъ до этого времени, это не должно никого вводить въ недоумѣніе. Лѣтопись, писанная въ Кіевѣ въ первыя вѣка, молчитъ и о Рязани, и о Муромѣ, и о Ростовѣ. Она, какъ извѣстно, и о Новгородѣ упоминаетъ очень рѣдко, да и то только тогда, когда онъ входитъ въ какое-нибудь соприкосновеніе съ Кіевомъ.

Если слова г. Григорьева, что въ этихъ мѣстахъ, и между прочимъ, въ Тульской губерніи существовали города въ древнѣйшее время, справедливы, въ чемъ конечно сомнѣваться нельзя, то Тула имѣетъ наибольшую вѣроятность древняго существованія изъ всѣхъ другихъ городовъ этой губерніи, такъ какъ она все-таки есть древнѣйшій городъ этого края, и ея имя не славянское, что указываетъ на основаніе ея въ то время, когда въ этомъ краѣ Славянъ еще не было. Другіе древніе города этой губерніи Дѣдославль, Одоевъ, Новосиль, Крапивна имѣютъ или корни, или окончанія, или то и другое вмѣстѣ—славянскія, стало быть, построены уже Славянами или Славянорусскими князьями, и построеніе первыхъ славянорусскихъ городовъ въ Тульской губерніи, именно въ западной части ея, въ свою очередь подтверждаетъ мысль о древнѣйшемъ финскомъ населеніи этой страны. Князья Рюрикава дома, господствовавшіе надъ Варягами, именно черниговскіе Ольговичи, распространяя мало по малу свою власть къ востоку, построили эти города съ цѣлью держать въ повиновеніи страну, и съ теченіемъ времени здѣсь появились особня отрасли рода Ольговичей, князья Одоевскіе и Новосильскіе.

Третье русское племя, лежавшее ниже другихъ по теченію Волги, арабскими писателями даже не названо; названъ только одинъ изъ его городовъ. Но народность его не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Страна его, сосѣдняя со страной Булгаръ, и начиналась въ 250 в. выше города Булгара, а ближайшій городъ его лежалъ въ 500 верстахъ выше этого города. Разстояніе это только приблизительное; оно не позволяетъ намъ видѣть въ ближайшемъ къ Булгару русскомъ городѣ такой, который отстоитъ отъ него на 1000 верстъ, а тѣмъ болѣе на 3000 верстъ, какъ Кіевъ, но городъ, отстоящій отъ Булгара 400, 600 и даже 700 верстъ подойдетъ подъ него. Но на такомъ именно разстояніи отъ Булгара находится одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ этого края Муромъ. Къ нему можно приложить то, что Арабы говорятъ о Кутабѣ, Сунабѣ и т. д. Въ Муромѣ, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно ѣздили восточные купцы. Несходство названій объясняется искаженіемъ; и оріенталистамъ ничего не стоитъ прев-

ратить Кутаба или Курбаля въ Муромъ ¹⁾. Передѣлываютъ же они Лузаны въ Норманы или Ваи въ Кіевъ.

Есть, впрочемъ, и на средней, и на верхней Волгѣ населенныя мѣстности, носящія имя и Кіева съ нѣкоторымъ измѣненіемъ окончанія, именно Киво и Кивка ²⁾ въ Ярославской губерніи, и Ковка въ Тверской, и каждое изъ нихъ скорѣе подойдетъ подъ Курбаю-Кутабу арабскихъ писателей, чѣмъ Кіевъ на Днѣпрѣ. Но по всей вѣроятности, и въ нихъ нельзя видѣть этого города. Однако существованіе ихъ въ бассейнѣ средней Волги далеко не лишено смысла: оно служитъ подтвержденіемъ той мысли, что Кіевъ на Днѣпрѣ не былъ центральнымъ городомъ туземнаго славянскаго племени, а только укрѣпленною станціей Волжскихъ Руссовъ въ ихъ торговлѣ съ Византіей, и уже потомъ, благодаря выгодному мѣстоположенію и благопріятному климату, сдѣлался столицею всего государства. Само имя Кіева, необъяснимое изъ славянскаго языка, легко объясняется изъ языка мордовскаго. *Ki* значитъ по мордовски дорога, *eo* наиболѣе употребительное окончаніе именъ прилагательныхъ, производныхъ отъ существительныхъ, на примѣръ: *käv*—камень, *kävев*—каменный, *kele*—широта, *kelev*—широкій, *viг*—лѣсъ, *viгев*—лѣсной, *vi*—сила, *viгев*—сильный, *ki*—дорога ³⁾; Кіевъ, стало быть—дорожный, то есть, такое мѣсто, откуда Руссы пускались *съ дороги*, отправляясь торговать въ Византію.

Вспомнимъ при этомъ то, что сообщаетъ о Кіевѣ Константинъ Багрянородный. Въ продолженіе зимы Руссы сплавляютъ сюда всякаго рода товары изъ разныхъ городовъ, а весной приходятъ сюда лодки сверху по Днѣпру. Руссы отдѣлываютъ ихъ, оснащаютъ, нагружаютъ и въ іюні мѣсяцѣ пускаются въ дорогу. Именно даже въ X вѣкѣ Кіевъ былъ какимъ-то сборнымъ пунктомъ для отправленія купцовъ въ путь; это — городъ сборный, путевой, дорожный, *Ki-ев*.

Говоря, что подъ Курбаей-Кутабой и пр. можно разумѣть Муромъ, я весьма далекъ отъ того, чтобы утверждать положительно, что ближайшимъ къ Булгару русскимъ городомъ былъ именно Муромъ. Это положеніе мнѣ кажется только наиболѣе вѣроятнымъ, особенно въ виду того, что изъ нашихъ собственныхъ источниковъ мы знаемъ, что въ Муромѣ пріѣзжали для торговли болгарскіе купцы.

¹⁾ Въ дѣйствительности арабская буква *k* очень походитъ на *m*.

²⁾ См. Списки населенныхъ мѣстъ Ярославской губерніи.

³⁾ *Wiedeman*, *Grammat. der. ertsa-mordl. Sprache* (въ словарѣ), *Mém. de l. A. de Sciences*, т. IX, 1866 г.

Но кромѣ Мурома, мы найдемъ на нижней Огѣ или средней Волгѣ много другихъ мѣстъ, къ которымъ можно отнести то, что арабскіе писатели говорили касательно Курбаи-Кутабы и т. д. Это именно тѣ многочисленныя городища, которыя уцѣлѣли или въ развалинахъ, или только въ именахъ, въ губерніяхъ Владимірской, Нижегородской и другихъ, о которыхъ мы говорили выше. Такъ, быть можетъ Курбаю-Кутабою и т. д. назывался городъ на Волгѣ, извѣстный съ XIII вѣка подъ именемъ Городца. Самое имя этого Городца показываетъ, что онъ построенъ на мѣстѣ другаго болѣе древняго города, потерявшаго свое имя. Онъ отстоитъ отъ Булгара приблизительно на 550 верстѣ. Вотъ, быть можетъ, сюда-то и ѣздили восточные купцы торговать съ русскими. Или наконецъ, если мы захотимъ искать ближайшаго къ Булгару русскаго города на точно опредѣленномъ разстояніи, 20 дней пути, или 500 верстѣ отъ Булгара, то ничто не помѣшаетъ намъ предположить, что именно на этомъ разстояніи, гдѣ-нибудь близъ устья Оки, былъ городъ, называвшійся Курбаи, Кутаба, Кератія, Каралартія, который въ настоящее время не существуетъ. такъ какъ намъ положительно извѣстно, что многіе изъ городовъ, существовавшихъ въ этой странѣ до начала Русско-Славянскаго государства, исчезли съ лица земли, такъ что теперь и мѣста ихъ нельзя найти. Быть можетъ, и Нижній-Новгородъ построенъ на мѣстѣ одного изъ такихъ городовъ.

Нѣкоторые изъ вариантовъ имени этого, съ такимъ трудомъ находимаго города указываютъ другой путь къ отысканію его. По Ибнъ-Варди, онъ назывался Керкіанъ, Каркаянъ, Керакертія, по Эдриси — Акертія, Кератія ¹⁾. Имя Кератія весьма напоминаетъ одно изъ трехъ мордовскихъ племенъ — Каратаи. Самъ Фрэнъ сдѣлалъ это сближеніе, но все-таки предпочитаетъ ему сдѣланное имъ же самымъ превращеніе Керкіяны, Керакертія, Акертія, Кератія въ Кіаивъ, превращеніе, которое могло быть сдѣлано хотя съ трудомъ, но не съ большимъ (*ohne viele Mühe*) ²⁾; а въ существованіи Каратаевъ Фрэнъ сомнѣвается, такъ какъ извѣстіе, сообщенное о нихъ Лепехиннымъ, не подтверждается другими путешественниками. Но кажется, что существованіе Каратаевъ въ прежнія времена не подлежитъ сомнѣнію. Они исчезли уже въ наши дни, что объясняется

¹⁾ *Frähn*, Jbn-Fozl, 160.

²⁾ Впрочемъ, г. Гаргани читаетъ здѣсь Каркаянъ и Каркаянія.

³⁾ *Ibn. Fodl.* стр. 160.

важною способностью мордовской народности ассимилироваться другимъ сосѣднимъ народностямъ ¹⁾; есть Мордва и обрусѣлая, и отатаренная; многіе Мордвини говорятъ на четырехъ языкахъ (своемъ, русскомъ, татарскомъ и чувашскомъ). Такимъ образомъ и произошло исчезновеніе Каратаевъ; они обратились то въ Татаръ, то въ Русскихъ, то въ Мордву—Эрзу или Мокшу. Такимъ образомъ и объясняется то, что тамъ, гдѣ Лепехинъ видѣлъ Мордву, Азъкивъ черезъ 100 лѣтъ видѣлъ уже крещенныхъ Татаръ ²⁾. Между тѣмъ еще въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія Мордва-Каратаи жили въ Сенгилейскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи ³⁾; и потому Кеппенъ, большой авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, еще въ пятидесятыхъ годахъ вслѣдъ за Лепехинымъ и Аделунгомъ принималъ три мордовскія племени—Эрзу, Мокшу и Каратаевъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ очень вѣроятно, что третье Русское племя называлось Каратаи или какимъ-нибудь похожимъ именемъ: Керкіанъ, Каркаянъ и т. п., а городъ его, этотъ предполагаемый и „безъ большаго труда“ превращаемый изъ Керкіана или Керкіани въ Кіевъ, есть ничто иное, какъ дѣйствительно Керкіанъ, Каркаянъ, Кератій, Каратай, то-есть, городъ Каратаевъ. У двухъ другихъ Русскихъ племенъ имена племенъ сходны съ именами городовъ—(Атлавіи и Тлава, Арзанія и Арза); то же правило, можетъ быть, было соблюдено и относительно третьяго племени. Городъ его—Керкіани, само племя—Керкіанъ, или городъ Каратай, и племя Каратаи. Въ восточной Европѣ въ IX и X вѣкахъ, какъ видно, эти соотвѣтствующія названія городовъ и племенъ были въ большомъ употребленіи. Такимъ образомъ и Руссы имѣли при Азовскомъ морѣ свой городъ, который Арабы называютъ Руссія, Булгары имѣли городъ Булгарь, Муромы—Муромъ.

Итакъ, всѣ три Русскія племени, называемыя арабскими писателями, составили ничто иное, какъ три племени волжскихъ Финновъ. Ихъ-то арабскіе писатели называли Русскими, ихъ знали подъ этимъ именемъ. Такой результатъ получается изъ извѣстій арабскихъ писателей, если ихъ читать безъ задней мысли, если у нихъ видѣть

¹⁾ См. *Ритшица* Матеріалы для статист. Каз. губ., стр. 217 и слѣд.

²⁾ См. предисловіе къ его *Vors. einer Grammatik der Mokscha-Mord. Sprache*, стр. VII; Азъкивъ былъ тамъ въ 1857 или 1856 г.

³⁾ См. *Спб. Вѣдом.* 1845 г., № 268.

⁴⁾ См. Этногр. карту Россіи и при ней статистич. таблицы иородческаго населенія Россіи.

только то, что у нихъ есть, не прибавляя къ нимъ своихъ составленныхъ заранее мнѣній, и если у нихъ брать то, что отличается у нихъ достовѣрностью, именно ихъ извѣстія о положеніи странъ, ихъ пространствѣ и разстояніяхъ, а не ограничиваться фантазированіемъ по поводу искаженныхъ „на тысячу ладовъ“ собственныхъ именъ, содержащихся въ арабскихъ рукописяхъ.

ХІІІ.

Есть еще у арабскихъ писателей одинъ разрядъ извѣстій о Руссахъ, которыя поражаютъ своею точностью и обстоятельностью; это извѣстія, касательно быта Руссовъ, идущія отъ очевидцевъ, изъ которыхъ одинъ (Ибнъ-Фодланъ) оставилъ въ особенноти драгоценный очеркъ быта Руссовъ, видѣнныхъ имъ въ Булгарѣ. О достоинствѣ извѣстій Ибнъ-Фодлана распространяться не нужно. Открытіе ихъ составило эпоху въ исторіи изученія востока и начальной исторіи Россіи. Свидѣтельства его такъ важны ¹⁾, что никакая система, стремящаяся объяснить темное начало Русскаго государства, не можетъ обойтись безъ нихъ. Изъ норманистовъ уже самъ Френъ старался согласить ихъ съ другими извѣстіями, касательно начала Россіи. Спеціально занялся этою задачею Кругъ, который старался доказать, что замѣчательнѣйшія черты быта Руссовъ, описанныя Ибнъ-Фодланомъ, составляютъ принадлежность быта Скандинавовъ, и что, стало быть, ихъ Ибнъ-Фодланъ видѣлъ въ Булгарѣ и назвалъ Руссами. Другіе ученые, даже принимая норманскую теорію, видѣли въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана Славянъ. Тѣмъ болѣе охотно видятъ въ нихъ Славянъ ученые, доказывающіе, что имя Русь издавна принадлежало дѣлпровскимъ Славянамъ, или только наклонные къ этой мысли. Потому черты, приписанныя Ибнъ-Фодланомъ Руссамъ, многими уже введены въ характеристику Славянъ относительно религіи, нравовъ, обычаевъ, домашняго быта и т. п. Такимъ образомъ Славянамъ приписаны этнографическія особенности, составляющія принадлежность волжскихъ Финновъ, которыхъ въ дѣйствительности описывалъ Ибнъ-Фодланъ. Тутъ предстоитъ не малая работа будущимъ критикамъ, имѣющимъ отдѣлить дѣйствительно славянское отъ не славянскаго. Г. Котляревскій, между прочимъ, въ свои изслѣдованія о по-

¹⁾ Як. Гриммъ находитъ, что извѣстія Ибнъ-Фодлана составляютъ одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ источниковъ для изученія быта Руссовъ, и что для изученія быта Германцевъ нѣтъ источника, который равнялся бы съ извѣстіями Ибнъ-Фодлана.

гребальныхъ обычаяхъ Славянъ внесъ много чертъ, принадлежавшихъ Руссамъ Ибнъ-Фодлана и другихъ арабскихъ писателей. Но, очевидно, въ его совѣстливую мысль закралось сомнѣніе: дѣйствительно ли эти Руссы-Славяне? И для успокоенія себя, для обезпеченія результатовъ своихъ изслѣдованій прочнаго положенія въ области науки, онъ присоединилъ къ нимъ еще особое изслѣдованіе, имѣющее въ виду доказать, что Руссы арабскихъ писателей дѣйствительно ничто иное, какъ Славяне, и именно приднѣпровскіе, и въ то же время, опровергнувъ доказательства Круга, что Ибнъ-Фодланъ описывалъ видѣнныхъ имъ въ Булгарѣ Скадиनावовъ, и что бытовые черты, приписанныя имъ Руссамъ, составляли принадлежность быта этого народа. Эта послѣдняя задача достигнута г. Котляревскимъ вполне; онъ достаточно доказалъ, что тамъ, гдѣ Кругъ нашелъ сходство между бытомъ Руссовъ и Скадиनावовъ, сходство это относится къ такимъ подробностямъ, которыя не составляютъ характеристики Скадиनावовъ, а составляютъ общую принадлежность быта народовъ первобытныхъ, мысль, которую высказалъ и Гриммъ, также занимавшійся объясненіемъ Ибнъ-Фодлана.

Собственною мыслью о томъ, что Руссы арабскихъ писателей суть днѣпровскіе Славяне, и что черты ихъ быта, описанныя Ибнъ-Фодланомъ, относятся къ быту Славянъ, какъ мысль, построенную на живыхъ основаніяхъ г. Котляревскій, разумѣется, не успѣлъ подкрѣпить никакими прочными доказательствами. Исходный пунктъ его — мнѣніе Фрепа, что Гуаба, Кутаба есть Кіевъ, и мнѣніе Савельева, что болгарскіе купцы изъ Булгара ходили въ Кіевъ черезъ Мордовскую землю. Я не стану еще разъ возвращаться къ тому, что мнѣніе Фрепа есть ошибка, а мнѣніе Савельева есть искаженіе источниковъ ¹⁾. Г. Котляревскій, между прочимъ, думаетъ опереться на мнѣніе Ибнъ-Хордадбега, что Руссы принадлежатъ Славяноскому племени. Это мнѣніе дѣйствительно имѣло бы вѣсъ, еслибы оно было вы-

¹⁾ Не сомнѣваясь въ истинности положеній Фрепа и Савельева о торговлѣ волжскихъ Булгаръ съ Кіевомъ, г. Котляревскій говоритъ: «съ одной стороны мы видимъ несомнѣнные факты торговыхъ сношеній русскихъ Славянъ съ Булгарами, съ другой — предположенія о торговлѣ Норманновъ съ тѣмъ же народомъ». Въ томъ-то и дѣло, что несомнѣнныхъ фактовъ-то нѣтъ, а есть передѣлка Гушпы — Кутабы въ Кіевъ, и сокращеніе разстоянія Кіева отъ Булгара изъ 3000 верстъ въ 500 верстъ, и превращеніе дѣйствительнаго извѣстія арабскихъ писателей, что изъ Арзаніи ѣздятъ въ Булгаръ черезъ Гушабу — Курбоку въ прогнивоположенное, что жители Гушабы — Курбоку ѣздятъ въ Булгаръ черезъ Арзанію.

сказано извѣстнымъ ученымъ этнографомъ, высказано послѣ тщательнаго изслѣдованія. Но свѣдѣнія Ибнъ-Хордадбега о Руссахъ вообще очень ограничены, и этнографомъ онъ, какъ и другіе арабскіе писатели, не былъ. „Этнографія вообще была слабою стороною арабскихъ писателей“; такъ говоритъ ориенталистъ г. Гаркави. И намъ извѣстны факты, весьма убѣдительнымъ образомъ подтверждающіе это мнѣніе. Такъ Ибнъ-Фодланъ, самъ лично бывши въ Булгаріи, повторяетъ нѣсколько разъ, что Волжскіе Булгары были Славяне. Мы знаемъ, что это невѣрно. Абульфеда утверждаетъ, что Руссы были турецагого происхожденія ¹⁾. Ахметъ Эль-Котибъ отождествлялъ ихъ съ Норманнами. Ни одно изъ этихъ мнѣній не имѣетъ никакой цѣны, отчасти, благодаря тому, что они своимъ противорѣчіемъ исключаютъ одно другое, а отчасти благодаря тому, что всѣ арабскіе писатели были худыми этнографами. Мнѣніе Ибнъ-Хордадбега въ особенности не можетъ имѣть никакой цѣны еще и потому, что сочиненіе его дошло до насъ, какъ мы уже видѣли „въ безалаберной передѣлкѣ“, а не въ подлинникѣ. Относительно того, что Ибнъ-Хордадбегъ будто бы называетъ Волгу Славянскою рѣкою, въ чемъ г. Котляревскій видитъ также доказательство того, что Руссы арабскихъ географовъ были Славяне, я уже высказался выше, гдѣ и привелъ доказательства, что Ибнъ-Хордадбегъ совсѣмъ не называетъ Волгу этимъ именемъ; это только такъ показалось нѣкоторымъ изслѣдователямъ, именно, благодаря, отчасти „безалаберной передѣлкѣ“, отчасти предвзятой мысли.

Другое доказательство своей мысли г. Котляревскій находитъ у Масуди. По словамъ его, Масуди перечисляетъ славянскія „племена западныя и южныя, восточныя же собираетъ въ одно общее коллективное имя Руси“. Думаетъ такъ г. Котляревскій на основаніи того, что по словамъ Масуди Руссы состоятъ изъ многихъ племенъ, въ числѣ которыхъ есть одно называемое Лудана, которое есть самое многочисленное. Въ Луданѣ онъ видитъ Ладожанъ; потому что Френъ эту Лудану передѣлалъ въ Лудачію, или Лучанъ, жителей Луцка, слѣдуя Лелевелю. Но не говоря ужъ о томъ, что въ дѣйствительности между восточно-славянскими племенами не было ни Ладожанъ, ни Лучанъ, г. Котляревскій не обратилъ вниманія на то, что Масуди, говорящій много и о Славянахъ, и о Руссахъ, нигдѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не указываетъ на племенное родство

¹⁾ *Rienand*, т. II, стр. 296.

ихъ. Еслибъ онъ считалъ Руссовъ восточными Славянами, то отчего-жь онъ не помѣстилъ ихъ при перечисленіи Славянскихъ племенъ. Отчего существенное, извѣстное ему русское племя Лудану онъ не помѣстилъ между славянскими племенами? Такъ слѣдовало бы по законамъ логики. Если онъ считаетъ Руссовъ частью Славянъ, то зачѣмъ вездѣ ставить ихъ рядомъ, зачѣмъ онъ не удовольствовался тѣмъ, чтобы сказать, что на службѣ Хазарскаго царя находятся Славяне, а прибавилъ сюда еще Руссовъ? Если бы Руссы были однимъ изъ Славянскихъ племенъ, если они составляли какую-нибудь часть всего Славянскаго племени болѣе или менѣе значительную, то подъ именемъ Славянъ слѣдовало бы разумѣть и ихъ; а между тѣмъ Масуди не сдѣлалъ этого, не разумѣвъ Руссовъ подъ общимъ именемъ Славянъ, а поставилъ ихъ рядомъ, какъ два равностепенные предмета; но вѣдь часть рядомъ съ цѣлымъ не ставится.

Г. Котляревскій доказываетъ племенное родство Славянъ и Руссовъ тѣмъ, что Масуди „будто бы всегда ставитъ ихъ (Руссовъ) въ ближайшую связь съ Славянами“.

Руссы и Славяне, говоритъ г. Котляревскій, это его обыкновенное выраженіе; они вмѣстѣ обитаютъ въ одномъ концѣ Итіля, имѣютъ одинаковую религію и обычаи и управляются однимъ судьей (не управляются, а судятся), находятся вмѣстѣ на службѣ у Хазарскаго царя.

Но авторъ упустилъ изъ вниманія, что эта *ближайшая* связь ограничивается именно только жизнью Руссовъ и Славянъ въ Итілѣ на службѣ у Хазарскаго царя. А тамъ, гдѣ дѣло дойдетъ до этнографическаго описанія того и другаго народа, связь эта совсѣмъ исчезаетъ; тамъ Масуди о Руссахъ говоритъ отдѣльно и о Славянахъ отдѣльно, о Руссахъ говоритъ одно, о Славянахъ—другое. Что касается до того, что Руссы и Славяне имѣютъ одну религію и обычаи, этого Масуди совсѣмъ не говоритъ. Что, по словамъ Масуди, и Руссы, и Славяне сжигали умершихъ, отсюда еще далеко до единства религіи и обычаевъ. Всѣ почти языческіе народы сжигали умершихъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы всѣ языческія религіи и обычаи всѣхъ языческихъ народовъ были одинаковы. Напротивъ того, касательно нравственной и политической стороны жизни Руссовъ и Славянъ Масуди приводитъ черты существенной разницы. Руссы суть „великій народъ, не покоряющійся ни царю, ни закону, отличающійся крѣпкою суровостью нравовъ, жестокостью, а Славяне живутъ подъ властью“ царей; Масуди нигдѣ не говоритъ о суровости ихъ нравовъ, и мы знаемъ, что приписать имъ эту черту нельзя. Далѣе Руссы

и Славяне точно судятся у одного и того же судьи въ Итилѣ; но безъ сомнѣнія, отсюда еще далеко до племеннаго родства ихъ. Судъ въ Итилѣ устроенъ былъ такимъ образомъ, что есть два судьи для христіанъ, два для магометанъ, два для Евреевъ. Всѣ эти судьи судятъ на основаніи своихъ религіозныхъ законовъ; магометанскій—на основаніи Корана, еврейскій—на основаніи Пятикнижія, христіанскій—на основаніи Евангелія. Но язычники не имѣютъ подобныхъ законовъ; они не признаютъ ни Евангелія, ни Пятикнижія, ни Корана, и вотъ для нихъ назначенъ отдѣльный судья, который судитъ ихъ „по закону разума“. Но ему подчинены не одни только Руссы и Славяне, но и „другіе язычники“. Есть ли здѣсь въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь указаніе на племенное родство Руссовъ и Славянъ? Въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, слѣдовало бы признать, что племенное родство существовало между всѣми вообще язычниками, жившими въ Итилѣ.

Вообще у Масуди нѣтъ ни одной черты, которая указывала бы на племенное родство и даже на какую-нибудь связь между Руссами и Славянами внѣ Итила. По законамъ логики и исторической критики, съ полною несомнѣнностью изъ Масуди можно извлечь только то, что онъ различаетъ Руссовъ и Славянъ. Онъ видѣлъ въ нихъ двѣ раздѣльныя народности и нигдѣ ни одною чертою не указалъ на этнографическое единство ихъ, хотя имѣлъ къ тому много поводовъ и случаевъ.

Другія доказательства, на основаніи которыхъ г. Котляревскій въ Руссахъ восточныхъ географовъ видитъ нашихъ Русскихъ Славянъ, относятся къ тѣмъ признакамъ физическимъ или бытовымъ, подъ которыми Руссы представляются въ ихъ сочиненіяхъ.

Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что Руссы отличаются румянымъ цвѣтомъ лица и русыми волосами. Г. Котляревскій ссылается на Прокопія, который говоритъ, что Славяне имѣли цвѣтъ лица не совсѣмъ бѣлый и волосы рыжеватые, и на нашу народную поэзію, въ которой руссы вудри представляются идеаломъ красоты. Но такъ смотреть на красоту только великорусская поэзія и смотреть сообразно съдѣйствительнымъ положеніемъ дѣла: изъ десяти Великороссовъ навѣрно семь человѣкъ имѣютъ русые волосы. Въ Малороссіи же изъ десяти человѣкъ по крайней мѣрѣ семь человѣкъ имѣютъ темные волосы, и идеаломъ красоты тамъ считаются „черны бровы“, черный усь; дивчина въ народной малорусской пѣснѣ всегда „черноброва“, и „милий чернобровый“. А г. Котляревскій въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана видитъ именно Южно-Руссовъ. Стало быть, къ нимъ этотъ признакъ не идетъ. Что

касается до Прокопія, то и онъ не говоритъ, чтобы волосы Славянъ отличались русымъ цвѣтомъ,—они только имѣютъ рыжеватый оттѣнокъ, то-есть, они не такъ черны, какъ волосы Грековъ, что конечно справедливо, а цвѣтъ лица ихъ онъ называетъ очевидно не румянымъ, а смуглымъ, что также справедливо, по крайней мѣрѣ относительно южныхъ Славянъ, которыхъ зналъ Прокопій. Далѣе слѣдуютъ у г. Котляревскаго доказательства, основанныя на бытовыхъ особенностяхъ, гдѣ онъ старается приурочить извѣстія Ибнъ-Фодлана къ днѣпровскимъ Славянамъ. Этихъ доказательствъ я коснусь только мимоходомъ, такъ какъ они въ значительной степени потеряли свой вѣсъ, благодаря нѣкоторымъ позднѣйшимъ открытіямъ и изслѣдованіямъ. Дѣло въ томъ, что исторической критикѣ въ послѣднее время принесла большую помощь археологія. Археологическія изысканія, имѣющія отношеніе къ вопросу о началѣ Руси, начались уже давно. На нихъ главнымъ образомъ основано сочиненіе Савельева: „Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи“, изданное еще въ 1846 г. Но къ тому времени было сдѣлано довольно собственно нумизматическихъ находокъ, а изслѣдованія бытовья были очень недостаточны, такъ что въ то время Савельевъ могъ еще утверждать, что въ сѣверно-русскихъ курганахъ не было признаковъ сожженія труповъ, и указывать на одинъ случай въ Тверской губерніи, какъ на единственный, исключительный ¹⁾.

XIV.

Впослѣдствіи археологическія изслѣдованія умножились; во Владимірской и Ярославской губерніяхъ разрыто до 10,000 кургановъ, и наконецъ набралась масса данныхъ, способныхъ пролить большой свѣтъ на вопросъ о началѣ Русскаго государства, что отчасти уже и обнаружилось. Гр. Уваровъ, неутомимый археологъ, раскопавшій тысячи кургановъ во Владимірской губерніи, пришелъ къ тому убѣжденію, что, во первыхъ, курганы эти принадлежали Мерѣ, обитавшей на средней Волгѣ въ VII, VIII, IX и X столѣтіяхъ, во вторыхъ, что эту Мерю видѣли и знали арабскіе путешественники и географы и называли ее Руссами, такъ что гр. Уваровъ находитъ въ мерскихъ курганахъ подтвержденіе словъ Ибнъ-Фодлана и отчасти Ибнъ-Дасты, сказанныхъ имъ о Руссахъ.

¹⁾ Мух. Нум., стр. 116. Впослѣдствіи, впрочемъ, самъ Савельевъ занимался раскопкою кургановъ во Владимірской губерніи и убѣдился въ противномъ томъ, что утверждали прежде.

Гр. Уваровъ думаетъ, впрочемъ, что Меря называется у арабскихъ писателей Русью не потому, чтобъ ей имя это принадлежало, какъ родовое, а потому, что она находилась подъ властью Руси, составляла въ то время часть Русскаго государства. Въ этомъ случаѣ гр. Уваровъ слѣдуетъ Френу и Савельеву, которые первые высказали это мнѣніе. Справедливо оно или нѣтъ, — къ этому вопросу мы возвратимся. Теперь же обратимъ вниманіе только на результаты археологическихъ изслѣдованій. Самый важный изъ нихъ тотъ, что бытъ обитателей береговъ Волги, восстанавливаемый гр. Уваровымъ по археологическимъ находкамъ, оказывается вполне согласнымъ съ бытомъ Руссовъ, описываемымъ у Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты. Трудолюбивый изслѣдователь сумѣлъ отнестись къ своей задачѣ вполне объективно. Никакой предвзятой мысли онъ не предпослалъ своимъ изслѣдованіямъ. А теорія начала русскаго государства, которой онъ слѣдуетъ, скорѣе не благопріятствовала чѣмъ благопріятствовала тому, чтобы въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты узнать Мерю. И не смотря на то, результатъ оказался столь поразительный, что послѣ изслѣдованій гр. Уварова вопросъ о томъ, кого видѣлъ Ибнъ-Фодланъ въ Булгарѣ становится вполне рѣшеннымъ. Труды другихъ изслѣдователей-норманистовъ, какъ Крузе, и противниковъ ихъ, какъ г. Котляревскій, оказываются потерявшими почти всякое значеніе. Если у Нормановъ или у Славянъ оказывается что-нибудь напоминающее извѣстія Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты, то съ этихъ поръ все это должно быть считаемо не этнографическимъ признакомъ, а или случайнымъ сходствомъ, или такою чертою, которая была общею для многихъ разноплеменныхъ народовъ на извѣстной ступени развитія. Трудъ гр. Уварова есть большой, основанный на археологическихъ данныхъ комментарий къ извѣстіямъ Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты, преимущественно же Ибнъ-Фодлана.

Всѣ извѣстія Ибнъ-Фодлана, которыя по сущности своей могли имѣть подтвержденіе въ археологическихъ данныхъ, дѣйствительно подтверждены ими.

Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что Руссы имѣли русые волосы. Этотъ же признакъ поразилъ многихъ другихъ восточныхъ географовъ и путешественниковъ. И курганы сохранили намъ остатки волосъ, которые, пролежавъ 1000 лѣтъ въ землѣ, еще сохраняютъ свой первобытный русый цвѣтъ; другаго цвѣта, не русыхъ волосъ совсѣмъ не найдено. Замѣтимъ, впрочемъ, что это свидѣтельство кургановъ не особенно важно, такъ какъ и по нынѣшнимъ обитателямъ Ярославской

и Владимірской губерній, потомкамъ, хотя, безъ сомнѣнія, не чистымъ древней Мери и Муромы, мы также можемъ судить, что предки ихъ не были черноволосыми.

Дагѣ Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что каждый изъ Руссовъ имѣеть при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и топоръ. Въ волжскихъ курганахъ найдены мечи, ножи и топоры. Правда, не во всѣхъ курганахъ найдены всѣ эти три вида оружія. Мечей найдено очень мало; но это весьма удовлетворительно объяснено гр. Уваровымъ тѣмъ, что мечи—оружіе дорогое, привозное (по словамъ Ибнъ-Фодлана, они были франкской, то-есть, западно-европейской работы), часто не влялось въ могилу; приобрѣтеніе мечей было дорого и трудно, и потому они переходили отъ отца къ сыну, что было во всеобщемъ обычаѣ и на западѣ Европы, и на сѣверѣ (мечъ Тирвингъ въ сагѣ Гервары; мѣсто дѣйствія этой саги находится отчасти въ нынѣшней Россіи). Объясненіе гр. Уварова подтверждается тѣмъ, что въ курганахъ нерѣдко попадаются однѣ рукоятки мечей, а самихъ клинковъ нѣтъ. Можетъ быть, для соблюденія погребальнаго декорума вляли съ покойникомъ на костерь однѣ ножны и рукоятку, а самый клинокъ вынимали, чтобы потомъ придѣлать къ нему новую рукоятку и ножны, что жители береговъ Волги могли сдѣлать и дома; изъ курганныхъ находокъ видно, что ремесла не были имъ чужды. Въ курганахъ найдены клещи, провертки, долота, молотки. Съ другой стороны, и слова Ибнъ-Фодлана, что каждый изъ Руссовъ имѣеть при себѣ мечъ, ножъ и топоръ, по всей вѣроятности, содержатъ въ себѣ очень естественное, но не вѣрное обобщеніе. Ибнъ-Фодланъ видѣлъ нѣсколько богатыхъ Руссовъ въ Булгарѣ. Можетъ быть, у всѣхъ ихъ онъ дѣйствительно видѣлъ и мечи, и ножи, и топоры, но отсюда далеко до заключенія, чтобы весь народъ былъ вооруженъ также. Невозможно предположить, чтобы весь народъ былъ вооруженъ дорогимъ иностраннымъ оружіемъ, мечами. Что касается до ножей и топоровъ, то по всей вѣроятности, они производились дома, и всякій могъ имѣть это оружіе.

Ножи носимы были, по словамъ Ибнъ-Фодлана, даже женщинами, и курганы вполне подтверждаютъ это, такъ какъ ножи обыкновенно находятся въ нихъ не только при мужскихъ, но и при женскихъ скелетахъ.

Ибнъ-Фодланъ и Эль-Вальхи говорятъ, что Руссы носили короткую куртку. Какого покроя одежда была у древнихъ обитателей Волги, этого курганы не могли разъяснить, такъ какъ одежда покойниковъ

отчасти сгорѣла, отчасти истлѣла. Но въ одномъ изъ кургановъ найденъ глиняный идолъ, и гр. Уваровъ справедливо замѣчаетъ, что одежда, въ которой изображенъ идолъ, не могла быть никакою другою, какъ народною одеждою. И дѣйствительно, идолъ изображенъ въ такой одеждѣ, какую приписываютъ Руссамъ Эль-Бальхи, Ибнъ-Фодланъ и др.; на немъ „надѣта короткая куртка, спускающаяся не много ниже пояса“.

Далѣе Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что передъ сожженіемъ на покойника надѣвали кафтанъ изъ русскаго джабджа, то-есть, изъ парчи. Въ мерскихъ курганахъ найдены многочисленныя остатки парчи очень дорогой; золотыя узоры, очень ясно сохранившіеся, были вытканы по шелковой основѣ, что служитъ доказательствомъ, съ одной стороны, того, что обитатели береговъ Волги были дѣйствительно богатымъ народомъ, съ другой—того, что именно ихъ видѣлъ Ибнъ-Фодланъ и называлъ ихъ Руссами.

Ибнъ-Фодланъ прибавляетъ, что покойнику передъ сожженіемъ надѣвали шапку. Курганы сохраняютъ многочисленныя свидѣтельства того, что на средней Волгѣ хоронили покойниковъ въ шапкахъ.

По словамъ Ибнъ-Фодлана, умершаго при немъ покойника хоронили въ суднѣ, на которомъ онъ пріѣхалъ изъ своей страны. Это едва ли можетъ быть принимаемо какъ всеобщій обычай Руссовъ. Вѣроятно, богатаго купца, пріѣхавшаго въ Булгаръ, сжигали съ судномъ, потому что судно ему принадлежало и притомъ какъ торговцу. Судно въ этомъ случаѣ имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякія другія вещи, съ которыми сжигались покойники, и которыя обозначали ихъ званіе и занятія. Гораздо важнѣе свидѣтельство Ибнъ-Фодлана, что покойника не просто положили въ судно, а посадили его на скамейкѣ, поставленной въ суднѣ, и подперли его подушками. Замѣчательно, что въ могилахъ найдены остатки такихъ скамеекъ: внизу подъ обгорѣвшими костями находится помость длиною въ 2 аршина, шириною въ 1¹/₂. Гр. Уваровъ высказываетъ мнѣніе, что это остатки гроба. Но длина 2 аршина слишкомъ мала для гроба, а ширина 1¹/₂ аршина слишкомъ велика. Между тѣмъ для скамейки, о которой говоритъ Ибнъ-Фодланъ, эти размѣры оказываются вполне подходящими. Впрочемъ, еслибы на скамейку просто клали покойника, то длина ея была бы мала, а ширина велика. Но покойника не клали на скамью, а сажали на нее, и притомъ, чтобъ онъ не упалъ, его подпирали подушками. Для этой цѣли, кажется, нельзя даже придумать размѣровъ болѣе удобныхъ, какъ 2 аршина длины и 1¹/₂ ширины.

Далѣе, по словамъ Ибнъ-Фодлана, съ покойникомъ сжигали на одномъ кострѣ домашнихъ животныхъ: собаку, лошадь, быка, курицу и пѣтуха. Мерскіе курганы сохранили многочисленныя остатки костей животныхъ и птицъ, сожженныхъ вмѣстѣ съ покойниками.

Ибнъ-Фодланъ представляетъ Руссовъ, прежде всего, купцами. Они пріѣхали и ежегодно пріѣзжали въ Вулгарь съ торговыми цѣлями. Курганы свидѣтельствуютъ, что обитатели нынѣшней Владимірской и Ярославской губерній были торговцы. Въ курганахъ найдены вѣсы и гири, — принадлежность людей торговыхъ. Иначе, впрочемъ, и нельзя представлять себѣ древнюю Мерю. Безъ торговли откуда взялись бы у нихъ парчи, франкскіе мечи и разнообразныя металлическія украшенія восточнаго происхожденія ¹⁾, откуда взялись бы у нихъ восточныя и западныя монеты? Присутствіе въ курганахъ вѣсовъ и гирь доказываетъ однако, что Меря вела торговлю не пассивную, а активную, что вполне согласно съ словами Ибнъ-Фодлана.

Ибнъ-Дагста говоритъ, что у Руссовъ мужчины носятъ браслеты. Въ курганахъ найдено много браслетовъ бронзовыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ при мужскихъ скелетахъ ²⁾. Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что русскія женщины носятъ на шеѣ ожерелья и бусы разныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ самыми дорогими считаются зеленныя. Въ курганахъ найдено множество шейныхъ гривень, ожерельевъ и бусъ всякихъ цвѣтовъ, между прочимъ и зеленого. Объ ожерельяхъ гр. Уваровъ говоритъ, что „они въ точности соотвѣтствуютъ описанію Ибнъ-Фодлана“.

XV.

Вообще археологическія изслѣдованія представили неопровержимыя доказательства того, что Руссы Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дагсты были ничѣмъ другимъ, какъ обитателями нынѣшней Ярославской и Владимірской губерній. Ихъ бытъ, объясненный раскопками, вполне соотвѣтствуетъ быту Руссовъ, описанному этими писателями. Послѣ изслѣдованій гр. Уварова невозможно болѣе сомнѣніе касательно того, къ кому относится извѣстіе Ибнъ-Фодлана. Что оно не относится къ южнымъ Кіевскимъ Славянамъ, это становится аксіомою, приобретенною для нашей исторіи. Нѣкоторыя общія всѣмъ первобытнымъ

¹⁾ Что они были не туземной работы, а привезены съ востока, объ этомъ свидѣтельствуютъ арабскія надписи, сохранившіяся на нихъ. См. *Труды 1-го арх. съезда*, стр. 660 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 788.

народамъ черты, приписываемыя Ибнъ-Фодланомъ Руссамъ и существовавшія также у днѣпровскихъ Славянъ, не имѣютъ здѣсь никакого значенія; Радимичи, Вятичи, Сѣверяне, Кривичи, по словамъ Нестора, сжигали своихъ покойниковъ. Сожженіе покойниковъ существовало въ свое время почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ; но какъ производилось сожженіе? Русскіе Славяне, обитатели Днѣпровскаго бассейна, сжегши покойника, собирали его пепель, влагали его въ „судину малу“—въ сосудъ, въ горшокъ, и ставили его при дорогѣ на столбѣ. Походитъ ли это хоть сколько-нибудь на то, что описано Ибнъ-Фодланомъ, который говоритъ, что на мѣстѣ сожженія Руссы насыпали круглый холмъ, курганъ. Этоть-то обычай Руссовъ насыпать курганы и былъ причиною того, что только въ пяти уѣздахъ Владимирской и Ярославской губерній (Переславскомъ, Суздальскомъ, Юрьевскомъ, Владимирскомъ и Ростовскомъ) можно было раскопать до 10.000 кургановъ. А гдѣ курганы въ бассейнѣ Днѣпра? Не многіе, одиночные или расположенные небольшими группами курганы, безъ сомнѣнія принадлежать отдѣльнымъ личностямъ ¹⁾ и доказываютъ только то, что обычай насыпать курганы не существовалъ среди народа, какъ говоритъ и Несторъ. Такимъ образомъ ужь одинъ обычай погребенія покойниковъ у южныхъ Славянъ не соотвѣтствуетъ тому обычаю, который существовалъ у Руссовъ, по словамъ Ибнъ-Фодлана. А нужно замѣтить еще, что Несторъ приписываетъ обычай погребенія покойниковъ только названнымъ четыремъ славянскимъ племенамъ Россіи; Полянъ же, которыхъ однихъ гг. Гедеоновъ и Иловайскій называютъ Русью въ противоположность другимъ племенамъ—Древлянамъ, Сѣверянамъ и пр., Несторъ исключаетъ изъ этого числа.

Всѣ другія существенно важныя извѣстія Ибнъ-Фодлана и другихъ арабскихъ писателей также никакимъ образомъ не идутъ ни къ Полянамъ, ни къ какому другому южно-славянскому племени. Руссы Ибнъ-Фодлана были торговцы, но гдѣ слѣды торговли южно-русскихъ славянскихъ племенъ, гдѣ извѣстія о нихъ? Несторъ представляетъ ихъ или полудикими, или вполнѣ патріархальными племенами, съ идеей которыхъ не гармонируетъ идея торговцевъ-воиновъ, ходящихъ съ своими товарами до Вагдада уже въ IX вѣкѣ. Константинъ Багрянородный говоритъ о торговлѣ Киевскихъ Руссовъ съ Византіей. Но

¹⁾ Само собою разумѣется, что здѣсь и рѣчи не можетъ быть о курганахъ южной Россіи, принадлежащихъномадамъ, переходившимъ по ней, или временно обитавшимъ въ ней.

Константинь Вагрянородный совершенно ясно говоритъ, что Руссы и придѣпровскіе Славяне были два разные народа, говорившіе двумя различными языками. Безъ сомнѣнія, такое значеніе имѣютъ приведенныя имъ двойныя названія пороговъ по русски и по славянски. Эти „по русски и по славянски“, *ρωσσοῖσι* и *σκλαβινικοῖσι*, показываютъ ясно, что въ Россіи X вѣка было два языка русскій и славянскій, стало быть—были двѣ отдѣльныя народности русская и славянская. И торговлю вели съ Византіей не Славяне, а Руссы ¹⁾.

¹⁾ Гг. Гедеоновъ и Иловайскій, какъ и слѣдовало, обратили должное вниманіе на Константиновы *ρωσσοῖσι* и *σκλαβινικοῖσι*, и на два различные ряда именъ пороговъ, русскія и славянскія. Это извѣстіе Константина въ корнѣхъ подсказываетъ ихъ теорію, и нельзя сказать, чтобы они объясняли его сколько-нибудь правдоподобно. Г. Гедеоновъ находитъ, что Мервизусъ неправильно перевелъ *ρωσσοῖσι* и *σκλαβινικοῖσι*—*Russarum lingua* и *Slavorum lingua*. Но еслибы онъ перевелъ *ρωσσοῖσι* и *σκλαβινικοῖσι* смыслъ былъ тотъ же самый; *ρωσσοῖσι* по русски, *σκλαβινικοῖσι* по славянски, оба эти выраженія ясно говорятъ, что рѣчь идетъ о двухъ языкахъ. «Гдѣ нѣтъ двухъ народовъ», говоритъ г. Гедеоновъ,—«нѣтъ и двухъ языковъ». Это правда. Но за то, гдѣ есть и два языка, тамъ и два народа. Г. Гедерновъ, конечно, думаетъ, что Русь и Славяне одинъ народъ. Но Константинь Вагрянородный думалъ иначе. Отъ него дошли до насъ не эти только два выраженія «по русски и по славянски»; онъ нѣсколько десятковъ разъ называетъ и саміе народы *Ῥως* и *Σκλαβοι*, и не только нигдѣ Русь не включаетъ въ число Славянскихъ племенъ—Древлянъ, Кривичей, Драговичей, не только различаетъ вездѣ Русь отъ Славянъ, но вездѣ противопоставляетъ однихъ другимъ, такъ что Руссы у него оказываются народомъ господствующимъ, а Славяне — данниками Руссовъ, *οἱ κακιστοῖται αὐτῶν*. Сопоставляя все это съ *ρωσσοῖσι* и *σκλαβινικοῖσι* тутъ можно видѣть только два народа, а не одинъ. И какое странное объясненіе придумываетъ г. Гедеоновъ для существованія двухъ рядовъ именъ для пороговъ, изъ которыхъ въ одномъ, въ русскомъ онъ согласенъ видѣть скандинавскія имена! «Вендо-русскіе князья», говоритъ онъ,—«дорожившіе сообществомъ Норманновъ въ морскомъ и ратномъ дѣлѣ, употреблявшіе, быть можетъ, и лоцмановъ изъ Норманновъ, переняли отъ нихъ и скандинавскія названія пороговъ. Это явленіе не странное и не безпристрастное именованіе употребленіе на Руси иноземныхъ названій и словъ: рейдъ, буксиръ, Нордкапъ и т. д. Новгородцы, сами отличные моряки, держались своихъ прежнихъ названій уже по одному соперничеству съ Киевомъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Гедеонова у Константина *ρωσσοῖσι* и *σκλαβινικοῖσι* значить по киевски и по новгородски. Но, во первыхъ, Константины, и Биевъ, и Новгородъ были хорошо извѣстны; онъ могъ бы, если такова была его мысль, и прямо сказать по киевски, и по новгородски. Повторяю, рейдъ, буксиръ существуютъ въ нашемъ языкѣ, потому что елотъ заводилъ у насъ Петръ I, который и столицу Русскаго государства называлъ нѣмецкимъ именемъ. Вгдетыхъ, что знаетъ г. Гедеоновъ о норманскихъ лоцманахъ на дѣпровскихъ порогахъ? Развѣ были поселенія ихъ у пороговъ? Вѣдь лоцмана бывають только изъ мѣст-

Далѣ, по извѣстіямъ всѣхъ арабскихъ писателей, главными предметами торговли Руссовъ были рабы и мѣха. Рабовъ Руссы, по словамъ Ибнъ-Дасты, доставали посредствомъ набѣговъ на Славянскія земли. Эти набѣги для приобрѣтенія рабовъ, равно какъ походы Руссовъ на востокъ, о которыхъ говоритъ Масуди, совсѣмъ не говорятъ въ пользу кротости нравовъ въ средѣ Руссовъ. А о Полянахъ мы имѣемъ прямое извѣстіе, что они отличались именно кротостью нравовъ. Мѣхами Руссы были богаты потому, что ихъ страна производила ихъ; изъ Арты, по словамъ Истахри и Ибнъ-Гаукала, вывозились соболи и черныя лисицы. И къ странѣ, орошаемой Окой и среднею Волгой, эти слова подходятъ. Она и теперь еще богата лѣсами; несомнѣнно, что тысячу лѣтъ назадъ лѣсовъ было несравненно больше. Стало быть, тамъ было гдѣ водятся пушнымъ звѣрямъ. Было тамъ гдѣ водятся и пчеламъ: и до сихъ поръ еще первобытное пчеловодство существуетъ на средней Волгѣ. А Поляне имя свое получили отъ того, что они жили въ поляхъ, въ странѣ безлѣсной. Откуда тамъ взялись бы мѣха, медъ и воскъ?

Потомъ Ибнъ-Фодланъ рисуетъ картину поразительнаго цинизма Руссовъ въ половыхъ отношеніяхъ. И ничто не даетъ повода сомнѣваться въ вѣрности ея, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ и въ духѣ. А о Полянахъ, кромѣ общаго свидѣтельства лѣтописца о кротости ихъ нравовъ, мы имѣемъ еще нѣкоторое дополненіе касательно отношеній между полами. У нихъ были брачныя обычая; они имѣли и стыдѣніе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ и т. д. Могли ли въ

нихъ жителей. Вчетвертыхъ, если князь, дорожа сообществомъ Норманновъ, перенялъ отъ нихъ имена пороговъ въ то время, какъ народъ употреблялъ другія имена, то Константину слѣдовало сказать не по русски и не по славянски, а по княжески и по народному. Вообще, куда ни кинь, все клинъ.

Г. Иловайскій дѣйствительно и принялъ подобное мнѣніе. Онъ думаетъ, что Руссы, славянское племя, господствовавшее надъ другими славянскими племенами, смотрѣли свысока на своихъ данниковъ; что это, по видимому, и было причиною того, что они употребляли свои собственныя, особенныя названія пороговъ; или, наконецъ, предполагаетъ онъ, совсѣмъ и не было двухъ рядовъ названій, а былъ только одинъ рядъ, въ которомъ названія сильно искажены; и слѣдовательно, Константинъ невѣрно представилъ это дѣло. Дѣйствительно, теорія гг. Гедеонова и Иловайскаго сильно не ладитъ съ извѣстіями Константина. Видѣть они существовать не могутъ; то или другое должно быть отвергнуто; и надобно думать, что извѣстія Константина окажутся прочнее новой теоріи. Константинъ хорошо зналъ дѣла; онъ престялъ Ольгу, видѣлъ ее свиту и угощалъ ее въ Хрисотриплинѣ.

такой средѣ происходитъ циническія сцены, описанныя Ибнъ-Фодланомъ? Между тѣмъ Финскія племена средней Волги до сихъ поръ отличаются цинизмомъ, подобнымъ тому, который описывается у Ибнъ-Фодлана. Мордвинъ гораздо охотнѣе женится на дѣвицѣ, которая ужъ имѣла дѣтей, чѣмъ на той, которая сохранила свое дѣвство, потому что имѣвшая дѣтей уже представляетъ нѣкоторую гарантію того, что она будетъ рожать дѣтей, тогда какъ сохранившая свое дѣвство этой гарантіи не даетъ; она можетъ еще оказаться бесплодною. Мордовскія „бесѣды“, „вечерницы“, собранія молодыхъ людей и дѣвицъ, обыкновенно оканчиваются сценами совершенно схожими съ тѣми, которыя описаны у Ибнъ-Фодлана, при чемъ молодыя пары нисколько не стѣсняются присутствіемъ другихъ паръ. Понятія о бракѣ у Черемисъ до сихъ поръ отличаются крайнею грубостью. Если мужъ отлучается, то жена его безъ всякаго стѣсненія входитъ въ половыя сношенія съ кѣмъ хочетъ, и это всѣми признается какъ нѣчто нормальное ¹⁾).

Ибнъ-Фодланъ сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о религіи и богослуженіи Руссовъ. Они вѣровали въ какого-то главнаго бога, котораго грубое изобрѣтеніе стояло въ Булгарѣ, на мѣстѣ, гдѣ выходили на берегъ Руссы. У главнаго бога были жены и дочери. Это были второстепенныя божества Руссовъ. Ихъ изображенія стояли вокругъ изображенія главнаго бога. Жертвы приносились и главному богу, и его женамъ и дочерямъ. Жертвы отличались грубымъ, такъ сказать, меркантильнымъ характеромъ. Руссъ купецъ, приноситъ жертву, прямо просилъ себѣ только успѣха въ торговлѣ; если торговля шла неудачно, то онъ опять приносилъ жертву и опять просилъ удачи въ торговлѣ. Если же торговля шла хорошо, то онъ опять приносилъ жертву въ благодарность за предполагаемое содѣйствіе божества.

Наши ученые, видя въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана Славянъ, не колеблясь относили къ Славянамъ и богослуженіе, и религію Руссовъ. Но спрашивается, есть ли что-нибудь общее между религіей и богослуженіемъ Руссовъ и религіей Славянъ? Гдѣ у Руссовъ Ибнъ-Фодлана Вѣлбогъ, Святовидъ, Радигость, Поревить, Чернобогъ и другіе боги, которыхъ обожали южныя и западныя Славяне? У Руссовъ Ибнъ-Фодлана ясно видна религіозная система, допускающая одно божество съ женами и съ потомствомъ—дочерьми. Обратимся опять въ страну

¹⁾ Ритшиль, Матеріалы для этнографіи Россіи, губ. Казанская, 151—154.

средней Волги, и тамъ мы опять найдёмъ почти ту же самую религіозную систему, существующую и въ наше время.

У Мордвы и Черемисъ принимается верховный богъ, имѣющій впрочемъ у каждого изъ этихъ народовъ свое особое названіе. Всѣ другія божества суть ничто иное, какъ нисходящее потомство этого главнаго бога. По мордовскому вѣрованію, у главнаго бога есть дочь, отъ которой произошли три сына и десять дочерей. Эти потомки главнаго бога и служатъ второстепенными божествами. У Черемисъ такихъ второстепенныхъ божествъ болѣе тридцати.

Замѣчательно, что отношеніе волжскихъ племенъ къ своимъ божествамъ отличаются тѣмъ же самымъ грубо-меркантильнымъ духомъ, который отмѣченъ Ибнъ-Фодланомъ у Руссовъ. „Жертвоприношеніе у Черемисъ“, говоритъ г. Корсаковъ, — „не есть выраженіе благоговѣйнаго чувства предъ божествомъ, а приносится изъ практическаго разчета для полученія необходимыхъ благъ или отогнанія бѣдъ и напастей“¹⁾. У волжскихъ Черемисъ до сихъ поръ сохранилась одна оригинальная особенность, которую Ибнъ-Фодланъ наблюдалъ у Руссовъ. По словамъ его, надъ могилою покойника въ срединѣ самаго кургана Руссы поставили большое дерево халанджъ²⁾, и написали на немъ имя покойника. Писать Черемисы не умѣютъ. Но дерево и именно березу они ставятъ, по примѣру древнихъ Руссовъ, и притомъ въ самой срединѣ могильной насыпи³⁾.

Ибнъ-Фодланъ разказываетъ, что когда нужно было сжигать трупъ умершаго Русскаго въ Бугарѣ, „ближайшій родственникъ этого мертвеца взялъ кусокъ дерева и зажегъ его, *пошелъ задомъ вспять* въ судну, держа въ одной рукѣ кусокъ дерева, а другую на открытомъ задѣ“ и т. д. Это „пошелъ задомъ“ и держаніе руки на открытомъ задѣ для насъ совершенно лишено смысла. Очевидно, это религіозный обычай, значеніе котораго мы не можемъ объяснить. Но

¹⁾ Корсаковъ, Меря, стр. 33.

²⁾ Халанджъ, это по объясненію г. Гарквинъ букъ или береза. Но букъ не растетъ на Волгѣ; стало быть, въ данномъ случаѣ это береза, которая, по словамъ Савельева, у Мордвы-Эрзы называется киленгъ; см. Мух. Нук. ССХІХ. По Видеману береза у Эрзы называется килей.

³⁾ Мелликовъ, Очерки Мордвы, Русск. Вѣстн. 1867 г., № 9, стр. 246—247. Самое имя волхвъ Славянами, по всей вѣроятности, заимствовано у Финновъ, не смотря на то, что оно употреблено еще въ переводѣ библіи. Такъ объ этомъ думаетъ, между прочимъ, Лелевель (Nagody na ziemiach slow.); и это мнѣніе очень вѣроятно. Слово волхвъ по фински=welho, съ многими производными.

поразительно то, что обычай этотъ, это хожденіе задомъ и притомъ съ обнаженною спиною до сихъ поръ сохранился у Финскихъ племенъ средней Волги. У языческой Мордвы совершается общественное жертвоприношеніе. Принасы для него собираются въ каждомъ домѣ особенными жрецами, служителями вѣры. Когда такіе жрецы входятъ въ мордовскую избу, здѣсь ожидаютъ ихъ женщины съ приготовленными припасами. Женщины становятся задомъ къ двери съ плечами и грудью, обнаженными по поясъ. Вошедшіе жрецы читаютъ молитву; тогда женщины закидываютъ на свои обнаженные плечи мѣшки съ разными припасами, и одна за другою *идутъ задомъ* къ жрецамъ, стоящимъ у двери, и т. д. ¹⁾.

Есть еще одна весьма характеристическая черта, передаваемая арабскими писателями касательно Руссовъ; которая, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ быть приписана Финнамъ сѣверо-восточной, Россіи и только имъ однимъ, никому болѣе, ни Славянамъ, ни Скандинавамъ. Ибнъ-Даста говоритъ, что у Руссовъ есть знахари, и знахари эти пользуются такимъ вліяніемъ, что нѣкоторые изъ нихъ „повелѣваютъ царю, какъ будто они начальники ихъ (Руссовъ)“. Вліятельные знахари—это исключительная принадлежность быта Финновъ. Эту принадлежность его знаютъ и наши лѣтописи, и скандинавскія саги. Суздальская земля, по нашимъ источникамъ, два раза была взволнована волхвами—въ 1024 и въ 1070 гг. Скандинавскіе воины ѣздили въ нынѣшнюю сѣверную Россію узнавать свое будущее. О финскомъ волхвѣ Ростіовѣ мы ужъ упоминали. Вообще финскіе волхвы, финское волхвованіе были далеко извѣстны на всемъ сѣверѣ и востокѣ Европы.

У Ибнъ-Дасты есть еще одна особенность, приписываемая имъ Руссамъ, которая очень хорошо идетъ къ обитателямъ средней Волги. Пашень Руссы, говоритъ Ибнъ-Даста, „не имѣютъ, а питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ страны Славянъ. Единственный промыселъ ихъ—торговля“ и т. д. Прошло со времени Ибнъ-Дасты около 1000 лѣтъ, и до сихъ поръ страна, которую населяли Руссы, страна Мери, нынѣшнія Ярославская и Владимірская губерніи, не имѣетъ въ достаточномъ количествѣ своего хлѣба. Замѣчательно, что изъ всѣхъ мѣстностей Россіи эти двѣ губерніи преимущественно отличаются торговымъ духомъ своихъ жителей. Въ обѣихъ столицахъ до нашихъ дней во всякаго рода торговыхъ заведеніяхъ едва ли не половина тор-

¹⁾ Корсаковъ, Мери, стр. 17.

говаго персонала принадлежить Ярославской губерніи или потомкамъ жителей ея, то есть, такимъ, которые сто-двѣсти лѣтъ назадъ прибыли въ столицы, нажили здѣсь капиталы и приписались въ мѣстному купечеству. Владимірская губернія до сихъ поръ разсылаеть по всей Россіи своихъ офеней, разносчиковъ и всякаго рода другихъ торговцевъ, которые или разносятъ, или развозятъ по Россіи красныя или колониальныя товары, образа, стальные вещи, клюкву, ленъ, суздальскія картинки и книжки и т. п. Офенскій языкъ, который до сихъ поръ составляетъ загадку для ученыхъ, очевидно, не есть простая выдуманная тарабарщина. Въ немъ есть слова, которыя несомнѣнно заимствованы офенями въ разныхъ странахъ на востокъ и югъ. Такъ, калымъ у офеней значить прибыль, барышъ; а слово это, не знаемъ, какого происхожденія, употребляется на Кавказѣ, и поэтому почти получило право гражданства въ русскомъ языкѣ. Нѣсколько числительныхъ (пять=пенда, десять=деканъ) и одно существительное „костерь“ несомнѣнно заимствованы у Грековъ (у византійскихъ писателей *καστρον*, *castrum* обыкновенно и преимущественно употребляется въ значеніи города). Это указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что офенскій языкъ образовался тогда, когда предки нынѣшнихъ офеней вели торговлю и съ Византіей, и съ восточными странами, то есть, тогда, когда жили тѣ войны-торговцы, которыхъ кости въ наше время открыты изъ пѣдръ земли, покрывавшей ихъ въ продолженіе тысячи лѣтъ.

Думаемъ, что всѣхъ этихъ фактовъ, добытыхъ археологическими и этнографическими изслѣдованіями и сопоставленныхъ съ извѣстіями арабскихъ писателей касательно Руссовъ, дѣйствительно, достаточно для того, чтобы въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана, Ибнъ-Дасты, Аль-Истахри, Ибнъ-Гаукала, Эль-Бальхи, Ибнъ-Хордадбега видѣть обитателей средней Волги, древнихъ обитателей нынѣшней Владимірской, Ярославской и смежныхъ съ ними губерній.

Теперь мы опять обратимся къ извѣстіямъ арабскихъ писателей касательно разстоянія ближайшаго русскаго города отъ Булгара. Когда всѣ русскіе ученые, за недостаткомъ правильныхъ фактическихъ указаній, въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана видѣли южныхъ Славянъ, Полянъ или Сѣверянъ, или Норманновъ, владѣвшихъ, будто бы, южною Русью, тогда было естественно и въ Кутабъ-Карбаъ-Каропарти-Каркабанъ видѣть Кіевъ, передѣлывая эти имена въ Куябу. Но когда человекъ, занимавшійся археологическими изслѣдованіями въ продолженіе не одного десятка лѣтъ, не внесшій въ свои работы ни-

какой предвзятой мысли, даже слѣдующій теоріи, благопріятствующей тому, чтобы въ Кутабѣ-Каркабанѣ видѣть Кіевъ, но не смотря на то умѣвшій удержаться на почвѣ объективнаго изслѣдованія, не-отразимою силою добытыхъ фактовъ былъ приведенъ къ убѣжденію, что Ибнъ-Фодланъ видѣлъ въ Булгарѣ Мерю и ее называлъ Руссами (почему—это другой вопросъ), что точно также Ибнъ-Даста, описывавшій бытъ Руссовъ, въ дѣйствительности описывалъ бытъ Мери; когда археологическія изслѣдованія доказали, что арабскіе писатели, говоря о бытѣ Руссовъ, говорили о томъ, что заподлинно знали; когда извѣстія ихъ, касающіяся быта Руссовъ, подтверждаются въ самыхъ незначительныхъ подробностяхъ или археологическими, или этнографическими изслѣдованіями,—позволительно ли послѣ этого думать, что Арабы такъ грубо ошиблись въ дѣлѣ столь важномъ, какъ опредѣленіе положенія главнаго города Руссовъ, этого предполагаемаго Кіева, чтобы они единогласно назвали его ближайшимъ къ Булгару городомъ, между тѣмъ какъ онъ есть самый дальній, такъ что для того, чтобы доѣхать до него по Волгѣ и Диѣпру, нужно было ѣхать мимо Смоленска и Любеча, а чтобы ѣхать по Окѣ и Деснѣ нужно было проѣзжать мимо Мурома и Чернигова, не говоря о другихъ древнихъ городахъ, случайнымъ образомъ не упоминаемыхъ при началѣ Русскаго государства ¹⁾).

Изслѣдованія г-р. Уварова вполне подтверждаютъ слова Истахри, что Кутаба-Киркабанъ отстоитъ отъ Булгаръ на 20 дней пути. Такъ или иначе, по той или по другой причинѣ, но арабскіе писатели называютъ Руссами обитателей средней Волги. По словамъ Ибнъ-Дасты, въ этой странѣ, у этихъ торговцевъ Руссовъ было много городовъ, что опять-таки подтверждается археологическими изслѣдованіями. Вспомнимъ о нѣсколькихъ десяткахъ мѣстностей, называемыхъ городищами, городами, городцами. Все это древніе города Мери или Руссовъ Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты. Г-р. Уваровъ полагаетъ границею Мерской земли на востокѣ рѣку Керженецъ. Отъ устья Керженца до древняго Булгара по Волгѣ съ небольшимъ 250 верстъ. Это какъ-разъ 10 дней пути, въ которые Истахри опредѣляетъ разстояніе отъ

¹⁾ Савельевъ думаетъ, что наиболее употребительнымъ путемъ между Булгаромъ и Кіевомъ былъ еще третій путь внизъ по Волгѣ, потомъ волокомъ до Дона, потомъ внизъ по Дону, по Азовскому, по Черному морю, и наконецъ, вверхъ по Диѣпру. Но этотъ путь еще длиннѣе пути черезъ Волгу и Диѣпръ. И притомъ арабскіе писатели положительно говорятъ, что Руссы приходили въ Булгаръ по Волгѣ не снизу, а сверху.

Булгара до границы Русской земли. Отсчитайте еще 250 верстъ выше устья Керженца по Волгѣ или по Окѣ, чтобы было 20 дней пути, и тутъ вы найдете нѣсколько городковъ, городцевъ или городищъ; одинъ изъ нихъ и будетъ соответствовать этой Кутабъ-Карбабъ-Каракартинъ-Каркаянъ-Каркабану. И это будетъ именно въ землѣ Руссовъ, въ землѣ Мери, потому что ее, Мерю, арабскіе писатели называютъ Руссами.

XVI.

Но почему же Мерю арабскіе писатели называютъ Руссами? И если только одну, или еще кого? Люди, воспитанные на норманнской теоріи, съ умомъ которыхъ срослась мысль о томъ, что Руссы Норманы, Варяги, такіе же Варяги, какъ Свен, Гъте, Урмане и Агняне, никакъ поэтому не могутъ допустить, чтобы арабскіе писатели знали какую-нибудь другую Русь, и если кого называютъ Русью, то только племена, бывшія подъ властью Норманской Руси. Эту мысль пустил въ ходъ Френъ; Савельевъ принялъ и развилъ ее. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась „достоиніемъ науки“. „Эрзу“, говоритъ Погодинъ,—„Арабы причисляютъ къ племенамъ Руси. Это значить только, что Эрзы, были данниками Руси (то есть, Норманновъ)“. Далѣе: „Если Арабы называютъ Черь Руссами или Эрзу, Мокшу, то колыми паче они могли называть такъ жителей береговъ Волги, кто бы они ни были—Славяне или Финны, повторяемъ въ десятый разъ“¹⁾.

По мнѣнію гр. Уварова, Арабы подъ именемъ Руси „разумѣли всѣхъ иностранцевъ, приходившихъ изъ Руси торговать въ Волгарахъ, не обращая при этомъ никакого вниманія на племенные отгѣнки (?). Варягъ, Славянинъ или обрусѣвшій Финнъ (Меря, Муромъ, Весь и пр.) были для Арабовъ всѣ безъ исключенія Руссы“²⁾.

И такъ, предполагаются три причины, вслѣдствіе которыхъ племена, не принадлежавшія дѣйствительно къ Руси, причисляются къ ней Арабами; именно—что племена эти Мордва и Меря или обрусѣли къ тому времени, или подпали подъ власть Руссовъ, или только приходили изъ Руси. Мы не будемъ говорить, что послѣдняя изъ этихъ причинъ не могла имѣть никакого дѣйствія. Арабы, правда, не могли обращать вниманія на племенные отгѣнки. Но въ отгѣнкахъ ли тутъ дѣло, когда рѣчь идетъ о различеніи Славянъ, Финновъ и Норманновъ? Этотъ вопросъ, конечно, не нуждается въ отвѣтѣ. Назван-

¹⁾ Труды 1-го съезда, стр. 140.

²⁾ Тамъ же, 727.

ныя народности не представляютъ отгѣнковъ одного племени, а составляютъ совершенно различныя племена. А на племенное, этнографическое различіе народовъ Арабы очень обращали вниманіе. Такъ, они хотѣли себѣ уяснить вопросъ, каковаго племени были Руссы, и одни, какъ мы видѣли, причисляли ихъ то къ Славянскому племени, то къ Турецкому. Подобнымъ образомъ и народность Булгаръ Арабы опредѣляли различно. Значить, на племенные различія они обращали вниманіе. Что касается до Руссовъ, самый тотъ фактъ, что Арабы причисляютъ ихъ то къ славянской, то къ турецкой народности, показываетъ уже, что въ Руссахъ Арабы видѣли этнографическую особь, а не случайный аггломератъ племенъ, приходившихъ изъ одной страны и по одной дорогѣ.

Еслибъ этотъ аггломератъ дѣйствительно превратился въ одну народность, обрусѣлъ, или еслибы различныя его части представляли дѣйствительно только отгѣнки одной народности, въ такомъ случаѣ Арабы дѣйствительно не могли бы обращать на нихъ вниманія. Но дѣло въ томъ, что во время Ибнъ-Фодлана и еще много лѣтъ послѣ, племена, составлявшія тогдашнюю территорію Руси, не обрусѣли, то есть, не ославянились, такъ какъ именно въ этомъ направленіи, въ ославяненіи совершался химико-этнографическій процессъ того времени: не Славяне превращались въ Финновъ и Норманновъ, а на оборотъ. Ко времени Ибнъ-Фодлана процессъ этотъ только что начинался и не имѣлъ никакихъ замѣтныхъ проявленій. При Олегѣ и Игорѣ Русь еще строго отличается и отъ Славянъ, и отъ Полянъ. У Игоря еще въ 944 году въ войскѣ были „Варяги Русь и Поляне, Словѣни и Кривичи и Тѣверцѣ“ и т. д. Разказывая о клятвѣ Игоревой крещеной Руси въ церкви св. Іліи, лѣтописецъ прибавляетъ: „мнози бо бѣша Варязи хрестеяни“. Значить, эта Русь была въ то время не славянскаго рода, по мнѣнію лѣтописца; значить, еще не ославнилась, не потеряла своего собственнаго этнографическаго характера. Это было въ Кіевѣ, въ тогдашнемъ центрѣ русскаго славянства. Тѣмъ менѣе можно думать, чтобы не славянскія племена, жившія по Средней Волгѣ, потеряли въ то время свою народность и обратились въ славянъ. А Ибнъ-Фодланъ видѣлъ Руссовъ въ Булгарѣ 22 годами раньше этой клятвы христіанской Руси въ церкви св. Іліи.

Лѣтописецъ еще въ концѣ XI вѣка писалъ: „се бо токмо Славенемъ языкъ въ Руси, Поляне, Деревляне, Ноугородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Вужане.—А се суть ине языци, иже дань даютъ

Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нерова, Либь". Отсюда прямое слѣдствіе, что всѣ перечисленные племена, между прочимъ жившія по Волгѣ и Окѣ Меря, Мордва, Черемисы, Мурома, не обрусѣли даже къ концу XI вѣка, не говоря уже о началѣ X столѣтія, когда видѣль, Мерю Ибнъ-Фодланъ въ Булгарѣ.

XVII.

Итакъ, остается третья причина, по которой будто бы Арабы могли называть Мерю Руссами,—та, что въ то время Меря вошла въ составъ Русскаго государства. Справедливо ли по крайней мѣрѣ это, дѣйствительно ли въ теченіе X вѣка Меря входила въ составъ Русскаго государства?

Объ отношеніи Мери и Ростова къ Рюрику и преемникамъ его въ лѣтописи существуютъ столь разногласящія между собою извѣстія, что принимать ихъ, не приведя къ согласію—не возможно. Ростовъ принадлежалъ еще Рюрику, который отдалъ его одному изъ своихъ мужей. Первымъ дѣломъ Олега былъ походъ изъ Новгорода на югъ, съ каковою цѣлью онъ взялъ съ собою вой многи, именно Варяговъ, Чудь, Славянъ (Новгородскихъ) Мерю, Весь и Кривичей. Меря такимъ образомъ участвовала въ походѣ Олега, слѣдствіемъ котораго было завоеваніе всего теченія Днѣпра отъ верховьевъ до Кіева. Послѣ того Олегъ установилъ дани Славянамъ, Кривичамъ и Мерѣ. О какой дани говорится здѣсь? Меря составляла часть еще Рюрикова государства, въ Ростовѣ сидѣлъ Рюриковъ мужъ. Онъ уже бралъ дань съ Мери. Наложилъ ли Олегъ новую дань на нее? Это кажется неестественнымъ, послѣ того какъ Меря помогла ему овладѣть теченіемъ Днѣпра. Или Олегъ далъ Мерѣ нѣкоторую автономію, освободивъ ее отъ непосредственнаго управленія своихъ мужей и ограничивъ свои отношенія къ ней только данью? Далѣе въ 907 году Олегъ отправляется въ походъ на Византію; въ составѣ его войска опять находится Меря вмѣстѣ со многими другими племенами, между прочимъ съ Чудью, Хорватами, Тиверцами. И мирясь съ Греками, онъ заключаетъ договоръ съ Греками какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени „всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князей и бояръ“, и притомъ беретъ уклады на нѣкоторые города, между прочимъ, на Полоцкъ и Ростовъ,—„по тѣмъ бо градамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще“. Итакъ, въ Ростовѣ, у Мери былъ свой князь, какъ и въ Полоцкѣ. Относительно Полоцка мы знаемъ, что это было

справедливо. 70 лѣтъ спустя Владиміръ убилъ самостоятельнаго Полоцкаго князя Рогволода, и хотя лѣтописецъ и говоритъ, что онъ пришелъ изъ заморья, но этому лѣтописцу ни не вѣрять, во первыхъ, потому, что знаемъ его склонность вести изъ-за моря первыхъ государей Россіи, основанную на несправильной мысли, будто тамъ была Русь, вторыхъ, потому, что еще при князѣ Олегѣ въ Полоцкѣ былъ свой князь, и очень естественно, что Рогволодъ происходилъ именно отъ этого князя, а не изъ-за моря пришелъ; третьихъ потому, что Владиміръ, отпуская отъ себя Рогви́ду, отдалъ ей Полоцкъ, какъ ей родовое владѣніе. Если бы Рогволодъ пришелъ изъ-за моря, то связь его рода съ Полоцкомъ была бы весьма незначительна, и для Рогви́ды было бы все равно, гдѣ бы ни имѣть владѣніе, равно и для Полоцкаго было бы безразлично, кто бы ни владѣлъ ими; потомуки Рогволода были бы для нихъ люди столь же чуждые, какъ и дѣти Владиміра.

Подобнымъ образомъ ни не можемъ не вѣрить лѣтописцу, что и въ Ростовѣ былъ свой князь, тѣмъ болѣе, что слова лѣтописца въ этомъ случаѣ подтверждаются текстомъ договора. Но въ такомъ случаѣ какъ понять то, что еще Рюриковъ мужъ управлялъ Ростовомъ. Въ такомъ случаѣ откуда бы взялся тамъ свой князь? Потомство боярина не могло возвыситься до положенія княжескаго рода; мы знаемъ, что въ древней Руси этого не бывало; а еслибы это было, то это могло быть только съ нарушеніемъ правъ Кіевского князя. Въ такомъ случаѣ между Кіевомъ и Ростовомъ были бы отношенія враждебныя, а не дружественныя. А въ дѣйствительности они были дружественными, какъ нужно думать на основаніи того, что Ростовскій князь послалъ вспомогательное войско Олегу для похода изъ Новгорода на Двѣрць и изъ Кіева на Царьградъ. Предположеніе, что Олегъ самъ далъ болѣе самостоятельности Мерѣ, такъ что она или выбрала себѣ своего князя, или поступила подъ власть своего прежняго княжескаго рода, у котораго власть была отнята Рюрикомъ, также несостоятельно. Мы знаемъ, что политика нашихъ первыхъ князей была не такова; покореннымъ народамъ автономія не возвращалась. Первые Русскіе князья были собирателями, а не расточителями своей державы.

Согласить эти несогласныя извѣстія нашего лѣтописца съ точки зрѣнія норманской теоріи имѣть возможности. Что-нибудь одно: или въ Ростовѣ при Рюрикѣ сидѣлъ мужъ Рюриковъ, или тамъ былъ свой князь при Олегѣ. И такъ какъ послѣднее положеніе имѣеть

надъ собою болѣе твердую почву, то слѣдуетъ отвергнуть то, что будто бы Ростовъ входилъ въ составъ Рюриковой державы, тѣмъ болѣе, что извѣстіе лѣтописца объ этомъ полно несообразностей. Равнымъ образомъ нужно отвергнуть и то, что Олегъ налагалъ дань на Мерю. Мера при Олегѣ—ничто иное, какъ его временные союзники, имѣвшіе своихъ князей и ходившіе съ нимъ сначала на Днѣпръ, а потомъ на Царьградъ. У Олега такихъ временныхъ союзниковъ, не бывшихъ подъ его властью, было довольно, къ нимъ принадлежала и Чудь, и Хорваты, и Тиверцы.

Соглашаются оба эти извѣстія только въ такомъ случаѣ, если мы подъ Руссами, основателями Русскаго государства, будемъ разумѣть единственныхъ, существовавшихъ на землѣ до того времени Руссовъ, именно Руссовъ волжскихъ. И способъ для соглашенія ихъ указывается послѣдующею русскою исторіей.—Владимиру Святому принадлежалъ, и Кіевъ и Полоцкъ, и Новгородъ, и Смоленскъ, и Черниговъ. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ, кромѣ Кіева, сидѣли его мужи. А между тѣмъ при Ярославѣ, преемникъ его, въ Полоцкѣ былъ свой князь Вячиславъ, въ Черниговѣ—Мстиславъ; при Изяславѣ, преемникъ Ярослава, въ Полоцкѣ былъ Всеславъ, въ Черниговѣ—Святославъ; города, входившіе въ составъ Владиміровой державы и управлявшіеся его мужами, при Ярославѣ и Изяславѣ имѣли своихъ князей. Таковъ необходимый результатъ удѣльной системы.

Удѣльная система, по разказу нашего лѣтописца, началась съ Святославомъ, который раздѣлялъ Русь между своими сыновьями. Отчего не было ея и прежде? Отъ того ли что она совсѣмъ не существовала еще, не была введена? Или отъ того, что у первыхъ государей Норманновъ Рюрика и Игоря было только по одному снну, а у Олега совсѣмъ не было дѣтей! Удивительно было бы и то, и другое. Если удѣльная система не существовала до Святослава, то почему, для чего и откуда онъ заимствовалъ ее? Что это былъ за Петръ I, нововодитель и заимствователь X вѣка? Еслибъ онъ принялъ христіанство, то онъ могъ бы наложить руку и на старыя государственныя учрежденія страны и ввести такія, которыя существовали у христіанъ, какъ сдѣлалъ св. Стефанъ въ Венгріи. Или еслибъ онъ путешествовалъ для изученія порядковъ въ другихъ болѣе образованныхъ государствахъ и самъ въ образованіи далеко ушелъ отъ своихъ соотечественниковъ, то и въ такомъ случаѣ его нововведенія были бы понятны, какъ нововведенія Альфреда Великаго въ Англіи. Но Святославъ новизны не любилъ и надъ современниками не

возвысился въ своихъ понятіяхъ. Онъ и христіанства не принялъ боясь, что дружина станетъ смѣяться надъ нимъ. Итакъ, нужно принять, что удѣльная система существовала на Руси въ принципѣ, но не существовала только на дѣлѣ, потому что русскія княгини до Святослава рождали мало дѣтей, или совсѣмъ не рождали, и только со времени Святослава стали рождать ихъ въ изобиліи. Но что же это за періодическое безчадіе или многочадіе? Вслѣдствіе какой причины вдругъ разрѣшилось безчадіе русскихъ женщинъ?

Всѣ эти несообразности объясняются только тѣмъ, что нашъ лѣтописецъ очень худо зналъ исторію начала Руси и вмѣсто дѣйствительной исторіи писалъ басни. Удѣльная система возникла не при Святославѣ, а принесена Руссами въ Кіевъ изъ Новгорода, а въ Новгородъ — съ Волги. Она существовала у всѣхъ народовъ восточной Европы въ IX и X вѣкахъ, и безъ сомнѣнія, раньше. Угры пришли въ Паннонію подъ начальствомъ семи вождей. Это не были какіе нибудь конфедераты: у первобытныхъ народовъ конфедерацій не бываетъ. Это были вожди, происходившіе отъ одного рода. По словамъ Константина Багрянороднаго, у Печенѣговъ княжеская власть переходила къ братьямъ, даже двоюроднымъ или племянникамъ, съ тою цѣлью, чтобы княжеская власть не оставалась все въ одной части княжескаго рода, чтобы ей были причастны и боковыя линіи, — таково именно былъ у Печенѣговъ законъ и древній обычай (*νόμος καὶ τόπος παλαιός*)¹⁾. Тотъ же обычай существовалъ и Гунновъ. Атила потому только сталъ страшенъ для Европы, что соединилъ подъ своею властью всѣхъ Гунновъ, раздѣленныхъ вслѣдствіе удѣльной системы. А послѣ него Гунны, раздѣлившись опять по той же причинѣ, потеряли вскорѣ всякое значеніе, и наконецъ, утратили самобытность. Древніе Руссы принадлежали къ той же цивилизаціи, какъ и Гунны, Угры и Печенѣги. Они отличались отъ этихъ народовъ только тѣмъ, что жили не въ степяхъ, а въ лѣсахъ, прорѣзаемыхъ теченіемъ Волги и Оки, и потому были не кочевниками, а звѣроловами и судоходами грабителями и торговцами, которымъ Волга дала возможность хорошо ознакомиться, какъ съ тѣми странами, откуда она брала свое начало, такъ и съ тѣми, куда она несла свои воды.

Удѣльная система существовала издавна и у Руссовъ, и не всѣ русскія княгини отличались бесплодіемъ. Въ договорѣ Игоря рядомъ съ княгинею Ольгою и Святославомъ, упоминаются другіе члены кня-

¹⁾ De admin. imp., Боннское изд., стр. 165.

жескаго дома—Володиславъ, Передслава и Сфандра, жена Улѣбли. Не иначе, какъ удѣльною системою, можно объяснить и то, что по смерти Рюрика великимъ княземъ сдѣлался не сынъ его Игорь, а родственникъ Олегъ, который былъ старшимъ въ родѣ, и послѣ котораго старшинство перешло къ Игорю. Удѣльною же системою объясняется и то, что Полоцкое княжество, принадлежавшее еще Рюрику, не принадлежало внуку его Святославу и было приобрѣтено его правнукомъ Владиміромъ посредствомъ оружія.

Подобнымъ образомъ и Ростовъ, принадлежавшій еще Рюрику, при Олегѣ отошелъ въ боковую линію, а при Игорѣ, равно какъ при Святославѣ, имѣлъ своихъ князей. То же нужно сказать обо всей вообще волжской Руси, такъ что владѣнія Святослава ограничивались бассейномъ Днѣпра и бассейномъ Волхова; и отправляясь въ Болгарію въ послѣдній разъ, онъ раздѣлилъ между Ярополкомъ и Олегомъ бассейнъ Днѣпра, а Владиміру отдалъ бассейнъ Волхова. Другихъ владѣній онъ не имѣлъ. И именно въ этихъ границахъ представляеть Русь Константинъ Багрянородный, современникъ Святослава. По его извѣстіямъ, въ ней были города Кіевъ-Самватасъ, Милнииска (Смоленскъ), Телюца (Любечъ), Чернилога, Вусеградъ, и кромѣ того, Новгородъ. Другихъ городовъ, другихъ областей, принадлежавшихъ къ Руси, Константинъ не зналъ. А онъ долженъ былъ хорошо знать объемъ Россіи; онъ пировалъ со свитой Ольги и могъ узнать даже двойныя имена Днѣпровскихъ пороговъ.

Наконецъ, существованіе у Мери и вообще у волжскихъ Руссовъ собственныхъ князей подтверждается и археологическими изслѣдованіями, и позднѣйшею исторіей края. Близъ Переславскаго озера есть цѣлая группа кургановъ, называющихся князьими могилами. Трудно думать, чтобъ это названіе дано имъ безъ всякой причины. Гораздо вѣроятнѣе, что здѣсь дѣйствительно погребены князья, можетъ быть, и не Ростовскіе, но во всякомъ случаѣ мерскіе, такъ какъ Переславское озеро, судя по результатамъ раскопокъ, было не менѣе важнымъ центромъ политической жизни Мери, чѣмъ и озеро Неро. И есть даже возможность опредѣлить время погребенія князей въ этихъ могилахъ, такъ какъ въ могилахъ найдены монеты восточныя и западныя. Древнѣйшая монета саманидская 905 года, позднѣйшая нѣмецкая 1002—1024¹⁾. Къ этому времени, стало быть, и относятся князьи могилы близъ Переслава. Здѣсь погребены между прочимъ и князья, бывшіе подъ

¹⁾ *Труды 1-го арх. съезда*, стр. 656.

Олголь. О времени присоединенія волжской Руси къ Кіевскому государству сохранилось лѣтописное извѣстіе, хотя не у Нестора, но чрезвычайно важное именно потому, что Кіевскій лѣтописецъ знаетъ очень худо исторію отношеній Кіева къ Мерѣ и другимъ волжскимъ племенамъ въ IX и X вѣкахъ Слѣдуя сну, Рюрику, владѣеть Мерю, какъ и всякою другою частью своего государства; въ Ростовѣ у него посаженъ мужъ. Олегъ то устанавливаетъ Мерѣ дань, какъ народу подвластному, то беретъ укладъ на Ростовъ, какъ на такой городъ, гдѣ былъ свой князь; Игорь и Святославъ не имѣютъ никакихъ отношеній къ Мерѣ; а Владиміръ вдругъ отдаетъ Ростовъ Ярославу, а потомъ Борису, а Глѣбу Муромъ. Куда же дѣлись прежніе мерскіе князья, кто отнялъ у нихъ власть, кто земли ихъ присоединилъ къ Русско-Славянской державѣ? Объ этомъ южный лѣтописецъ ничего не знаетъ. Но у Татищева находится драгоцѣнное извѣстіе, согласное съ фактами, представляемыми Несторомъ, и объясняющее ихъ, дающее имъ, съ одной стороны, историческую достовѣрность, съ другой — историческій смыслъ, котораго они лишены подъ перомъ южнаго лѣтописца. По извѣстіямъ Татищева, область средней Волги и нижней Оки покорена Владиміромъ въ 982 г., когда Владиміръ и „градъ Суздаль утвердилъ“¹⁾. Владиміръ отправился туда изъ земли Вятчей. Южный лѣтописецъ знаетъ только о двухъ походахъ Владиміра въ землю Вятчей, въ 981 и 982 году, а о походѣ Владиміра дальше на нижнее теченіе Оки и на Волгу до него не дошло извѣстій; по счастью неутомимый, тридцать лѣтъ собиравшій древнія извѣстія касательно русской исторіи В. П. Татищевъ нашелъ эти извѣстія. И именно это извѣстіе касательно покоренія Мерской и Муромской земли Владиміромъ, будучи вполне согласно съ предыдущими фактами представляемыми Несторомъ, кромѣ того подтверждается и послѣдующею исторіей края и въ свою очередь оцита бросаетъ на нее свѣтъ, объясняетъ ее, такъ что безъ него она была бы непонятна.

XVIII.

Вспомнимъ прежде всего, что первые епископы Ростовскіе Ѳеодоръ и Иларіонъ, поставленные туда еще при Владимірѣ, должны были бѣжать изъ Ростова. Смыслъ этого факта можетъ быть только тотъ, что власть Кіевского князя въ Ростовѣ была не крѣпка. Владиміръ

¹⁾ Ист. Россійск., кн. 2, стр. 62.

покорилъ Ростовскую, Суздальскую и Муромскую области, но имѣя точку опоры только въ укрѣпленномъ Суздальѣ, онъ не достигъ прочной и крѣпкой власти ни въ Муромѣ, ни въ Ростовѣ. Еслибъ она была крѣпка, то съ Ростовцами было бы поступлено также, какъ съ Новгородцами, которыхъ крестилъ Добрыня мечемъ, а Путята огнемъ. Если это не было сдѣлано, если Ростовцы могли выгнать сразу двухъ епископовъ, присланныхъ изъ Кіева, то очевидно Кіевскій князь не имѣлъ еще надъ ними крѣпкой власти.

Далѣе, Владиміръ отдалъ Ростовъ сначала Ярославу, потомъ Борису. Оба они извѣстны своею ревностью къ христіанству. О Борисѣ въ житіи его прямо говорится, что онъ заботился о распространеніи христіанства въ своемъ княжествѣ, а между тѣмъ, еще 50 лѣтъ спустя послѣ смерти Бориса, въ Ростовѣ скончался мученическою смертію епископъ св. Леонтій, котораго язычники сначала изгнали изъ Ростова, а потомъ, когда Леонтій опять возвратился въ городъ, убили. То же было и въ Муромѣ. Владиміръ отдалъ Муромъ Глѣбу, и Глѣбъ отправился туда. Но Муромцы не пустили его къ себѣ, такъ что онъ долженъ былъ жить въ 12 верстахъ отъ города. Глѣбъ, безъ сомнѣнія, какъ и Борисъ, заботился о распространеніи христіанства въ своей области. Между тѣмъ 100 лѣтъ спустя туда пріѣзжаетъ другой князь св. Константинъ и не находитъ въ Муромѣ, никакихъ зачатковъ христіанства. Могло ли это быть, еслибы Муромъ находился подъ крѣпкою властью князей Кіевскихъ? Очевидно нѣтъ.

Въ 1088 году, Болгары овладѣли Муромомъ, будучи выведены изъ терпѣнія Муромцами, которые грабили суда ихъ на Окѣ и Волгѣ. А Кіевская Русь какъ будто и не знала объ этомъ; а Кіевская лѣтопись молчитъ объ этомъ событіи. Его отыскалъ опять такі Татищевъ ¹⁾.

Всѣ эти факты могутъ быть объяснены только тѣмъ, что Поволжье, покоренное Владиміромъ, еще не вполне вошло въ государственный союзъ съ Русско-Славянскою Кіевскою державою. Укрѣпленный Суздаль принадлежалъ князьямъ Кіевскимъ. Но этого не было достаточно, чтобы держать всю страну въ повиновеніи. Торговые города Ростовъ, Муромъ, и вѣроятно, другіе не признавали власти князей Кіевскихъ. Это были большіе и богатые города. Ростовъ, никогда не бывшій столицею значительнаго княжества, на памяти нашихъ лѣтописей назывался Великимъ; когда и чѣмъ приобрѣлъ онъ

¹⁾ Росс. Ист. ч. II, стр. 144.

это правдиво? Очевидно, вѣтъль друтиль, какъ своимъ богатствомъ. Являють торговлю въ то время. когда онъ еще не владѣль или не владѣль владѣль въ составъ Славяно-Русской державы, то-есть въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ. Русскія лѣтописи кромѣ знаютъ его, равно какъ другиа города этого края, въ то время, когда они уже стали склоняться въ упадку, начиная съ XI вѣка, когда восточная торговля, вслѣдствіе не разъясненныхъ еще причинъ, прекратилась. Но и въ то время эти города еще показывали во времявалъ свое врезнее могущество и свой прежній свободолѣбный духъ. Такъ, послѣ смерти Андреа Боголюбскаго, Ростовци и Суздальци возбуждиль противъ его братьевъ. Сто лѣтъ спустя они, вмѣстѣ съ жителями другихъ восточныхъ городовъ, не стерпѣли насилій татарскихъ баскаковъ и вербали ихъ, и нужна была вся политическая мудрость Александра Невскаго, чтобъ отвратитъ печальными послѣдствіа этого взрыва.

Закрѣпленіе Ростовской земли за родомъ князей Кіевскихъ совершилось мало по малу, въ продолженіе XI и даже XII вѣковъ, постройкой цѣлой системы крѣпостей, охватившихъ Ростовскую землю со всѣхъ сторонъ. Ярославъ построилъ городъ, названный по его имени при устьѣ Которосли.

Почему именно устье Которосли избрано для постройки города? На верховьяхъ Которосли стоялъ Ростовъ, древній, богатый, большой городъ, Ростовъ Великій. Значеніемъ своимъ, своимъ богатствомъ и многочисленіемъ онъ былъ обязанъ торговлѣ, которую онъ велъ съ востокомъ и съ Скандинавскимъ и Финскимъ сѣверомъ. Торговымъ путемъ для него была Которосль, которая въ наше время несудоходна; но 800 лѣтъ назадъ рѣки сѣверо-восточной Россіи были многоводнѣе, чѣмъ теперь. Волга до сихъ поръ все болѣе и болѣе скудѣеть водою; это фактъ давно замѣченный. Въ былое время ея воды, вмѣстѣ съ водою другихъ рѣкъ, текущихъ въ Каспійское море, было достаточно для того, чтобы гораздо дальше заливать берега Каспійскаго моря. Нижній низменный южный берегъ этого моря, на которомъ расположены Астрабадъ, Рештъ и проч., былъ еще при началѣ Русскаго государства залитъ водою, которая доходила почти до хребта Эльбурса. И городъ Астрабадъ, который теперь отдѣленъ отъ моря низменною полосою въ 40 верстъ ширины, въ то время былъ приморскимъ городомъ ¹⁾. Во Владимірской губерніи нѣкото-

¹⁾ См. статью Мелынуова о южномъ берегѣ Каспійскаго моря въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. III, прилож. 5, стр. 34.

рныя рѣки совсѣмъ высохли и теперь представляютъ только овраги, суходолы, а между тѣмъ по старинѣ называются рѣками, какъ рѣка Мгира въ Суздальскомъ уѣздѣ ¹⁾).

Построивъ городъ при устьѣ Которосли, Ярославъ думалъ сразу взять въ свою фактическую власть Ростовцевъ. Съ этихъ поръ они должны были зависѣть отъ того, кто владѣлъ Ярославлемъ. Если у нихъ были князья изъ древняго рода князей Ростовскихъ, то Ростовцы, разчетливые торговые люди, не могли поддерживать ихъ. Съ этими князьями могло произойти только то, что впоследствии происходило съ удѣльными князьями сѣверо-восточной, Московской Россіи. Существованіе ихъ, какъ независимыхъ князей, было противно интересамъ жителей ихъ владѣній; и они должны были ступаться, должны были превратиться въ слугъ новаго княжескаго дома. Такіе слуги не по доброй волѣ, а по нуждѣ, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствительно и оказались у князей Ростовско-Суздальскихъ.

Но въ Ростовской землѣ прежніе князья не имѣли большой власти. Не одни волхвы, но и богатые торговцы значительно сдерживали ихъ власть. Князья полновластные не могли удовлетворить ихъ. Ихъ торговые интересы требовали значительной доли самостоятельности, свободы. Здѣсь произошло то, что и вездѣ происходило. Торговое и промышленное населеніе всегда и вездѣ стремилось къ свободѣ не изъ любви къ свободѣ, а изъ любви къ барышамъ. Въ то время, какъ въ древнихъ государствахъ, доставшихся силою меча, въ Вавилонѣ, Ассиріи, Персіи, царская власть шла *crescendo*, въ промышленныхъ государствахъ, въ Финикіи, Карфагенѣ, Аѳинахъ и въ средневѣковой Италіи, она шла *diminendo*. То же было и въ Ростовѣ. Еще Ибнъ-Даста, представляющій государей славянскихъ весьма самостоятельными, отбирающими у славянскихъ дѣвицъ и юношей по одному платью ежегодно, говоритъ, что у Руссовъ, то-есть, у Мери въ Ростовѣ, тяжущіяся стороны могутъ быть недовольны рѣшеніемъ царя, и въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ легальнымъ образомъ къ рѣшенію спора оружіемъ. Кромѣ того, мы имѣемъ прямое свидѣтельство и въ нашей лѣтописи, что въ Ростовѣ именно власть княжеская была ограничена, въ томъ мѣстѣ—гдѣ говорится, что въ старыхъ городахъ, къ числу которыхъ причисляется и Ростовъ, люди издавна на вѣча сходятся и т. д.

Потому въ Мерской землѣ сопротивленіе новымъ князьямъ Сла-

¹⁾ Тихонравовъ, Владимірскій сборникъ, стр. 59.

вяно-русскимъ оказали не только князья, но и горожане, и весь народъ, защищавшіе не своихъ прежнихъ князей, а свои собственныя вольности. Именно народъ относился недоброжелательно къ новой власти. Объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи, хотя опять не полное. Еще при Ярославѣ въ 1024 году „вѣсташа вѣльсви въ Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наученію и бѣсованью, глаголюще, яко сіи держатъ гобино. Бѣ матежъ великъ и голодъ по всей той странѣ“. Лѣтописецъ представляетъ причиною матажа дьявольское наученіе и голодъ. О дьявольскомъ наученіи мы говорить не будемъ; у монаха-лѣтописца оно всегда должно болѣе или менѣе предполагаться въ худыхъ дѣлахъ человѣческихъ. Но историкъ не можетъ довольствоваться этою причиною. Что касается до голода, когда онъ появляется только какъ физическое бѣдствіе, онъ не ведетъ къ матажу. Голодъ былъ очень нерѣдкимъ явленіемъ въ средніе вѣка, и если народонаселенія не имѣли другихъ причинъ къ волненіямъ, то они безропотно умирали десятками и сотнями тысячъ. Голодъ является поводомъ къ волненіямъ только тогда, когда существуютъ причины, вызывающія ихъ. Такъ, поводомъ къ первой французской революціи былъ тоже голодъ. Но никто не говоритъ, чтобъ онъ былъ причиною революціи. Причины ея были болѣе существенныя, глубоко лежавшія въ бытѣ народа. То же было и въ Суздальской землѣ. У Финновъ пользовались особымъ почетомъ и значеніемъ волхвы.

О Руссахъ, то-есть, о Мерѣ Ибнѣ-Даста говорить это самымъ положительнымъ образомъ. Слѣдуя ему, у Руссовъ волхвы повелѣваютъ даже царямъ, такъ какъ будто бы не цари, а волхвы были главными начальниками Руссовъ. Когда Мерская земля подпала подъ власть Кіевскихъ князей-христіанъ, естественно значеніе волхвовъ упало. Но власть моральная, также какъ и власть матеріальная, всегда стремится къ самосохраненію. И мерскіе волхвы ждали случая возвратить потерянное значеніе. Такой случай представился въ голодѣ 1024 года. Простой народъ, который всегда больше подчиняется чувству религіозному, чѣмъ политическому, поддался вліянію волхвовъ, и произошелъ „матежъ великъ“. Матежъ былъ прекращенъ тѣмъ, что былъ привезенъ хлѣбъ изъ Болгаріи. Но Ярославъ, который въ то время былъ въ Новгородѣ, счелъ нужнымъ пріѣхать въ Суздаль, и „изымавъ волхвы“, нѣкоторыхъ изъ нихъ казнилъ, другихъ сослалъ. Противодѣйствіе волхвовъ этимъ однако еще не было сломлено, тѣмъ болѣе, что масса народа, благодаря ихъ вліянію, была глуха къ хри-

стіанской проповѣди и оставалась при прежнихъ вѣрованіяхъ. Черезъ полстолѣтія волхвы опять возмutilи народъ. Поводомъ опять былъ голодъ. Обстоятельство этого мятежа разказано лѣтописцемъ подробно. Въ то время, какъ Янъ Вышатичъ, воевода Святослава, въ 1071 г. собиралъ въ Мерской землѣ дань, волхвы, по разказу лѣтописца, опять стали избивать на этотъ разъ не просто старую чадь, а старухъ женщинъ, разрѣзывая у нихъ спину, говоря, что онѣ прячуть у себя подъ кожей хлѣбъ и рыбу, вслѣдствіе чего и произошла голодъ. Янъ отправился противъ волхвовъ съ дружиною; волхвы также собрали вооруженную силу, произошла битва, и Янъ одолѣлъ; послѣ того волхвы были выданы ему, а онъ въ свою очередь выдалъ ихъ родственникамъ убитыхъ женщинъ, которые волхвовъ и повѣсили. Въ этомъ разказѣ многія подробности обращаютъ на себя вниманіе. Дань собиралъ воевода Янъ Вышатичъ, притомъ имѣя при себѣ дружину. Это очевидно указываетъ на то, что страна, въ которой собиралась дань, не была вполне подчинена южно-русскимъ князьямъ. Потомъ, что это за дикое ученіе о томъ, что женщины прячуть за кожей хлѣбъ и рыбу, и что это за способъ умерщвленія женщинъ посредствомъ разрѣзыванія имъ спины? Самъ по себѣ разказъ объ этомъ является совершенно непонятнымъ; мысль, что женщины за кожей держатъ хлѣбъ и рыбу, достойна развѣ какихъ нибудь океанійскихъ дикарей-людоедовъ. А о Мерѣ, объ обитателяхъ средней Волги, мы знаемъ, что это былъ народъ, достигшій известной степени гражданственности, знавшій ремесла, торговлю, посѣщавшій другія страны и принимавшій у себя иностранцевъ. Разказъ этотъ нѣсколько объясняется позднѣйшими этнографическими изслѣдованіями. Мы уже говорили, что у жителей средней Волги, у некрепченной Мордвы жрецы, знахари, волхвы до сихъ поръ существуютъ; мы говорили, какъ они, собирая съѣстные припасы для жертвоприношенія, входятъ въ дома, и женщины, идя къ нимъ задомъ, передаютъ имъ мѣшки съ припасами. Но мы не прибавили, что когда женщина подходитъ задомъ къ жрецамъ для передачи припасовъ, то одинъ изъ жрецовъ колетъ ее пять разъ въ спину священнымъ пожомъ, читая при этомъ молитву. Содержаніе молитвы объяснило бы намъ вполне смыслъ этого обряда; къ сожалѣнію, мы ея не знаемъ. Но очевидно, что это укалываніе кожи есть обрядъ, основанный на какомъ-то религіозномъ ученіи. По видимому, волхвы, явившіеся на Волгѣ при Янѣ Вышатичѣ, просто собирали дань съ жителей подъ видомъ припасовъ для жертвоприно-

шенія; а можетъ быть, они дѣйствительно собирали припасы для этой цѣли. И въ то время, не смотря на упорную привязанность Мери къ своей вѣрѣ, христіанство въ странѣ все-таки мало по малу распространялось¹⁾; и между двумя религіями должно было произойти соперничество. Волхвы, собиравшіе дань или припасы для жертвоприношенія, не могли относиться къ христіанству иначе какъ враждебно. Должны были происходить столкновения между послѣдователями двухъ вѣръ. Волхвы, вѣроятно, требовали припасовъ и отъ тѣхъ женщинъ, которыя уже приняли христіанство (женщины, какъ извѣстно, всегда были воспримчивѣе къ христіанской проповѣди, чѣмъ мужчины), произошли сцены насилія, и нѣкоторыя женщины были убиты, быть можетъ, тѣми самыми священными ножами, которыми волхвы прокалывали у женщинъ кожу. Народная молва, разказъ христіанскаго лѣтописца, не понимавшаго смысла религіознаго обряда, представила это дѣло въ такомъ видѣ, что волхвы рѣзали у женщинъ кожу за то, что онѣ „держали у себя обиліе“. Во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что волхвы могли собрать вооруженную (топорами) силу. Очевидно, народъ поддерживалъ ихъ; народъ не подчинился новой власти, страна не была покорена.

На этотъ разъ, впрочемъ, Янъ Вышатичъ одолѣлъ. Но это былъ все-таки частный случай; страна еще не подчинилась южнымъ князьямъ. Разчетъ Ярослава оправдался не вполне. Именно въ то время въ Ростовѣ былъ убитъ святой Леонтій. Это было, по изслѣдованіямъ преосв. Филарета, архіепископа Черниговскаго, въ 1073 году. Преемникъ Леонтію присланъ въ Ростовъ только въ 1078 году. Пять лѣтъ Ростовъ не имѣлъ епископа. Это приводитъ къ мысли, что въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ власть южныхъ князей въ Ростовѣ совсѣмъ не существовала. Въ противномъ случаѣ новый епископъ явился бы въ Ростовъ раньше.

Ярославовъ разчетъ не оправдался потому, что Ростовцы, кромѣ Которосли, имѣли другіе пути для своей торговли съ востокомъ. Они могли ѣздить туда по Клязьмѣ, въ которую изъ Ростовской земли текутъ нѣсколько рѣкъ. Продолжателемъ дѣла Ярослава явился

¹⁾ Что христіанство въ то время существовало въ странѣ Мери, это доказываются курганами, въ которыхъ остовы лежали лицомъ на востокъ, въ которыхъ притомъ найдены монеты начала II вѣка вмѣстѣ съ христіанскими предметами, крестиками и образками. См. статью *гг. Уварова* о Мерѣ въ *Трудахъ 1-ю снзѣда.*

Владимиръ Мономахъ, который построилъ Владимиръ на Клязьмѣ. Мысль, руководившая основателя города, была та же, которая руководила Ярославомъ при постройкѣ Ярославля. Ярославъ взялъ въ свои руки сѣверный торговый путь Мери. Владимиръ хотѣлъ запереть и южный путь, ведущій на востокъ. Но, по видимому, мѣсто для построения города было выбрано неудачно. Ниже Владимира съ сѣвера впадаетъ еще нѣсколько рѣкъ; самая Нерль (Суздальская) впадаетъ десять верстъ ниже этого города. И вотъ является новый городъ на Клязьмѣ, Ярополчъ (нынѣшніи Вязники). Когда основанъ Ярополчъ—положительно не извѣстно. Но безъ сомнѣнія, онъ основанъ Ярополкомъ княземъ, какъ Ярославъ—Ярославомъ, Владимиръ—Владимиромъ и т. п. А этимъ краемъ владѣлъ только одинъ сынъ Монамаха. Стало быть, ему и нужно приписать построение Ярополча. Ярополчъ запираетъ путь въ Оку почти изъ всѣхъ сѣверныхъ притоковъ Клязьмы, изъ Нерли, Уводи, Тезы. Еслибы потомство Ярополка стало владѣть Мерскою землею, то очень вѣроятно, что Ярополчъ и остался бы центромъ княжеской власти въ сѣверо-восточной Россіи. Но Ярополкъ не долго княжилъ тамъ; послѣ него Мерская земля перешла во власть Юрія Долгорукаго, который избралъ своею резиденціей Суздаля. Юрій, кромѣ прежняго, еще новымъ способомъ укрѣпилъ свою власть въ краѣ. Владѣя всѣми новопостроенными городами и прибавивъ къ нимъ еще другіе новые города (Юрьевъ, Дмитровъ, Кснятинъ), все-таки по окраинамъ Мерской земли, Юрій задумалъ усилить свою власть посредствомъ призванія въ свое княжество колонистовъ изъ южной Россіи. Эта колонизація могла быть прежде объясняема только хозяйственными соображеніями Юрія, когда можно было еще говорить, что Ростовско-Суздальская земля была страной бѣдною и мало населенною, въ которой рѣдкое народонаселеніе было разсыяно по непроходимымъ лѣсамъ. Но теперь оказывается, что страна эта въ то время была и богата, и многолюдна, и даже лѣсовъ мѣстами имѣла не столько, какъ впоследствии ¹⁾. Десять тысячъ кургановъ, разрытыхъ въ пяти уѣздахъ, имѣютъ большой смыслъ. Курганы, уцѣлѣвшіе въ продолженіе тысячелѣтія, могли быть насыпаны только надъ знатными и богатыми людьми ²⁾. И Ибнъ-Фодланъ, разказывая о тор-

¹⁾ Потому что многіе курганы разрыты въ лѣсахъ, столѣтнія деревья покрывали самые курганы.

²⁾ Подобные курганы сохранились въ Весьегонскомъ уѣздѣ, и мѣстные крестьяне говорили Ф. Н. Глянкъ, что за насыпку самого меньшаго изъ нихъ въ теперешнемъ его видѣ нельзя взять менѣе 500 рублей.

жественномъ погребеніи умершаго въ Булгарѣ Русса, надъ которымъ былъ насыпанъ курганъ, прибавляетъ, что это былъ знатный человекъ. О другихъ онъ просто говоритъ, что ихъ только сжигаютъ, арабовъ даже и не сжигаютъ, а оставляютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ и собакамъ. Слѣды сожженія труповъ безъ насыпанія могилъ до сихъ поръ сохранились на финскомъ сѣверѣ, какъ показываютъ изслѣдованія г. Эйхвальда ¹⁾. Они сохранились также въ большомъ количествѣ и въ другомъ краю Россіи, гдѣ также по всѣмъ даннымъ было поселеніе Руси еще до начала Русскаго государства, именно въ Тмутаракани ²⁾ Гр. Уваровъ своими изслѣдованіями прямо приведенъ къ мысли, что Мерская земля была не только богата, но и многолюдна ³⁾.

Стало бытъ, Юрію заботиться объ увеличеніи богатства ⁴⁾ и народонаселенія Мерской земли, страны богатой и многолюдной, не было никакой надобности. И цѣль его при вызовѣ колонистовъ въ Суздальскую землю была другая. Она состояла въ томъ, чтобы мѣстному финскому населенію, упорно державшемуся своей старинны, своей вѣры, своей народности, противопоставить населеніе, чуждое мѣстныхъ преданій и тенденцій. Мѣстное населеніе слишкомъ ревниво относилось къ новой княжеской власти, которая въ этнографическомъ смыслѣ была уже властью чуждою. Еще раньше Юрія народность южнорусскихъ князей успѣла измѣниться вполне. Владиміръ Святой носилъ славянское имя и былъ сынъ отца, носившаго такое же имя; но при господствѣ язычества оба они оставались чистыми Руссами въ смыслѣ Ибнъ-Фодлана. Ихъ образъ жизни, сохраненный для насъ исторіей, убѣдительно говоритъ объ этомъ. И еще Владиміръ относился безразлично къ своимъ подданнымъ Славянамъ и Финнамъ. Этимъ только можно объяснить, почему онъ, ставя города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, набиралъ лучшихъ мужей не только отъ Славянъ, Кривичей, Вятичей, но и отъ Чуди ⁵⁾. Дѣло шло о защитѣ

¹⁾ См. Чудскія копи.

²⁾ См. *Ашика* Воспорское царство.

³⁾ См. *Труды 1-ю сѣзда*, стр. 666.

⁴⁾ Собственно говоря, увеличивать богатство страны есть надобность всегда и вездѣ до предѣловъ неограниченныхъ. Но въ то время соображенія этого рода были чужды правителямъ странъ.

⁵⁾ Это построеніе городовъ и переселеніе на югъ сѣвернаго населенія лѣтописецъ относитъ къ самому году крещенія Владиміра. Но это дѣло требовало, очевидно для своего исполненія не одного года, особенно, если мы вспом-

государства. Государство это началось въ Чудской странѣ, и въ столѣтній періодъ времени отъ Олега до крещенія Руси еще не получило вполне преобладающаго славянскаго характера. Славянскій элементъ получилъ окончательное преобладаніе только тогда, когда въ новокрещенную южную славянскую Русь принесены были славянскія церковныя книги, и отсюда распространились на всѣ части государства какъ славянскія, такъ и финскія. Съ этого времени, то есть, послѣ Владиміра, начинается построеніе южными князьями городовъ въ Мерской землѣ. Съ этого времени вступили между собою въ соперничество древняя Русь Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты и новая Русь—Кіевская. Уже Ярославъ, по всей вѣроятности, не имѣлъ ничего общаго съ древнею Русью. Уже онъ сознавалъ себя Русскимъ въ томъ смыслѣ, какъ теперь мы сознаемъ себя Русскими. Уже для него Русь была безповоротно Славянскимъ государствомъ, и интересы славянской Руси были единственными государственными интересами. Слѣдствіемъ этого и было то, что онъ рѣшился взять въ свои руки Мерскую землю уже не добромъ, а силою, для чего и былъ построенъ Ярославль ¹⁾. Юрій Долгорукій былъ еще болѣе чуждъ Мерской землѣ, чѣмъ Ярославъ. Онъ уже не довольствовался постройкою въ ней новыхъ городовъ. Онъ переселялъ въ нее колонистовъ, Славянъ. Въ славянствѣ думалъ онъ найти опору противъ мѣстной народности, и судя по всему, не ошибся. Въ то же время Юрій старался сломить

нимъ, что въ тотъ же годъ Владиміръ и осаждалъ Корсунь, и устроилъ свой бракъ съ царевною Анною, крестился самъ и крестилъ Кіевлянъ. Безъ сомнѣнія, постройка городовъ задумана, а можетъ быть, и начата раньше.

¹⁾ Есть одна темная подробность въ исторіи Ярослава. Это отношенія его къ брату Судиславу. Ярославъ 20 лѣтъ держалъ его въ порубѣ. За что? Лѣтописи говорятъ, что Судиславъ былъ оклеветанъ передъ братомъ. Въ чемъ состояла клевета? Въ Костромской губерніи есть городъ Судиславль. Къмъ, какимъ Судиславомъ поставленъ онъ? Во всей русской исторіи только одинъ князь носилъ это имя. Но имъ ли былъ построенъ Костромской Судиславль? А если такъ, то съ какою цѣлью? Не задумалъ ли обдѣленный братомъ Судиславъ стать во главѣ Мери для сопротивленія Ярославу? Судиславль стоитъ въ самомъ центрѣ тогдашней Мери, между Ростовомъ и Суздалемъ, съ одной стороны, и Галичемъ, съ другой. По крайней мѣрѣ, трудно думать, чтобы благодушный Ярославъ держалъ безъ достаточной причины брата въ тюрьмѣ. А въ такомъ случаѣ вина Судислава составляла бы истинную haute trahison въ глазахъ Ярослава. Что князья потомки Владиміра могли входить въ союзъ съ финскимъ населеніемъ противъ славянскаго, доказательствомъ этому служить тотъ фактъ, что Всеславъ Полоцкій еще въ 1069 году могъ вооружиться противъ Новгородцевъ въ союзъ съ Вождю.

силу и мѣстныхъ старыхъ родовъ, по всей вѣроятности, происходившихъ отъ древняго рода князей мерскихъ, одинъ изъ которыхъ княжилъ въ Ростовѣ при Ольгѣ. Въ Ростовско-Суздальской землѣ, дѣйствительно, былъ силенъ элементъ земскихъ владѣльцевъ, самостоятельный, опиравшійся на собственныя силы. Однимъ изъ такихъ мѣстныхъ владѣльцевъ былъ Кучка, владѣлецъ Москвы ¹⁾. Известно, какъ поступилъ съ нимъ и съ его дѣтьми Юрій. Самъ Кучка былъ убитъ, дѣти его оказались потомъ въ числѣ слугъ Юрія, а дочь выдана Юріемъ замужъ за сына, Андрея. Этотъ бракъ Андрея съ дочерью Кучки намъ кажется весьма краснорѣчивымъ фактомъ. Разчетливый Юрій, женивъ сына своего на дочери Кучки, не могъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ безъ важныхъ политическихъ соображеній. Лѣтописи называютъ Кучку бояриномъ. Но что могъ принести Юрію и его роду бракъ его сына съ дочерью одного изъ мѣстныхъ бояръ? Очевидно, что Кучка былъ не просто бояринъ; это былъ земскій владѣлецъ, самостоятельный и пользовавшійся въ краѣ значеніемъ, и владѣніе его, неизвѣстная до тѣхъ поръ Москва, была важнымъ политическимъ пунктомъ въ краѣ. Быть можетъ Кучка и былъ представителемъ правъ древнихъ мерскихъ князей. Что его владѣніе не было маловажнымъ пунктомъ, возникшимъ въ XII вѣкѣ или немного ранѣе, это доказывается нумизматическими данными. Въ самой Москвѣ, не говоря о ея губерніи, открыты два клада съ куфическими монетами: одинъ близъ Симонова монастыря, другой—на мѣстѣ храма Спасителя, когда рыли фундаментъ для этого храма въ 1837—1838 годахъ. Монеты, найденныя на мѣстѣ храма Спасителя, особенно важны по своему значенію. Онѣ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ арабскихъ монетъ, найденныхъ въ Россіи: одна относится къ 862, другая—къ 866 году. Любопытно, что мѣсто, на которомъ построенъ храмъ Спасителя, представляло при рытвѣ фундамента замѣчательную картину нѣсколькихъ слоевъ древностей, погребенныхъ одинъ подъ другимъ. Въ глубинѣ 9 аршинъ подъ поверхностью найдены кости мамонта, выше—арабскія монеты, еще выше—кладбище XIV вѣка, потомъ монеты XV и XVI вѣковъ, еще выше, подъ самою поверхностью—кладбище позднѣйшаго времени ²⁾.

¹⁾ Любопытно, что *moska* по фински значитъ куча (*Multitudo rerum neglecter conservatarum*, см. *Repuat*, *Lexic. linguae finnicae*). Не есть ли *самвлин* Кучекъ переводъ слова *moska*?

²⁾ *Савельевъ*, Мухом. Нумизм., стр. 123.

Тотъ фактъ, что въ самой Москвѣ найдены два клада въ разныхъ мѣстахъ, и монеты одного клада принадлежать къ IX вѣку, безъ сомнѣнія, указываетъ на значеніе Москвы въ самой глубокой древности. Очевидно, Москва принимала участіе въ сношеніяхъ Русовъ съ востокомъ; быть можетъ, она была мѣстопробываніемъ одного изъ тѣхъ русскихъ царей, о которыхъ говорятъ восточные писатели, и Кучка былъ потомкомъ этой, господствовавшей въ Москвѣ, династии. И для Юрія было важно, посредствомъ брака его сына съ дочерью Кучки, перенести на свой родъ права, принадлежавшія этой династии. Только такимъ образомъ и можно объяснить бракъ Андрея съ дочерью Кучки и послѣдующія отношенія его къ братьямъ ея, то, что одного изъ нихъ Андрей казнилъ, а другой самъ составилъ заговоръ съ цѣлью убить Андрея. Очевидно, сыновья Кучки не были довольны своимъ новымъ положеніемъ, чего, конечно, не было бы, еслибъ они просто были дѣтьми мѣстнаго боярина-землевладѣльца. Въ такомъ случаѣ родство ихъ съ Андреемъ и происходящая отсюда близость къ нему вели бы къ улучшенію, а не къ ухудшенію ихъ положенія и значенія.

Захватъ Юрія, образцомъ которыхъ служить для насъ захватъ Москвы у рода Кучки и переселеніе въ Мерскую землю южныхъ колонистовъ въ дѣйствительности, фактически укрѣпили власть южныхъ князей въ этой странѣ. Представители національной независимости должны были съ этихъ поръ видѣть, что дѣло ихъ проиграно навсегда. И вотъ произошелъ замѣчательный фактъ, память о которомъ сохранило преданіе. По этому преданію, при распространеніи въ Мерской землѣ христіанства, часть мѣстнаго населенія удалась изъ страны далѣе внизъ по Волгѣ и тамъ образовала черемисскую народность ¹⁾ или смѣшалась съ нею. Нѣтъ никакой причины не вѣрить этому преданію, оно очень согласно съ сущностью обстоятельствъ, среди которыхъ находилась Меря. Путь внизъ по Волгѣ ей былъ хорошо знакомъ, равно какъ были знакомы и страны, лежавшія между Ростовомъ и Булгаромъ, населенныя если не очень близкими, то, несомнѣнно, родственными ей народностями. Самое названіе Черемисъ

¹⁾ Космографія XVII в., не напечатанная, гдѣ говорится: «Черемисы, завоная Отяки, тое же глаголются ростовская чернь забѣгшихъ томе отъ русскаго крещенія и вселившихъ имъ въ болгарскихъ жилищъ.» *Корсаковъ*, Меря, стр. 31.

Мора, по мнѣнію Кастрена ¹⁾, есть тоже, что Мери, собственно „Меря“ есть передѣланное на славянской ладъ Мара.

Вопросъ въ томъ: когда произошло это выселеніе Мери на нижніе берега Волги? Ростовская чернь избѣгала крещенія. По извѣдѣніи о жизни первыхъ проповѣдниковъ христіанства въ Мерской землѣ мы можемъ заключить, что при нихъ оно было распространяемо исключительно средствами убѣжденія. Не христіанскіе проповѣдники преслѣдовали язычниковъ, а наоборотъ, сами подвергались гоненіямъ съ ихъ стороны. Θεодоръ и Иларіонъ были изгнаны, св. Леонтій былъ убитъ, а св. Авраамій провелъ „тридцать лѣтъ въ своихъ апостольскихъ подвигахъ, подвергаясь опасности со стороны язычниковъ“. Только во время Юрія Долгорукаго „христіанство окончательно утверждается въ Ростовско-Суздальской области“ ²⁾.

Къ этому-то времени и нужно отнести выселеніе Мери въ нижнія поволжскія страны. Приверженцы старинны, самостоятельности и язычества убѣдились, что и самостоятельность, и вѣра ихъ должны окончательно пасть, такъ какъ Юрій дѣйствительно успѣлъ взять въ свои руки Мерскую землю построеніемъ новыхъ городовъ въ прибавку къ тѣмъ, которые были построены Ярославомъ, Мономахомъ и Ярополкомъ, равно какъ и поселеніемъ южныхъ колонистовъ; вслѣдствіе этого язычники и переселились дальше на Волгу.

И только съ этого времени страна стала вполнѣ частью Русскаго государства, имѣвшаго центромъ Кіевъ. А до того времени она сохраняла свою особую этнографическую и политическую фizioномію, еще въ продолженіе 200 лѣтъ послѣ Ибнъ-Фодлана. Во время же Ибнъ-Фодлана принадлежность ея къ государству Кіевскому не только не могла быть извѣстна восточному путешественнику, видѣвшему Мерю въ Булгарѣ, но даже дѣйствительно не существовала.

Мы вошли въ это болѣе подробное разсмотрѣніе отношеній Мерской земли къ Кіевскимъ князьямъ, чтобы показать, что въ X вѣкѣ она не составляла части южно-русской Кіевской державы; что, стало быть, если арабскіе писатели называютъ ее Русью, то не потому, чтобы она составляла часть русской державы Кіевской, а по какой-нибудь другой причинѣ.

Для доказательства того, что страна средней Волги въ X вѣкѣ

¹⁾ Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, стр. 133. Кастрень сопоставляетъ мара съ персидскимъ māre.

²⁾ Слово г. Корсакова въ сочиненіи Мери, стр. 94.

представляла политическое тѣло, отдѣльное отъ Кіевскаго государства, арабскіе писатели представляютъ намъ новыя доказательства весьма краснорѣчивыя. Извѣстны разказы ихъ о трехъ походахъ Руссовъ на востокъ. Разказы эти давно извѣстны русскимъ ученымъ, и они заносятъ ихъ въ исторію Россіи, но не пытаются объяснить, кто же были эти Руссы, дѣлавшіе походы, на востокъ и почему походы ихъ, весьма значительные, оставались неизвѣстны на югѣ и не занесены въ нашу лѣтопись. Въ 913 или 914 году Руссы совершали походъ на востокъ въ числѣ 50.000 человекъ. Походъ этотъ огласился на всемъ востокѣ. О немъ сохранились извѣстія у Араба Масуди и Армянина Коганкотвади. А у насъ на Руси онъ остался совершенно неизвѣстнымъ даже современникамъ.

Другой походъ 944 года состоялся, вѣроятно, въ меньшихъ размѣрахъ. Руссы овладѣли страной по теченію рѣки Кура, три раза разбили войска мусульманъ, между прочимъ одинъ разъ разбили тридцатитысячный отрядъ, овладѣли городомъ (Бердаа), который считался однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ мусульманскаго міра, перенесли часть его жителей, и это также оставалось неизвѣстнымъ на Руси.

Въ третій разъ въ 969 году Руссы ограбили и разорили Булгаръ, Хозранъ, Итиль, Семендеръ; и это осталось неизвѣстно и не занесено въ нашу лѣтопись. Раньше этого Святославъ взялъ пограничное козарское укрѣпленіе Саркель. Это занесено въ лѣтопись; а черезъ нѣсколько лѣтъ разворена вся страна Козарская, при чемъ ограблена и разворена столица ея Итиль, и важнѣйшій торговый городъ Семендеръ, — объ этомъ молчатъ лѣтописи.

Это молчаніе лѣтописей только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что Русь восточныхъ писателей, страна средней Волги, Мерская и Муромская земля была въ то время государствомъ отдѣльнымъ отъ южной Руси.

На это же указываетъ и самое время походовъ Руси на востокъ. Въ 913 г. Игорь только что вступилъ на престолъ послѣ Олега. Тотчасъ воротились Древляне. Игорь немедленно (въ 914 году) пошелъ противъ нихъ. Въ слѣдующемъ году (915) пришли Печенѣги. Очевидно, они, какъ и Древляне, хотѣли попытать счастья при новомъ князѣ, надѣясь на его слабость. Игорь сотворилъ съ ними миръ.

А волжская Русь знать этого не знаетъ, торгуетъ съ востокомъ и идетъ въ походъ на Азербиджайнъ въ числѣ 50.000 человекъ.

Въ 943 году Игорь совокуплялъ вой для похода на Царьградъ;

въ 944 г. онъ совокупилъ ихъ и отправился въ походъ, чтобъ отомстить за прежнее положеніе. Но сѣверная Русь и этого не знаетъ, задумываетъ и исполняетъ свой походъ въ страну рѣки Бура.

Въ 968 году Святославъ былъ въ Дунайской Булгаріи, которая въ то время занимала всѣ его помыслы. Пришли Печенѣги и едва не взяли Кіева. Кіевляне послали извѣстить объ этомъ Святослава, который прибылъ и прогналъ Печенѣговъ въ поле. Въ это тяжелое для южной Руси время сѣверная Русь, не думая о южной, разоряетъ Булгарію и Козарію; Святославъ, въ свою очередь, проводя 969 г. въ Кіевѣ, не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ сѣверныхъ Руссовъ, дѣлитъ Россію между сыновьями и готовится къ новому походу на Дунай, куда онъ и отправился въ слѣдующемъ году.

Мы не говоримъ ничего о раннихъ походахъ Руссовъ на востокъ VII и IX вѣкахъ; тѣ походы доказываютъ гораздо больше того, что мы теперь имѣемъ въ виду. Мы имѣемъ въ виду только доказать, что сѣверная волжская Русь была въ X вѣкѣ независима отъ южной, составляла отдѣльное политическое тѣло. Такимъ образомъ, если Арабы въ X вѣкѣ называютъ страну средней Волги Русью, и жителей ея—Русью, то это не потому, чтобы жители ея были обрусѣвшіе, то есть, ославянившіеся Финны, и не потому, чтобъ она принадлежала южнымъ русскимъ князьямъ (ни того, ни другаго не было), а потому, что это имя принадлежало странѣ, какъ ея собственное имя, потому что въ X и XI вѣкахъ здѣсь жили Руссы. Это было ея генерическое, этническое имя, не занятое ею ни откуда, потому что и занять-то его было не откуда, такъ какъ въ Скандинавіи никогда, а на среднемъ Днѣпрѣ до конца IX вѣка такой страны не было.

Д. Шегловъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Н Ъ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СL XXXV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая, д. № 49—2)

1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра на-
роднаго просвѣщенія за 1874 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Отзывъ особой комиссіи, разсматривавшей сочиненіе Я. К.
Гуревича, удостоенное преміи императора Петра Великаго,
при третьють присужденіи ея въ 1876 году.

Первыя страницы русской исторіи. (Окон-
чаніе.) Д. Ф. Щеглова.

Городское населеніе Новгородской области
въ XVI вѣкѣ А. К. Ильинскаго.

Ведійскіе этюды В. Ф. Миллера.

Опыты по исторіи развитія христіанской
легенды. А. Н. Веселовскаго.

Русско-византійскіе отрывки В. Г. Васильевскаго.

О практическихъ упражненіяхъ при пода-
ваніи новой русской исторіи въ уни-
верситетахъ. А. Г. Бригнера.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заве-
деній: а) университеты.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

ПЕРВЫЯ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

XIX.

Мысль, высказываемая норманистами, что страну средней Волги Арабы называютъ Русью потому, что она принадлежала князьямъ варягорусскимъ, княжившимъ въ Кіевѣ, разсматриваемая только сама въ себѣ, является крайне несостоятельною. Положимъ даже, что Ростовъ, Суздаль, Муромъ и другіе города Поволжья и Поочья принадлежали Рюрику и его преемникамъ; положимъ даже, что тамъ не было своихъ князей; но и въ такомъ случаѣ обитатели этихъ городовъ не получили бы у Арабовъ имени Руссовъ, еслибы оно не принадлежало имъ раньше.

Для доказательства, или лучше сказать, для объясненія своей мысли норманисты прибѣгали къ разнымъ сравненіямъ, между прочимъ говорили, что еслибы какой-нибудь Нѣмецъ, русскій подданный, пріѣхалъ въ Кяхту торговать съ Китайцами, то у Китайцевъ онъ не могъ бы имѣть другаго имени, какъ „Русскій“. Китайцы не могли бы замѣтить того, что въ дѣйствительности онъ не Русскій, а Нѣмецъ; имъ было бы достаточно того, что онъ пріѣхалъ изъ Россіи, и они сочли бы его за Русскаго; это совершенно справедливо. Но на Волгѣ въ Булгарѣ и Итилѣ дѣло было не въ такомъ положеніи. Тамъ жители средней Волги были извѣстны гораздо раньше X вѣка; по мнѣнію Савельева, они начали торговать съ Востокомъ въ VIII вѣкѣ, а по мнѣнію гр. Уварова—въ VII. О нихъ на Востокѣ уже составилось опредѣленное понятіе, они уже имѣли тамъ какое-нибудь имя. Можно ли предположить, что съ того времени, какъ Рюрикъ прислалъ своего мужа въ Ростовъ, это имя вдругъ измѣнилось? Почему оно измѣнилось бы? Сказали ли жители средней Волги торговцамъ Булгара и Итиля:

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за май 1876 года.

до сихъ поръ вы звали насъ NN, теперь не зовите такъ, а зовите Руссами потому, что мы вошли въ составъ государства Варяго-Руссовъ? Или наконецъ, сами жители Ростова, Мурома, Курбан и пр. вдругъ перестали звать себя прежнимъ именемъ, а назвались Руссами? Развѣ это бываетъ? Греки за 150 лѣтъ до Р. X. потеряли свободу и вошли въ составъ Римскаго государства. Но имя свое они сохранили, и въ первые вѣка христіанства имя ихъ было еще болѣе извѣстно и славно, чѣмъ имя Римлянъ. Мало того, когда центръ Римской имперіи былъ перенесенъ въ Византію, жители Византіи, Греки, стали называть себя Римлянами; но тѣ народы, которые знали ихъ подъ именемъ Грековъ, не перемѣнили ихъ названія на своихъ языкахъ, и Византійскіе Греки только сами называли себя Римлянами, а западная Европа и Славяне звали ихъ Греками. Армяне 2000 лѣтъ назадъ потеряли свою независимость; съ XIV столѣтія они ни разу не возвратили ея себѣ. Но имя ихъ не исчезло ни на востокъ, ни на западъ. Теперь страна ихъ раздѣлена между Россіей и Турціей. Но ни Русскими, ни Турками не называютъ ихъ нигдѣ; ихъ довольно много въ Персіи, гдѣ они занимаются банкирскими дѣлами. Но и тамъ знаютъ ихъ подъ именемъ Армянъ, а не Русскихъ или Турокъ. Ломбардія и Венеція въ нашемъ столѣтіи до послѣдняго времени принадлежали Австріи; но кто и когда называлъ Ломбардцевъ и Венеціалцевъ Австрійцами, кто отказывалъ имъ въ имени Итальянцевъ? Ирландія 700 лѣтъ принадлежитъ Англіи, но не потерявъ своей народности, она не потеряла и имени. Корсика около 100 лѣтъ принадлежитъ Франціи, но стали ли черезъ это Корсиканцы Французами? Примѣры эти можно еще значительно умножить. Не дѣлая этого, обращаю вниманіе на слѣдующее. Положимъ, что въ наше время кто-нибудь станетъ описывать бытъ, нравы, обычаи, занятія Корсиканцевъ или Ирландцевъ, какъ Ибнъ-Фодланъ и Ибнъ-Даста описывали бытъ волжскихъ жителей; скажетъ ли онъ, что онъ описываетъ бытъ нравы и пр. Французовъ и Англичанъ? Или описывая бытъ Грузинъ, скажетъ ли кто-нибудь, что онъ описываетъ бытъ Русскихъ? Намъ скажутъ, что нынѣшній писатель, который возьмется за это дѣло, будетъ болѣе или менѣе чловѣкъ близкій къ наукѣ и знакомый съ этнографіей; онъ сумѣетъ отличить Грузина отъ Русскаго, Корсиканца отъ Француза, Ирландца отъ Англичанина. Ибнъ-Фодланъ, Ибнъ-Даста и другіе арабскіе писатели не были научнымъ образомъ столько образованы, какъ нынѣшніе писатели,—это правда. Но вслѣдствіе этой причины они могли развѣ не знать, что Поволжье подпало

подъ власть Руссовъ, но не должны были переимѣнять имя народа издавна извѣстнаго на востокѣ. Они должны были дать ему то имя, которымъ его называлъ въ то время востокъ. Востокъ не могъ называть его иначе, какъ тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ былъ ему извѣстенъ въ IX, VIII и VII вѣкахъ. И если онъ въ концѣ IX и въ X вѣкѣ называлъ ихъ Руссами, то это значитъ, что и въ началѣ IX и въ VIII и въ VII называлъ ихъ также Руссами. Къ такому заключенію приводитъ насъ разсмотрѣніе дѣла самого въ себѣ, послѣ того какъ разъяснено, что народъ, торговавшій въ VIII и IX вѣкахъ по нижней Волгѣ и дальше на востокѣ и называемый Арабами въ началѣ X вѣка Руссами, началъ эту свою торговую дѣятельность около двухъ вѣковъ раньше.

Къ тому же заключенію мы прійдемъ, если мы дадимъ себѣ трудъ обратить вниманіе на то, какъ вообще арабскіе писатели относятся къ названіямъ народовъ и странъ? Нужно замѣтить, что слово Русъ у нихъ собственно означаетъ не народъ Руссовъ, а страну; напри- мѣръ, по словамъ Ибнъ-Фодлана, Волга течетъ изъ Руса и Булгара: очевидно, тутъ рѣчь о странѣ, а не о народѣ.

XX.

Но у арабскихъ писателей есть одна особенность, рѣзко бросающаяся въ глаза. Названія странъ у нихъ остаются неизмѣнными, какимъ бы политическимъ переименіемъ онѣ ни подвергались; это отчасти объясняется цѣлями арабскихъ географовъ. Это были, какъ мы уже видѣли, описатели странъ, имѣвшіе первоначально въ виду распространеніе ислама съ оружіемъ въ рукахъ. Они главнымъ образомъ должны были знать и описывать страну, ея положеніе, разстояніе, климатъ и другія физическія свойства ея. Обитатели ея стояли для нихъ на второмъ планѣ. Переименіе именъ странъ повела бъ ихъ въ путаницѣ; потому-то разнымъ странамъ они и даютъ постоянно тѣ имена, подъ которыми они узнали ихъ первоначально. Такъ Испанію они узнали подъ именемъ Андалузій—имени, происшедшаго изъ имени Вандаловъ, владѣвшихъ частью ея. Испанія потомъ подпала подъ власть самихъ Арабовъ, и европейскіе писатели нашли для этого времени подходящее ей названіе—Кордовскій Калифатъ; но арабскіе писатели не знаютъ этого имени; они знаютъ свой неизмѣнный Андалусъ. Ибнъ-Хордадбегъ въ IX вѣкѣ, Масуди и Саидъ Ибнъ-Батрикъ въ X употребляютъ это имя. Испанія потомъ освободилась отъ ига мусульманъ. Въ XIV вѣкѣ Пиренейскій полуостровъ былъ занятъ

тремя могущественными христіанскими государствами Кастиліей, Арагоніей и Португаліей. Владѣнія магометанъ ограничивались въ то время только незначительною частью полуострова на югѣ, съ столицей Гренадою. Кордова, прежняя столица, которая однако тоже находится на югѣ Испаніи, уже въ XIII вѣкѣ была завоевана Кастильцами. Но Абульфедъ, писавшій свое географическое сочиненіе въ XIV вѣкѣ, не принимаетъ этого во вниманіе. Для него Испанія остается по прежнему Андалусомъ, хотя ему хорошо извѣстны политическія перемѣны, происходившія на полуостровѣ. Для него Андалусъ—это необходимый, неизмѣнный географическій терминъ, и къ Андалусу онъ одинаково относитъ и Саракосту, и Баршелуну, и Бургомъ, и Толантеле (Тоledo), и Кортобу, принадлежавшіе христіанамъ, и Малаку, и Горнату (Гренаду), принадлежавшія магометанамъ.

Тому же самому правилу они слѣдуютъ и вездѣ. Узнали они почему-то о Ломбардіи, вѣроятно, еще въ то время, когда она составляла могущественное королевство, то есть, въ VII и VIII вѣкахъ. Послѣ этого Ломбардія входила и въ составъ Франкскаго государства, и въ составъ королевства Италіи, входила въ составъ монархіи Оттона I, Германскаго императора, и раздѣлялась на отдѣльныя маленькія государства. Но для Арабовъ она оставалась тѣмъ же, чѣмъ и была, какъ они узнали ее первоначально; въ ихъ понятіи она оставалась прежнимъ могущественнымъ государствомъ, особою большою народностью, которую Масуди еще въ X вѣкѣ подъ именемъ Нукабарды ставитъ рядомъ съ Франками, Славянами, Турками, Хазарами, и наконецъ, Гогомъ и Магогомъ въ числѣ отдѣльныхъ представителей потомства Іафетова. Только Абульфедъ въ XIV вѣкѣ узналъ наконецъ, что Ломбардія есть только часть верхней Италіи, лежащая между Венеціей и Генуею ¹⁾.

Подобнымъ образомъ Арабы, знавшіе вѣроятно издавна Египетъ подъ его собственнымъ именемъ Мизраимъ (Мизра), сохраняютъ за нимъ это имя, не смотря ни на какія политическія перемѣны, которымъ онъ подвергался. Изъ-подъ власти Грековъ Египетъ перешелъ подъ власть преемниковъ Магомета,—тѣмъ не менѣе Арабы зовутъ его по прежнему Мизра; арабскіе государи отнимали его другъ у друга; онъ принадлежалъ и Багдадскимъ калифамъ, и Фатимидамъ. Тѣмъ не менѣе онъ все остается у нихъ Мисрою, не смотря на то, что во время господства Арабовъ арабская народность въ Египтѣ получила

¹⁾ См. *Рено*, т. II, стр. 308 и слѣд.

даже численный перевѣсъ надъ другими, такъ что Египеть дѣйствительно сталъ арабскою странюю и по правительству, и по массѣ жителей. Потомъ въ XII вѣкѣ Египеть подпалъ подъ власть Турокъ; но арабскіе писатели знаютъ его опять подъ именемъ Мисры ¹⁾).

Это-то свойство арабскихъ географовъ въ каждой странѣ видѣть прежде всего страну, а не жителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имя одинъ разъ усвоенное странѣ оставлять неизмѣннымъ, какимъ бы политическимъ перемѣнамъ она ни подвергалась, не позволило бъ имъ перемѣнить имя Поволжья и Поочья, еслибъ они даже и подпали подъ власть какого-нибудь другаго государства. И если они называютъ ихъ въ IX и X вѣкахъ Русью, то принимая во вниманіе, что востокъ еще въ VIII и даже въ VII вѣкѣ зналъ эту страну, мы должны думать, что и въ этихъ вѣкахъ она также называлась Русью и не могла называться иначе.

Это дѣлаетъ намъ понятнымъ, почему оріенталисты, не ослѣпленные норманскою теоріей и желаніемъ вести начало Русскаго государства отъ Германскаго племени, какъ Гаммеръ, Доссонъ и отчасти Хвольсонъ, въ волжской Руси арабскихъ географовъ видятъ самостоятельную Русь, получившую свое имя не въ XI вѣкѣ отъ какого-нибудь другаго народа, а получившую его гораздо раньше XI вѣка, потому что оно принадлежало ей какъ ея собственное имя. Оріенталисты знаютъ это свойство арабскихъ писателей, знаютъ, что они не перемѣнили бъ имени страны, орошаемой среднею Волгою и нижнею Окой, еслибъ она даже и подпала подъ власть какого-нибудь другаго народа.

Что имена странъ и народовъ нынѣшней и сѣверо-восточной Россіи, будто бы подпавшихъ подъ власть Норманновъ въ IX вѣкѣ, не перемѣнились въ это время на востокъ вообще, и въ частности, у арабскихъ писателей,—въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ одного отдѣльнаго факта, представляемаго въ сочиненіи Ибнъ-Фодлана. По его словамъ, въ трехмѣсячномъ разстояніи отъ Булгара живетъ народъ Вису, имя котораго въ другихъ арабскихъ рукописяхъ является въ видѣ Вишъ. Оріенталисты, начиная съ Френа, въ этомъ Вису, Вишъ согласно видятъ Несторову Весь, что дѣйствительно болѣе чѣмъ вѣроятно. Но вѣдь Весь, по словамъ Нестора и по ученію норманистовъ, еще раньше вошла въ составъ государства Варяго-Руссовъ (Норманновъ), чѣмъ Меря; Весь уже въ 862 г. досталась

¹⁾ Рено, II, 139 и слѣд.

Норманну Синеусу, а Меря только послѣ смерти Синеуса, послѣ 864 г., вошла въ составъ государства Рюрика (Синеусъ умре—и прія власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады: овому Подотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло озеро). Почему же ни болгарскій царь Балтаваръ, отъ котораго Ибнъ-Фодланъ получилъ извѣстія о Веси, ни самъ Ибнъ-Фодланъ, не называютъ Веси Руссами, а Мерю называютъ? Если Мерю они потому называютъ Руссами, что она въ то время входила въ составъ государства Руссовъ, то и Веси тогда же входила въ составъ его: они должны бѣ и ее называть Руссами. А если они не называютъ ея этимъ именемъ, то значить и Мерю они не потому называютъ Руссами, что она входила въ составъ государства Варяго-Русскаго, а по другой причинѣ,—потому, что это имя принадлежало ей раньше, какъ ея собственное, ни откуда не заимствованное.

XXI.

Подтвержденіемъ этой мысли служить еще одинъ замѣчательный, но до сихъ поръ недостаточно разъясненный фактъ изъ первоначальной русской исторіи, на который также проливаютъ свѣтъ извѣстія арабскихъ писателей.

Мы видѣли, что они помѣщаютъ Русь на средней Волгѣ. Но они не ограничиваютъ ее одною среднею Волгой. Изъ разказа Масуди о походѣ Руссовъ 914 года мы видѣли, что исходнымъ пунктомъ ихъ было Азовское море. Какъ они туда попали со средней Волги? Отвѣтъ на это мы находимъ у другихъ арабскихъ писателей. Руссы жили на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Тамъ они имѣли постоянную осѣдность, укрѣпленные пункты, имѣли тамъ городъ, который Димешки, Эдризъ, Али-бенъ-Саидъ и Ибнъ-ель-Варди называютъ „Русія“, что можетъ быть просто значить городъ русскій. Эдризъ точно опредѣляетъ положеніе этого города, говоря, что онъ лежитъ на большой рѣкѣ, вытекающей изъ горы Кукайя, и отстоитъ отъ Матехры (Тмутаракани) на 27 миль. Муккадези прибавляетъ, что мѣсто жительства Русскихъ находится на нездоровомъ островѣ, и что число ихъ простирается до 100 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, Масуди прямо говоритъ, что море Черное называлось моремъ Русскимъ, потому что, кромѣ Руссовъ, тамъ никто не плаваетъ. Извѣстіе Муккадези о числѣ жителей имѣетъ тотъ особый смыслъ, что уясняетъ характеръ русскихъ поселеній на Черномъ или Азовскомъ морѣ. Сто тысячъ человѣкъ, очевидно, не могутъ, или по крайней мѣрѣ, не могли составлять особой народности въ X вѣкѣ на берегу Чер-

наго или Азовскаго моря. Это, очевидно, только колонія другаго народа: изъ стотысячнаго населенія, очевидно, нельзя бы было набрать пятидесятитысячное войско, какое съ береговъ Азовскаго моря въ 914 году отправилось въ Каспійское море.

Очевидно, населеніе этой колоніи состояло главнымъ образомъ изъ взрослыхъ мужчинъ, какъ впоследствии въ Тмутаракани, и временныхъ обитателей береговъ моря, пришедшихъ сюда изъ своей метрополи, изъ страны, лежавшей по средней Овѣ и Волгѣ. Существованіе южной приморской Руси не отвергаютъ ни защитники норманской теоріи, ни изобрѣтатели Приднѣпровской Руси. Г. Геденовъ собралъ много извѣстій греческихъ, арабскихъ, русскихъ, даже западныхъ касательно ея существованія ¹⁾. Г. Соловьевъ, приведа также нѣсколько свидѣтельствъ арабскихъ и греческихъ, прибавляетъ: „Такія согласныя свидѣтельства оспаривать трудно, а главное нѣтъ нужды“ ²⁾. Потому и я не буду доказывать существованіе южной приморской Руси. Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, какимъ образомъ пала туда эта Русь. Ни норманская, ни средне-днѣпровская теорія не могутъ удовлетворительно объяснить этого. Норманисты говорятъ, что эта Русь—Тмутараканское княжество—было завоевано Святославомъ во время его похода на Кавказъ. Но, во первыхъ, это—только предположеніе, не подтверждаемое словами лѣтописи, а во вторыхъ, этому противорѣчитъ свидѣтельство Масуди, что еще въ 914 году Руссы отсюда, съ береговъ Азовскаго моря, отправились въ походъ на востокъ, этому же противорѣчитъ и письмо Цимисхія къ Святославу, гдѣ говорится, что отецъ Святослава Игорь, будучи разбитъ Греками, съ десятью лодками убѣжалъ къ Восфору Киммерійскому. Эти слова показываютъ, что въ Восфорѣ Киммерійскомъ уже въ то время было мѣсто, гдѣ Русскій князь могъ найти пристанище, то есть, было русское владѣніе. По мнѣнію г. Геденова, Руссы-Славяне также присоединены вполне къ Днѣпровской Руси при Святославѣ, хотя обитали они тамъ еще ранѣе ³⁾, но какъ они туда попали, почему они предпочли Восфоръ устью Днѣпра или какому-нибудь другому мѣсту болѣе близкому къ Кіеву, этого г. Геденовъ не объясняетъ, и объяснить это едва ли возможно.

Между тѣмъ существованіе Руси на средней Волгѣ и Овѣ легко

¹⁾ Отрывки изъ извѣд. о варяж. вопросѣ, стр. 53 и слѣд.

²⁾ Исторія Россіи, т. I, 337 (изд. IV-e).

³⁾ Тамъ же, стр. 66 и слѣд.

разъяснить дѣло. Здѣсь жило Финское племя; оно заселяло не только Волгу, Оку и ихъ притоки, но и верховья Дона и лѣвыхъ притоковъ его въ нынѣшнихъ губерніяхъ Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской. Еще до сихъ поръ остатки Финскаго племени существуютъ почти во всѣхъ этихъ губерніяхъ; даже въ Астраханской губерніи до сихъ поръ сохранилась Мордва. По верховьямъ Дона и притокамъ его въ губерніяхъ Тульской, Рязанской и Тамбовской сохранились старыя городища и курганы ¹⁾, которые указываютъ на связь прежняго населенія этого края съ Руссами средней Волги и Оки. Еще болѣе остатковъ старинныхъ поселеній было въ этомъ краю въ XIII вѣкѣ, какъ видно изъ путешествія митрополита Пимена, описатель котораго, діаконъ Игнатій, именно свидѣтельствуетъ о древнихъ поселеніяхъ по берегамъ Дона, уже въ то время приходившихъ въ запустѣніе. Руссы, которые ѣздили на своихъ лодкахъ до Персін и Адербиджайна, могли ль оставить безъ своихъ посѣщеній страну, лежащую по нижнему теченію Дона, котораго верхнее теченіе они уже населяли? Разумѣется, нѣтъ; и результатомъ этого было то, что они рано узнали устье Дона и Азовское море. Азовское море выѣстъ съ Чернымъ представляло имъ широкое поле и для торговли, и для грабежа. Сѣверные и южные берега Чернаго моря были покрыты богатými, но худо защищенными греческими городами. И вотъ они позаботились даже приобрести себѣ точку опоры, вслѣдствіе чего и явился городъ Русія, потомъ исчезнувшій съ лица земли, а затѣмъ—Тмутаракань. Самое имя Тмутаракани, напоминаетъ города, основанные въ странѣ Финскаго племени, какъ *Тамбовъ*, *Елатъма*, *Темниковъ*, *Тотъма*, равно какъ нѣкоторыя рѣки, впадающія въ Волгу, какъ *Тъма*, *Тъмака*, и проч. ²⁾. Сообщеніе центральной Руси съ приморскою производилось посредствомъ южныхъ притоковъ Оки и Волги, посредствомъ волоковъ и притоковъ Дона, равно и посредствомъ самаго

¹⁾ См. списки населенныхъ мѣстъ губерній: Тамбовской и Рязанской и статью *Гусеонова* въ *Трудахъ 1-го съезда* о древностяхъ въ Веневскомъ и ближайшихъ къ нему уѣздахъ.

²⁾ Любопытно, что и лежащая противъ Тмутаракани Керчь прежде носила имя, которое, по видимому, финскаго происхожденія. Надпись на Тмутараканскомъ камнѣ начинается такъ: Мърилъ князь Глѣбъ по леду отъ *Кърчева* до Тмутаракани. Имя *Кърчевъ* есть то же, что *корчева*, имя города Тверской губерніи. Кажется, оба они происходятъ отъ мордовскаго *Керже*, лѣвый, отъ котораго происходитъ также названіе рѣки *Керженца*. Керчь, если смотрѣть на нее изъ Тмутаракани, действительно была отъ нея влѣво.

Дона. Что этотъ путь дѣйствительно существовалъ и былъ извѣстенъ еще во времена сравнительно позднія, это доказывается какъ путешествіемъ митрополита Пимена, такъ и тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что со времени раздѣленія Руси на удѣлы Тмутаракань обыкновенно была соединена съ Рязанско-Муромскимъ княжествомъ, вслѣдствіе чего и могло появиться недоразумѣніе, что Тмутаракань была на мѣстѣ Рязани. Только водное сообщеніе по притокамъ Оки и Дона сокращало разстояніе между Рязанью и Тмутараканью. Еслибъ его не было, то въ Тмутаракань было бы гораздо удобнѣе ѣхать изъ Переяславля или изъ Чернигова, чѣмъ изъ Рязани или Мурома, и она была бы причислена къ какому-нибудь изъ этихъ княжествъ, а не къ Рязани. И это соединеніе ея съ Рязанью, равно какъ существованіе воднаго сообщенія между ними, указываетъ на то, что Тмутаракань колонизована не съ береговъ Днѣпра, а съ береговъ Оки. Къ той же мысли приводитъ и еще одинъ фактъ, который до сихъ поръ не объясненъ удовлетворительно. Въ 834 году Хозары, которые гораздо раньше этого вступили довольно въ близкія сношенія съ Византіей, просили императора Теофила помочь имъ въ постройкѣ крѣпости. Императоръ прислалъ имъ строителя Петрона, который съ своими людьми прибылъ въ Донъ и построилъ крѣпость Саркель. Противъ кого назначалась эта крѣпость? Эверсъ думаетъ, что назначеніемъ ея было охранять Казарію отъ Печенѣговъ и держать въ повиновеніи отдаленныя Славянскія земли, платившія дань Хозарамъ, но самъ же находитъ, что столь незначительная крѣпость не могла достигнуть этихъ цѣлей. Намъ кажется, что цѣль эта была недостижима еще по другой причинѣ: отъ Славянъ, обитавшихъ по Днѣпру, Сожи, верховьямъ Оки, крѣпость была очень отдаленна; а Печенѣги не были народомъ мореходнымъ, не по Дону они должны были ѣхать, чтобы нападать на Хозарскую землю. И гдѣ они жили въ первой половинѣ IX вѣка? Между Дономъ и Днѣпромъ жили еще Угры; а Печенѣги жили дальше ихъ къ востоку. И только въ 898 году, гонимые изъ страны между Дономъ и Днѣпромъ Печенѣгами, Угры прошли мимо Кіева. Только тогда Печенѣги заняли ихъ мѣсто; да и то еще неизвѣстно, перешли ли они совсѣмъ за Донъ, къ западу отъ него, или отчасти кочевали и къ востоку отъ Дона.

Между тѣмъ существованіемъ Руси на нижней Окѣ, средней Волгѣ и по всему пространству отъ Оки до южныхъ степей легко объясняется построеніе Саркела. Руссы, по словамъ Табари, были врагами всему міру. Также изображаетъ ихъ и патриархъ Фо-

тій. Что они нападали на Византійскія и Козарскія владѣнія, мы это знаемъ. На Византію они нападали изъ устьевъ Дона и изъ Азовскаго моря, на Козаръ и вообще на побережье Каспійскаго моря— съ Волги и съ Дона. Руссы были судоходы. Если они на кого -нибудь нападали, то нападали на кораблихъ. Если они предпринимали походъ на Греческую имперію, то изъ верховьевъ Дона и его притоковъ суда ихъ спускались къ Азовскому морю и грабили берега Крыма или Малой Азіи (см. житія Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго). Впослѣдствіи, когда они овладѣли Днѣпромъ, то изъ устьевъ Днѣпра они предпринимали походъ на самую Византію (походы Олега и Игоря). Но въ 834 году они еще не владѣли Днѣпромъ; и вотъ Козары и Греки придумали удерживать ихъ посредствомъ крѣпости, построенной на Дону въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ притоки его, кромѣ Донца (а на Донцѣ Руссы не жили), уже соединились съ нимъ. Всякое русское судно, спускавшееся къ морю, должно было проѣхать мимо Саркела, стало быть, могло быть болѣе или мѣнѣе удержано. Построеніе Саркела было болѣе выгодно для Грековъ, чѣмъ для Козаръ, такъ какъ въ страну Козаръ Руссы могли вторгаться другимъ путемъ. И этимъ преимущественно нужно объяснять, что Греки такъ охотно построили ее, а не искусствомъ Козаръ въ этомъ дѣлѣ. Построить крѣпость въ родѣ тѣхъ, какія существовали въ IX вѣкѣ, Козары безъ сомнѣнія могли, какъ могли они укрѣпить Итилъ. Но крѣпость на Дону была нужна не столько имъ, сколько Грекамъ. Съ тѣхъ поръ Руссы не могли такъ легко нападать на Византійскія владѣнія по берегамъ Чернаго моря. И быть можетъ, это затрудненіе, сдѣланное Руссамъ, и было причиною того, что они рѣшились овладѣть другимъ путемъ къ Черному морю, Днѣпромъ, что они и сдѣлали. Дѣйствительно, первыя владѣнія Руссовъ на Днѣпрѣ ограничивались только теченіемъ самого Днѣпра. Страны, лежавшія по правымъ и лѣвымъ притокамъ его, покорены уже послѣ. И первыя дѣйствія Руссовъ послѣ того, какъ они овладѣли теченіемъ Днѣпра, были продолженіемъ предыдущихъ дѣйствій. Походы Олега и Игоря были такими же походами, какъ походъ Бравалина или походъ 861 г., только въ увеличенныхъ размѣрахъ. И это болѣе раннее появленіе Руси на устьяхъ Дона, на Азовскомъ морѣ, на берегахъ Крыма и Малой Азіи доказываетъ, что Русь Черноморская существовала раньше Руси Кіевской, что, стало быть, она не могла быть колоніей Кіева, а была колоніей какой-нибудь другой Руси, существовавшей раньше.

XXII.

Вопросъ о томъ, когда въ первый разъ проявила себя Русь въ нынѣшней Россіи, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ ея, въ Киевѣ ли, на Волгѣ ли, или на Азовскомъ морѣ, есть одинъ изъ самыхъ капитальныхъ въ общемъ вопросѣ о началѣ Руси, не только въ хронологическомъ, но и въ этнографическомъ отношеніи. Если Руси не было ни на Волгѣ съ Окою, ни на Азовскомъ морѣ до Рюрика, то конечно, оказавшаяся потомъ тамъ Русь можетъ быть производима отъ Несторовой варяжской Руси. Если жъ она проявила себя раньше Рюрика, то производить ее отъ Несторовой Руси будетъ уже нельзя, хотя норманисты, предвидя, что рано или поздно дѣло до этого дойдетъ, уже приготовили себѣ отступленіе, и притомъ не одно. Норманисты защищаютъ свою теорію, какъ хорошей полководецъ защищаетъ вѣренную ему страну. Побѣжденные на одной позиціи, они отступаютъ и укрѣпляются дальше на другой; выбитые изъ этой, они укрѣпляются въ третьей. Собственно Несторовой Руси такой же, какъ Гте, Агвяне, Сvei и Урмане, уже давно не оказалось. Это знали еще первые изслѣдователи вопроса, Тунманъ и Шлецеръ, и потому объясняли Несторову Русь Рослагеномъ, и Рослагенъ оказался неудовлетворительнымъ. Тогда на подкрѣпленіе явились гребцы Rodhsî. Теперь и Rodhsî оказались несостоятельными. И въ этомъ мѣстѣ теоріи образовалась брешь, еще не задѣланная. Шлецеръ нашелъ несогласнымъ съ легендой о признаніи существованія Киевской варяжской Руси. И Киевскую Русь онъ призналъ Русью *sui generis*. Г. Соловьевъ сознаетъ, что хронологія нашей лѣтописи не можетъ удовлетворить изслѣдователя, и требуетъ, чтобы вопросъ о призваніи лѣтописи былъ отдѣленъ отъ хронологическихъ данныхъ лѣтописи. Такимъ образомъ, когда и будетъ доказано, что Русь существовала въ Россіи раньше 862 г., и въ такомъ случаѣ норманисты могутъ еще утверждать, что все-таки эта Русь была норманская. Г. Кунинъ, по видимому, не согласенъ съ этимъ; онъ приготовилъ другой путь отступленія и еще защищаетъ прежнюю позицію. Извѣстію Табари о Руси VII вѣка онъ не вѣритъ; а еслибъ оно оказалось справедливымъ, то онъ заранѣе объявляетъ Руссовъ Табари Русью *sui generis*. Эта „Русь *sui generis*“, то-есть, признаніе ее норманистами служить, по нашему мнѣнію, весьма замѣчательною характеристикой норманской теоріи. Норманская теорія походитъ на того человѣка классической притчи, который оказалъ услугу

самой смерти, за что смерть обѣщалась не приходить къ нему, не предупредивъ его напередъ черезъ особеннаго близкаго ей посланца. Наконецъ смерть пришла, и услужившій ей человекъ обратился къ ней съ упрекомъ: зачѣмъ она не предупредила его? „Какъ не предупредила“, отвѣчаетъ смерть; — „еще пять лѣтъ назадъ я послала къ тебѣ лихорадку, мою племянницу, потомъ послала кровавый поносъ, который мнѣ двоюродный братъ; наконецъ я послала къ тебѣ чахотку, которая мнѣ родная сестра“.

Эта Русь *sui generis* — предвѣстница смерти норманской теоріи. Истина имѣетъ свойство пробиваться наружу. Несторъ, или точнѣе, позднѣйшій сводчикъ лѣтописей, затемнилъ ее своею теоріей, и теорію его приняли. Но то изъ одного, то изъ другаго источника являются факты несогласные съ нею. Для устраненія этихъ не желанныхъ въ теоріи фактовъ и прибѣгаютъ къ Руси *sui generis*. Между тѣмъ Русь *generis nestoriani* нигдѣ не оказывается. И вообще теорія не укрѣпляется, но слабѣетъ. Подпоры ея мало по малу падаютъ. Упалъ Рослагенъ, упали Rodhsi, упалъ норманизмъ въ нарицательныхъ именахъ и отчасти въ собственныхъ, и кончится все это тѣмъ, что Русь норманская сама должна будетъ упасть и уступить свое мѣсто одной изъ Русей *sui generis*.

Такою Русью, конечно, можетъ быть только дѣйствительная Русь, о которой мы имѣли бы положительныя и достовѣрныя извѣстія, а не одни предположенія, какъ о Руси днѣпровской. Такая Русь давно извѣстна. Ее зналъ Эверсъ. За невниманіе къ ней онъ упрекалъ еще Карамзина. Но въ то время эта Русь опиралась только на литературныя свидѣтельства, да и то на немногія и не самыя важныя. Потомъ открыты были Ибнъ-Фодланъ, Ибнъ-Даста, раскопаны курганы, комментаріи къ этимъ писателямъ. Но послѣдователи безвѣстнаго сводчика утверждаютъ, что все это десятый вѣкъ, что и въ курганахъ погребены Норманны ¹⁾, такъ что дѣло остается, по видимому, въ прежнемъ положеніи, то-есть, что нѣтъ еще будто бы никакихъ указаній на Русь иначе, какъ въ Скандинавіи, а въ Россіи не было Руси до второй половины IX вѣка. Не возвращаясь болѣе къ результатамъ археологическихъ и нумизматическихъ изслѣдованій, что народъ, называвшійся на востокѣ Руссами, жилъ на средней Волгѣ и даже торговалъ съ востокомъ еще въ VIII и даже VII вѣкѣ,

¹⁾ Графъ Уваровъ, кромѣ собственно мерскихъ кургановъ, нашелъ на берегахъ Волги еще курганы норманскіе.

обратимся къ письменнымъ источникамъ, указывающимъ на Русь въ нынѣшней Россіи до 862 года. Къ нимъ принадлежатъ извѣстія Табари и житія св. Кирилла и Стефана Сурожскаго.

Атъ-Табари прямо свидѣтельствуеть, что еще въ VII вѣкѣ Руссы опустошали страны, лежація у подошвы Кавказа; его свидѣтельство сохранилось не въ видѣ какой-нибудь бѣглой случайной замѣтки. Онъ обстоятельно говоритъ объ отношеніяхъ Дербентскаго владѣтеля Шахриара къ Арабамъ, которымъ онъ предложилъ вмѣсто дани защищать страны ислама отъ нападенія Руссовъ. Но Табари не вѣрять; почему? Г. Куникъ не вѣрять потому именно, что онъ дошелъ до насъ не въ подлинникѣ, а въ персидскомъ переводѣ и въ сокращеніи. Но тутъ нѣтъ причины отказываться отъ извѣстія, которое само по себѣ достовѣрно. Подобнымъ образомъ Эверсъ въ первый разъ узналъ о волжскихъ Руссахъ изъ персидскаго перевода Истахри; и что же? сообщенныя въ переводѣ свѣдѣнія оказались ли ложными? Нисколько; они оказались тѣми же самыми, которыя содержатся и въ подлинномъ сочиненіи Истахри, у Гаукаля и другихъ. Восточные писатели относились съ уваженіемъ къ литературному дѣлу; переводчикъ и эпитоматоръ не позволяли себѣ произвольно измѣнять смыслъ подлинника. Если это бывало, то не вслѣдствіе легкомысленнаго отношенія къ дѣлу, а вслѣдствіе недостаточныхъ или невѣрныхъ свѣдѣній переводчика или эпитоматора. Но Табари или его эпитоматоръ вообще весьма правильно представляли себѣ положеніе того края, о которомъ они говорили. Владѣтель Дербента въ VII вѣкѣ, по ихъ словамъ, находился между двумя врагами — Хазарами и Руссами. Что Хазары жили близь Дербента, это мы знаемъ; что Руссы жили на берегу Чернаго и Азовскаго моря, именно близь устья Кубани, это мы также знаемъ; что Руссы были врагами всему міру, какъ говоритъ Табари, это также вѣрно. Намъ извѣстно, что они дѣйствительно нападали и на Персію, и на Гилянъ, и на Хазарію, на Булгарію, Крымъ, Малую Азію, Византію. Вообще, у Табари нѣтъ ни одного извѣстія, которое было бы неправдоподобно; нѣтъ ни одного даннаго, гдѣ было бы видно его незнаніе.

Заподозривается еще ¹⁾ извѣстіе Табари о Руссахъ, потому что его разказъ о Руссахъ приведенъ въ формѣ разговора между Шахриаромъ и Абдуррахманомъ, арабскимъ полководцемъ. Но это только особенная форма историческаго изложенія. Подобныхъ сочиненныхъ

¹⁾ У г. Гаркави.

разговоровъ множество у писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ; но въ нихъ сочинена только форма, а сущность не сочинена. У нашего лѣтописца вездѣ подобныя разговоры, начиная съ знаменитаго: „Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ“. И еслибы не было другихъ причинъ отвергать призваніе князей, то мы не сдѣлали бы этого потому только, что разказъ о немъ изложенъ въ діалектной формѣ. Въ разказѣ о смерти Бориса самому Борису приписывается разговоръ съ дружиной, а Святополку—разговоръ съ Пуштой и Вышеградскими боярами. Но эта форма нисколько не заподозриваетъ того факта, что Борисъ не хотѣлъ вооружиться на брата, а Святополкъ замыслилъ убить его и привелъ въ исполненіе свой замыселъ. Подобнымъ образомъ мы вѣримъ и Табари, если находимъ, что разказъ его по сущности своей правдоподобенъ и согласенъ съ извѣстіями другихъ источниковъ.

Мы не находимъ никакой причины отвергать даже свидѣтельство персидскаго историка Шагирь-Эддина, говорящее, что въ VI вѣкѣ Руссы платили дань Персидскому царю Нуширвана. Это извѣстіе, какъ и извѣстіе Табари, противорѣчитъ только нашей нескладной легендѣ о призваніи, а никакому дѣйствительному историческому факту или извѣстію не противорѣчитъ.

Далѣе, въ житіи св. Кирилла, просвѣтителя Славянъ, говорится, что раньше 860 года, когда онъ занялся переводомъ священныхъ книгъ, онъ былъ въ Хазаріи и на пути туда въ Херсони, въ Крыму. Здѣсь онъ видѣлъ евангеліе и псалтырь, писанные „роишькими письмени“, и нашелъ человѣка, который понималъ эти письма. Извѣстіе это считаютъ подложнымъ (Бодянский и др.)¹⁾. На какомъ основаніи? Все на томъ же, что раньше 862 года Руссовъ не было въ Россіи. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія норманской теоріи это извѣстіе должно быть отвергнуто. Раньше 860 года не было Руссовъ въ Россіи, стало быть не для кого тамъ было существовать переводу на русскій языкъ и священныхъ книгъ. Это извѣстіе одинаково несогласно ни съ скандинавскою, ни съ днѣпровскою теоріей. Норманистъ долженъ отвергнуть его потому, что тутъ подразумѣвается Русь въ Россіи до 862 года, а также и потому, что Скандинавы до начала XI вѣка не были христіанами и до XVI вѣка не имѣли перевода священныхъ книгъ на свои языки. Гг. Гедеоновъ и Иловайскій должны отвергнуть его

¹⁾ Недавно открытъ и арабскій текстъ сочиненія Табари, но что это за текстъ, какое его содержаніе и происхожденіе, пока неизвѣстно.

потому, что Славяне до 860 года не имѣли перевода священныхъ книгъ.

Это извѣстіе согласно только съ извѣстіями арабскихъ писателей о Русн Волжской и Черноморской, съ курганными раскопками и съ нѣкоторыми другими историческими данными. На Волгѣ и Азовскомъ морѣ была Русь. Эта Русь была языческая. О ея религіи мы имѣемъ извѣстія Ибнъ-Фодлана. Но раскопки кургановъ между Волгой и Окой показали замѣчательный фактъ, до тѣхъ поръ даже не подозреваемый историками. Во многихъ курганахъ покойники найдены погребенными по христіанскому обычаю, лицомъ на востокъ, и кромѣ того, найдены предметы, показывающіе, что покойники принадлежали къ христіанской вѣрѣ, крестики, образки и т. п. ¹⁾.

Графъ Уваровъ, единственный пока изслѣдователь касательно этого предмета, думаетъ, что и способъ погребенія, и находеніе въ курганахъ христіанскихъ предметовъ, не имѣютъ того значенія, чтобы погребенные въ этихъ курганахъ принадлежали къ христіанской вѣрѣ. Въ своей мысли онъ основывается, главнымъ образомъ, на томъ, что въ такихъ могилахъ, вмѣстѣ съ крестиками и образками, находятся другіе предметы изъ домашней утвари, и между прочимъ, оружіе. Онъ говоритъ, что новообращенные не поставили бы въ могилу христіанина домашнюю утварь и оружіе. Отъ чего же? Утварь и оружіе были полагаемы въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ не въ видѣ какого-нибудь религіознаго символа, а только какъ принадлежность званія человѣка. У насъ покрываютъ же лошадей, везущихъ покойника, бумажными щитами съ изображеніемъ герба покойника и впереди погребальной колесницы несутъ подушки съ его орденами. Конечно, этотъ обычай не совсѣмъ согласенъ съ духомъ христіанства; но и языческаго въ немъ ничего нѣтъ. Это проявленіе обыкновенной человѣческой суетности. Отъ чего же не возможно было проявленіе этой суетности и у обитателей средней Волги? Отъ чего знаменитый воинъ христіанинъ не могъ быть положенъ съ мечемъ или топоромъ, хорошій стрѣлокъ—съ лукомъ и стрѣлами, франтъ съ браслетомъ на рукѣ и серьгой въ ухѣ, купецъ—съ вѣсами и гирями, домовитая хозяйка—съ ключами или серпомъ, кухонною посудой или иглой, шорникъ—съ шиломъ и т. д., когда все это составляло общій народный обычай этой страны?

Еслибъ и дѣйствительно въ могилахъ съ христіанскими предме-

¹⁾ Мереже и ихъ бытъ, гр. Уварова, въ *Трудахъ 1-ю Арх. съезда*, 688—697.

тами найдены были какіе символы язычества, и въ такомъ случаѣ это не имѣло бы того значенія, какое гр. Уваровъ приписываетъ домашней утвари и оружію. Извѣстно, что погребальныя языческіе обычаи долгое время удерживались во многихъ странахъ послѣ обращенія ихъ къ христіанству. Объ этомъ сохранились многочисленныя свидѣтельства. Лютичи долгое время на могилахъ покойниковъ бросали кучи хвороста, Чехи, спустя 200 лѣтъ послѣ принятія христіанства, еще хоронили покойниковъ въ дѣсахъ и поляхъ, а не близъ церкви, какъ требовало духовенство; похороны сопровождалсь тризной и языческими играми. У насъ еще Стоглавый соборъ вооружался противъ тризны и игръ на могилахъ покойниковъ. Владиміръ Свѣтѣй былъ вынесенъ изъ дома, въ которомъ умеръ, по языческому обычаю, черезъ разломанный полъ ¹⁾. Въ Галицкой Руси еще въ XVI вѣкѣ самъ христіанскій священникъ давалъ въ руки покойнику „первозпую монету“ ²⁾.

Что касается до того, что нѣкоторые христіанскіе курганы на Волгѣ находятся въ одномъ мѣстѣ съ языческими, это не можетъ ввести насъ въ недоумѣніе, послѣ того какъ мы знаемъ, что во всѣхъ почти странахъ первоначально христіанскіе покойники погребались на старыхъ языческихъ кладбищахъ. Самому гр. Уварову извѣстно увѣщаніе Вамбергскаго епископа Оттона, обращенное къ христіанамъ Поморьямъ (Лютичамъ) о томъ, чтобъ они не хоронили своихъ покойниковъ на языческихъ кладбищахъ. Но онъ выводитъ изъ него то заключеніе, что этого совмѣстнаго погребенія христіанъ и язычниковъ не могло быть у обитателей Волги. Напротивъ, оно доказываетъ лишь то, что новообращенные христіане сами по себѣ не только безразлично относились къ мѣсту погребенія, но даже предпочитали старыя языческія кладбища. Нельзя же думать, чтобъ увѣщаніе епископа Оттона къ Поморьямъ было извѣстно у христіанъ на Волгѣ и даже имѣло ожидаемое имъ дѣйствіе. Притомъ не надобно забывать, что увѣщаніе Оттона относится къ XII вѣку, а средне-волжскіе курганы во всякомъ случаѣ относятся ко времени болѣе раннему.

У христіанъ на Волгѣ это погребеніе покойниковъ на языческихъ кладбищахъ тѣмъ естественнѣе, что откуда бы они ни приняли христіанство, во всякомъ случаѣ страна ихъ была далека отъ своей ре-

¹⁾ См. *Котляревскаго*, Погреб. об. Слав., 124 и другія.

²⁾ Тамъ же, 152.

лигиозной метрополи. Въ Скандинавіи въ самой до VI вѣка господствовало язычество. Слѣдовательно, ближайшими христіанскими странами къ средней Волгѣ были Закавказье и Византійская имперія; но ближайшія они все-таки сравнительно, а разсматриваемыя безотносительно, они были очень отдалены отъ средняго теченія Волги. Очень вѣроятно, что тамъ не было и правильно организованной іерархіи, что тамошняя іерархія, священники, были туземнаго происхожденія, слѣдовательно, сами не были чужды остатковъ языческихъ вѣрованій.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ нельзя допустить того, чтобы присутствіе въ курганахъ крестиковъ и образковъ не имѣло того значенія, которое съ ними соединено какъ съ символами христіанства. Носятъ ихъ какъ простыя украшенія, какъ предполагаетъ гр. Уваровъ, могли какіе-нибудь дикари Океаніи въ XVII и XVIII вѣкѣ, не имѣя никакого понятія о ихъ символическомъ значеніи. Но обитатели средней Волги должны были хорошо знать христіанство. Не говоря о томъ, что они грабили христіанскія страны, вспомнимъ, что они жили въ Итилѣ, рядомъ съ христіанами.

Можно, впрочемъ, допустить, что христіанство было исповѣдуемо на Волгѣ тайно, какъ согласенъ признать и гр. Уваровъ. Съ этимъ былъ бы вполне согласенъ тотъ фактъ, что впоследствии въ этой странѣ христіанство подвергалось ожесточенному преслѣдованію. Но позднѣйшее преслѣдованіе можно объяснить отчасти, а можетъ быть и главнымъ образомъ, политическими причинами. Въ первое время, когда христіане были немногочисленны, когда прозелиты новой вѣры состояли исключительно изъ обыкновенныхъ членовъ общества, въ то время волхвы могли относиться къ нему съ нѣкоторою терпимостью; но когда христіанство появилось въ странѣ подъ эгидою власти, когда началась дѣятельная пропаганда съ содѣйствіемъ этой власти, и волхвы увидѣли, что ихъ вѣрѣ и ихъ вліянію угрожаетъ серьезная опасность, тогда и они, съ своей стороны, повели дѣятельную агитацію съ цѣлью противодѣйствія христіанству, и въ первое время, когда власть южныхъ князей на Волгѣ была слаба, противодѣйствіе ихъ было успѣшно.

Во всякомъ случаѣ, тайно или не тайно, исповѣдывалось на Волгѣ христіанство, но оно существовало тамъ въ то время, къ которому относятся курганы. Вопросъ въ томъ, когда оно началось тамъ, къ сожалѣнію, съ точностью опредѣлить этого нельзя. Время кургановъ простирается отъ VIII до XI вѣка. Древнѣйшая восточная

монета, найденная въ курганахъ, относится къ 699 году, позднѣйшія восточныя относятся къ началу XI вѣка, позднѣйшія западныя—къ второй половинѣ XI вѣка. Къ этому времени относятся и курганы. Курганы гр. Уваровъ раздѣляетъ на древнѣйшіе и позднѣйшіе. Въ древнѣйшихъ трупы сожженные, въ позднѣйшихъ трупы погребены не сожженные. Христіанскіе предметы находятся какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ (стр. 696—697). Въ одномъ курганѣ крестъ найденъ вмѣстѣ съ обломкомъ куфической монеты: къ сожалѣнію, время монеты не опредѣлено, быть можетъ, потому, что она недостаточно хорошо сохранилась. Въ другомъ курганѣ крестъ найденъ съ цѣлою куфическою монетою, которой время также не опредѣлено. Въ третьемъ курганѣ найденъ образокъ вмѣстѣ съ западною монетою императора Оттона I (X вѣка) ¹⁾.

Потому, намъ кажется, нѣтъ причины думать, чтобы христіанскіе курганы относились только къ самому позднему періоду. Напротивъ, суди потому, что они попадаются и при сожженныхъ, и при погребенныхъ трупахъ, равно какъ суди по монетѣ императора Оттона и по обломку куфической монеты, можно думать, что они восходятъ къ X и даже IX вѣку ²⁾, что они современны обоимъ періодамъ погребенія—и посредствомъ сожженія, и посредствомъ погребенія въ тѣсномъ смыслѣ. Что христіане были сожгаемы подобно язычникамъ, это объясняется и малочисленностью ихъ, вслѣдствіе чего хоронить ихъ приходилось язычникамъ, и привязанностью самихъ христіанъ къ древнему способу погребенія. Бывали примѣры, что народы, недавно обращенные въ христіанство, не только слѣдовали языческимъ погребальнымъ обычаямъ, но просто, нисколько не стѣсняясь, продолжали приносить жертвы прежнимъ языческимъ богамъ. Еще въ XIII вѣкѣ новообращенные „сосѣди Поляковъ“, Пруссы, обѣщались папскому легату архидіакону Іакову, что они не будутъ сожигать или хоронить покойниковъ вмѣстѣ съ лошадьми или людьми; эти-то неофиты, между прочимъ, могли продолжать приносить жертвы идолу Курко ³⁾.

Существованіе христіанства въ Руси Волжской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ колоніи ея, Руси Черноморской, объясняетъ намъ, какое еван-

¹⁾ Меряне, *гр. Уварова*, 825.

²⁾ По мнѣнію Размуссена, въ обломкахъ попадаются большею частью монеты первыхъ калифовъ Абсидовъ. *De orientis Commercio*, стр. 57, то есть, монеты VIII вѣка.

³⁾ *Котляревскій*, стр. 132, 3. У Петра Дюсбурга, изданіе *Гарткиноха*, стр. 467—468.

геліе и какой псалтырь св. Кирилль видѣлъ въ Херсоніи. Это были первыя священныя книги Руси Волжской и Черноморской. Что между древнѣйшими не славянскими Руссами были христіане, это намъ извѣстно изъ другаго источника. Нашъ лѣтописецъ разказываетъ, что Игорева Русь въ 945 г. принимала присягу въ церкви св. Іліи. Правда, лѣтописецъ думаетъ, что это была Русь Варяжская, Норманская: „мнози бо было Варязи христіане“, прибавляетъ онъ. Но его мнѣніе для насъ не важно, такъ какъ мы знаемъ, что оно было ошибочно; Варяжской Руси никогда не было. Въ этомъ случаѣ онъ ошибся двукратно. Сами Варяги, Норманны, къ которымъ, будто бы, относилась Русь, въ то время еще не были христіанами. Христіанство стало распространяться въ Швеціи только въ началѣ XI вѣка. Болѣе ранняя попытка къ этому св. Аснгарія осталась безуспѣшною.

Что Руссы имѣли письма, съ помощью которыхъ могло быть переведено на ихъ языкъ Священное Писаніе, это мы знаемъ изъ двухъ источниковъ. Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что Руссы надъ могилою покойника сдѣлали надпись на деревѣ. Это онъ самъ видѣлъ, это фактъ несомнѣнный. Другое извѣстіе принадлежатъ Эль-Надиму. Эль-Надимъ также самъ видѣлъ кусокъ дерева, на которомъ были вырѣзаны русскія письма, коихъ изображеніе онъ же и представляетъ. Сочиненіе Эль-Надима относится къ 987 или 988 году. Случай, давшій Эль-Надиму возможность видѣть русскія письма, былъ такой: Какой-то кавказскій владѣтель послалъ къ Русскому царю посольство; въ какомъ году было отправлено посольство и съ какою цѣлью, это осталось неизвѣстнымъ. Но одного изъ членовъ посольства видѣлъ потомъ Эль-Надимъ. Во всякомъ случаѣ фактъ, сообщаемый Эль-Надимомъ, говоритъ въ пользу того, что у Руссовъ въ X вѣкѣ были письма. Остатковъ письменъ не найдено ни въ курганахъ, ни надъ курганами, но это объясняется матеріаломъ, на которомъ писали. Это было дерево, и по всей вѣроятности, очень мягкое, потому что на немъ не только писали, но и вырѣзывали буквы. Извѣстіе это весьма согласно съ характеромъ страны Руссовъ; дѣйствительно, на средней Волгѣ сама природа предлагаетъ этотъ матеріалъ для письма ¹⁾).

¹⁾ Быть можетъ, кусокъ дерева, видѣнный Эль-Надимомъ, былъ даже не самымъ деревомъ, а корой его, лубкомъ. Эль-Надимъ Арабъ, не знакомый ни съ какими деревьями сѣвера, а выдавшій большую частью магнотѣлую пальму, могъ и лубокъ принять за самое дерево. При разказѣ Эль-Надима невольно приходитъ на умъ сундальское лубочное печатаніе изображеній и даже книгъ. Откуда ведетъ свое начало это печатаніе, это вырѣзываніе буквъ и изображеній на

Если-жь у Руссовъ въ X вѣкѣ существовали письма, и какъ видно изъ словъ Ибнъ-Фодлана, они были во всеобщемъ употребленіи даже въ началѣ X вѣка, то отсюда слѣдуетъ, что они необходимо должны были употребляться и въ IX. Письменность не распространяется быстро. Въ особенности нужно много времени, чтобъ она могла войти во всеобщее употребленіе, такъ чтобы надписи на могилѣ считалась дѣломъ необходимымъ, и безъ нея не оставалась даже могла человѣка, умершаго на чужой сторонѣ. Очевидно, спутники русскаго человѣка, умершаго въ Булгарѣ при Ибнъ-Фодланѣ, то есть, вообще торговцы, пріѣзжавшіе въ Булгаръ изъ Руси, были люди грамотные; для нихъ была сдѣлана надпись на могилѣ покойника, чтобъ они могли всегда отыскать могилу, и между ними же нашелся человѣкъ, который и сдѣлалъ надпись. Сопоставимъ этотъ фактъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ настоящее время. Еще теперь наши старые торговцы, въ наши дни доживающіе свой вѣкъ, за исключеніемъ столицъ и самыхъ важныхъ торговыхъ городовъ, въ значительной долѣ люди совершенно безграмотные. Это значитъ, что въ началѣ нашего столѣтія и въ концѣ прошлаго въ нашемъ торговомъ сословіи грамотность была распространена очень мало, послѣ того какъ почти 900 лѣтъ тому назадъ принесена къ намъ славянская письменность. Можно ли послѣ того думать, чтобы письменность, существовавшая у Руссовъ въ началѣ X вѣка, не существовала у нихъ въ IX и VIII? Вспомнимъ при этомъ еще слѣдующій фактъ.

Св. Стефанъ изобрѣлъ алфавитъ для Зырянъ. Но судя по всему, онъ не то, что изобрѣлъ, а усовершенствовалъ существовавшій у нихъ прежде алфавитъ. Таково мнѣніе объ этомъ г. Саввантова, изучавшаго этотъ вопросъ (*Труды 1-ю сѣзда*, стр. 413). Но древніе Руссы на ступеняхъ цивилизаціи стояли выше, чѣмъ Зыряне. Они были, дѣйствительно, наиболѣе образованнымъ народомъ Россіи въ VIII, IX и X вѣкахъ. Стало быть, существованіе у нихъ письменъ является, дѣйствительно, логическою необходимостью. И извѣстіе житія св. Кирилла оказывается вполне согласнымъ съ фактами. Святой Кириллъ могъ видѣть евангеліе и псалтырь, писанные русскими письменами, потому что въ IX вѣкѣ Руссы имѣли уже письма, и даже между ними были христіане, какъ слѣдуетъ думать на основаніи кур-

лубкиныхъ? Не восходитъ ли оно къ такому же вырѣзыванію Руссовъ, древнихъ обитателей Суздальской страны? Извѣстно, что разныя специальности въ промышленности нерѣдко восходятъ къ глубокой древности.

ганных раскопокъ и присяги Игоревыхъ воиновъ въ церкви св. Іліи. Извѣстіе должно быть принято, потому что нѣтъ никакой причины отвергать его.

Третье извѣстіе о Руси, существовавшей въ нынѣшней Россіи, содержится въ преданіи о чудесахъ св. Стефана Сурожскаго, сохранившемся въ разныхъ редакціяхъ только на русскомъ языкѣ, но первоначально составленномъ, безъ всякаго сомнѣнія, на греческомъ. Слѣдуя преданію, русскій князь Бравалинъ, ограбивъ греческіе города въ Крыму отъ Корсуля до Керчи, явился въ Сурожъ, и въ то время, какъ воины его грабили городъ, самъ взшелъ въ Софійскую церковь и принялся грабить драгоценныя вещи, лежавшія на гробницѣ св. Стефана. Тогда совершилось чудо: лицо Бравалина повернулось назадъ, послѣ чего онъ отдалъ все награбленное, приказалъ сдѣлать то же своимъ воинамъ, освободилъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ другихъ городахъ полуострова, и принялъ крещеніе. Кто былъ этотъ Бравалинъ, откуда? По однимъ извѣстіямъ, онъ былъ русскимъ княземъ изъ Новгорода, по другимъ — русскимъ же княземъ изъ Киева. По Новгородской лѣтописи, онъ былъ предводитель Славянъ Новгородскихъ. Но въ лѣтописи тутъ же говорится, что именно по этому случаю „начатся прозывать Русская земля“. Это значитъ, что въ греческомъ подлинникѣ, откуда авторъ выписалъ преданіе, рать Бравалина названа русскою, какъ и въ рукописи Румянцевскаго музея, описанной Востоковымъ, или вообще это нападеніе приписано Руси, какъ въ Демидовскомъ хронографѣ. Разногласіе русскихъ источниковъ, выводящихъ Бравалина то изъ Киева, то изъ Новгорода, показываетъ еще, что въ греческомъ подлинникѣ его княжество совсѣмъ не обозначено, а названъ онъ просто русскимъ княземъ, и уже Русскіе, заноса извѣстіе въ лѣтописи или составляя на основаніи греческаго подлинника отдѣльное сказаніе о чудесахъ при гробѣ св. Стефана, дѣлали его то княземъ Киевскимъ, то Новгородскимъ, сообразно съ тѣмъ, какъ и гдѣ они представляли себѣ Русь того времени.

Время похода Бравалина Демидовскій хронографъ и Новгородская лѣтопись относятъ къ 852 году; а рукопись Румянцевскаго музея не опредѣляя его точно говоритъ: по смерти святаго мало лѣтъ минувшю приде рать и т. д., то-есть, относятъ событіе ко времени, близко слѣдовавшему за смертію св. Стефана, который, по всей вѣроятности, умеръ еще въ VIII вѣкѣ, такъ какъ онъ родился въ самомъ началѣ этого вѣка, въ 701 или въ 702 году, — и уже въ 750 году былъ сдѣланъ Сурожскимъ архіепископомъ. Если мы предполо-

жить, что онъ достигъ самаго преклоннаго возраста, 80 или 90 лѣтъ, то и годъ смерти его прійдется между этими годами VIII столѣтія; стало быть, нападеніе Бравалина на Сурожъ, случившееся въ скоромъ времени послѣ смерти св. Стефана при преемникѣ его Филаретѣ, на основаніи рукописи нужно относить къ концу VIII или самому началу IX вѣка. Такимъ образомъ, въ опредѣленіи года событія, два источника разногласятъ съ третьимъ. Которому-жъ изъ нихъ нужно вѣрить, и даже нужно ли вѣрить хоть одному изъ нихъ? Норманисты (Карамзинъ, Погодинъ и г. Кунигъ), съ послѣдовательностью свойственною имъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, не вѣрятъ ни одному. Они думаютъ, что Бравалинъ князь брагивый — Оскольдъ или одинъ изъ его сподвижниковъ, и такимъ образомъ отпосытъ событіе къ 866 году. На какомъ основаніи? На томъ, что Греки будто бы Руссовъ, какъ враговъ, не знаютъ раньше 866 года ¹⁾.

Причина весьма недостаточная.

Но откуда видно, что Греки знаютъ Руссовъ въ качествѣ своихъ враговъ, только съ 866 года? Въ извѣстіяхъ греческихъ писателей (Льва Грамматика, Кедрипа, Георгія Амартола и др.) о нападеніи Руссовъ на Византію при патріархѣ Фотіѣ не сказано, чтобъ оно было первымъ нападеніемъ ихъ даже на Византію, а еслибъ это давно было сказано, то раньше нападенія на Византію можно еще допустить нападенія ихъ на другія отдаленныя части Греческой имперіи, или даже только на города, населенные Греками, но не принадлежавшіе къ Греческой имперіи, какъ города Таврическаго полуострова. Нельзя даже и представить себѣ, чтобъ Руссы, кто бы они ни были — Финны или Норманны, сразу предприняли походъ на Византію, на Царьградъ, не попробовавъ сначала удачи на ближайшихъ греческихъ городахъ. Такое предпріятіе было бы совершеннымъ безуміемъ со стороны людей, совершенно незнакомыхъ съ какими-нибудь частями имперіи, съ народомъ, населявшимъ ее, съ моремъ, ведущимъ къ самой Византіи. Между тѣмъ, другіе источники показываютъ что раньше 866 года

¹⁾ Г. Кунигъ думаетъ даже, что походъ Бравалина есть ничто иное какъ походъ Владиміра подъ Корсунь, на томъ основаніи, что будто бы подробности легенды о св. Стефанѣ и объ обращеніи Владиміра сходны между собою. Въ томъ то и дѣло, что сходства между ними очень мало. О Владимірѣ ни Несторъ, ни кто другой не говорилъ, чтобъ онъ ограбилъ все города южнаго берега Крыма, чтобъ онъ грабилъ гробницы святыхъ, чтобъ у него лицо повернулось назадъ, и т. п. Подробности обѣихъ легендъ ясно говорятъ о томъ, что въ нихъ идетъ рѣчь о двухъ разныхъ лицахъ и о двухъ разныхъ событіяхъ.

Руссы не были неизвѣстны Грекамъ. Патріархъ Фотій въ окружномъ посланіи называетъ Руссовъ народомъ, который часто былъ предметомъ народнаго говора (τὸ ἔθνος παρὰ πολλοῖς πολλάκις ἠρολλοῦμενον), народомъ, превосходящимъ всѣ другіе народы грубостью и кровожадностью (εἰς ὀμότητα καὶ μακρονίαν). Чѣмъ-нибудь приобрѣли же себѣ эту репутацію Руссы. Патріархъ Фотій въ другомъ мѣстѣ (въ одной изъ бесѣдъ) говоритъ, что Руссы замаскировали свой походъ на Византію, такъ что застали Грековъ въ расплохъ: императоръ въ это самое время даже отправился было въ походъ противъ мусульманъ, и уже съ похода возвратился назадъ. Итакъ Руссы раньше Оскольдова похода знали Черное море и приобрѣли у Грековъ репутацію диваго и кровожаднаго народа. Не торговлей и не службой приобрѣтена эта репутація, а грабительскими походами, къ числу которыхъ принадлежить и походъ Бравалина.

Вообще отвергать этотъ походъ или относить его ко времени послѣ 852 года нѣтъ никакой причины. Достоверность событія не подлежитъ никакому сомнѣнію, ровно какъ и то, что оно произошло не позже 852 года. Нужно только опредѣлить, когда именно оно произошло, въ 852 ли году, или вскорѣ послѣ смерти св. Стефана, то-есть, который источникъ достовернѣе—Румянцевская ли рукопись, или Демидовскій хронографъ вмѣстѣ съ Новгородскою лѣтописью. Вопросъ этотъ рѣшить очень, по видимому, не трудно. Въ Демидовскомъ хронографѣ и въ Новгородской лѣтописи о событіи упоминается вскользь, мимоходомъ, безъ обозначенія подробностей, и приуроченіе событія, во первыхъ, къ царствованію Михаила III, и вторыхъ, къ началу имени Руси, какъ справедливо замѣтилъ г. Куникъ, дѣйствительно напоминаетъ Несторово: „наченшу Михаилу царствовати начаса прозвѣнати Русска земля“. Новгородская лѣтопись почти тоже самое выраженіе (наченшу въ Грецѣхъ Михаилу царствовати, начатся презывати Русская земля) и предпосылаетъ своему краткому разказу о походѣ Бравалина. Достоинно вниманія еще слѣдующее не смотря на то, что у Нестора походъ Оскольда относится только къ 14-му году царствованія, первое появленіе русскаго имени относится къ 852 году, къ самому (предполагаемому) началу царствованія Михаила. Это показываетъ, что и до Нестора дошли какіе-то темные слухи о томъ, что имя Руссовъ сдѣлалась у Грековъ извѣстнымъ при началѣ царствованія Михаила. И только за недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній о какомъ-нибудь другомъ событіи Несторъ, сказавъ, что Русская земля стала извѣстна съ начала царствованія Михаила,—от-

дѣльный фактъ, въ которомъ, по его мнѣнію, проявилось это, относить къ самому концу этого царствованія и притомъ ошибочно.

Точно также ошибочно относится къ началу царствованія Михаила и нападеніе Руссовъ на Сурожъ и южный берегъ Крима Демидовскимъ хронографомъ и Новгородскою лѣтописью. Авторы ихъ, какъ и Несторъ, были сбиты съ толку слухами, относившими къ одному времени появленіе Руссовъ на исторической аренѣ и начало Михайлова царствованія. Несторъ приплелъ сюда походъ. Оскольда, хотя весьма нескладно, такъ что начало Михайлова царствованія, съ котораго будто бы начинается извѣстность Руси, остается у него ни при чемъ; а авторы краткихъ извѣстій въ Демидовскомъ хронографѣ и Новгородской лѣтописи приплели сюда походъ Бравалина.

Изъ всѣхъ источниковъ, говорящихъ объ этомъ походѣ, наиболѣе достовѣрнымъ долженъ быть признанъ тотъ, изъ котораго переведена, или на основаніи котораго составлена рукопись Румянцевскаго музея. Это потому, во первыхъ, что этотъ источникъ имѣетъ въ виду одну только цѣль—разказать о чудѣ, совершившемся при гробѣ св. Стефана, не заботясь о томъ, чтобы доказать имъ какое-нибудь историческое положеніе, какъ два другіе источника, изъ коихъ одинъ имѣетъ въ виду доказать, что тогда именно сдѣлалось извѣстно въ первый разъ имя Руссовъ, и въ то же время провести свою мысль, что эти Руссы были изъ Новгорода—вѣроятно—мѣста жительства автора—другой желаетъ провести мысль, что первые Руссы, нападавшіе на Грековъ, были изъ Кіева, также, по всей вѣроятности, его родины или мѣста жительства. Фантазировать такимъ образомъ они могли потому, что въ источникѣ, которымъ они пользовались, владѣніе Бравалина не было опредѣлено точно, равно какъ и время событія. Рукопись Румянцевскаго музея осталась вѣрна своему источнику, который знаетъ только то, что Бравалинъ былъ русскій князь, и что грабилъ онъ гробницу св. Стефана Сурожскаго не много лѣтъ спустя послѣ смерти святаго, и говоритъ только то, что знаетъ, не мудрствуя лукаво.

Вовторыхъ, въ первоначальномъ источникѣ, какъ и въ Румянцевской рукописи, самое событіе разказывается со всѣми подробностями, указывающими на то, что авторъ его былъ современникъ, и вѣроятно, очевидецъ событія. Говорится что церковь, подвергшаяся грабежу, называлась Софійскою; перечисляются вещи, награбленныя Бравалиномъ, лежавшія на самой гробницѣ: царское одѣяло, жемчугъ, золото, драгоценные камни, золотыя кадила и пр.; называется тогдашній архіепископъ Сурожа (Филаретъ); разказывается, какъ онъ имѣетъ

съ духовенствомъ пришелъ въ церковь крестить Бравалина и т. д. Очевидно, тутъ авторъ не фантазируетъ, а говоритъ о томъ, что знаетъ, о томъ, что онъ, быть можетъ, самъ видѣлъ.

Вообще разказъ Румянцевской лѣтописи свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ принадлежитъ очевидцу или современнику, и описаніе событія дышетъ неподдѣльною истинною, такъ что не вѣрить ему нельзя. Ни въ какомъ отношеніи оно не можетъ быть даже сравниваемо съ бѣглыми замѣтками Демидовскаго хронографа или Новгородской лѣтописи. Потому и время событія нужно опредѣлять по этой рукописи, а не по двумъ другимъ уцѣлѣвшимъ источникамъ. Бравалипъ грабилъ гробницу святаго Стефана не въ 852 году, не говоря ужъ о 866, а мало лѣтъ минувшу по смерти святаго, то-есть, въ концѣ VIII вѣка или въ началѣ IX-го. — И отвергать свидѣтельство этого источника норманисты должны съ помощью какихъ-нибудь другихъ доказательствъ, а не простымъ утвержденіемъ, что Греки не знали Руссовъ, какъ враговъ, до 866 года, или что будто бы подробности легенды о св. Стефанѣ и о крещеніи Владиміра сходны между собою. А до сихъ поръ извѣстіе Румянцевской лѣтописи о походѣ Бравалина остается историческимъ источникомъ, заключающимъ въ себѣ самомъ признаки своей достовѣрности. И источникъ этотъ ясно говоритъ, что еще около 800 года существовала Русь гдѣ-то въ близкомъ или далекомъ сосѣдствѣ съ Таврическимъ полуостровомъ, населенная народомъ, привычнымъ къ мореходству и грабительству.

XXIII.

То же самое мы найдемъ въ цѣломъ ряду источниковъ, представляемыхъ скандинавскою литературою, къ сожалѣнію до сихъ поръ не пользующеюся у насъ достаточнымъ кредитомъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ скандинавскихъ сагъ, какъ историческаго источника, посмотримъ на содержаніе ихъ, на сколько оно имѣетъ отношенія къ первоначальной исторіи Россіи.

Въ сагѣ о Герварѣ и Гейдрекѣ разказывается, что въ Гардарикѣ послѣ Одина царствовалъ сынъ его Сигурламія, потомъ сынъ Сигурламія Свавурламія, потомъ Ангримъ, пиратъ, женившійся на Эйварѣ, дочери убитаго имъ Свавурламія. Сынъ Ангрима, Ангакторъ женился на Свавѣ, дочери Альдейгиобургскаго государя Біортмара. Отъ этого брака произошла Гервара, знаменитая воительница, вышедшая замужъ за Говунда, владѣтеля Иотунгеймскаго. Отъ нихъ родился Гейдрекъ, государь Рейдготіа. Между тѣмъ по смерти Ангалтира, убитаго въ

сраженіи съ шведскимъ богатыремъ Гильмаромъ, въ Гардахъ сдѣлался государемъ Роллафъ. Гейдрекъ женился на дочери Роллафа, Гергердѣ. А сынъ Роллафа, Герлаугъ, наследовалъ отцу въ Гардахъ. Отъ Гейдрека произошелъ знаменитый шведскій государь Иваръ Видфамій, у котораго была дочь Ауда, вышедшая замужъ за Гререка, государя Зеландскаго. Иваръ измѣнически убилъ Гререка, послѣ чего Ауда уѣхала съ сыномъ Гаральдомъ Гильдатаномъ въ Гарды, гдѣ и вышла снова замужъ за царя Радбарда. Иваръ пошелъ войною на Радбарда, но подѣзжая къ странѣ Гардовъ, утонулъ. Тогда Радбардъ послалъ съ войскомъ Гаральда во владѣнія Ивара, и Гаральдъ завладѣлъ всею Швеціей и Даніей. Отъ Радбарда и Ауды родился Рапдверъ, отецъ Сигурда Ринга, который потомъ вступилъ въ борьбу съ дядею Гаральдомъ Гильдетаномъ, убитымъ въ Вравальскомъ бою, послѣ чего Сигурдъ овладѣлъ Швеціей и Даніей.

Въ сагѣ о Ральфѣ сынѣ Гауретка говорится о Галфданѣ, царствовавшемъ въ Гардахъ, о дочери его Аловѣ, о стольникѣ царя Торфѣ Желѣзномъ щитѣ и о 12-ти богатыряхъ, жившихъ при дворѣ Галфдана. Въ сагѣ о Гаугнурольфѣ говорится о Гардскомъ же царѣ Раггвидѣ, о его дочери Ингигердѣ, вышедшей замужъ за Датчанина Ральфа, о войнахъ гардскихъ правителей въ странѣ, орошаемой Западною Двиной, и т. д. Кромѣ того, въ этой сагѣ говорится, что при Шведскомъ королѣ Эрнѣ, современникѣ Реггвида, жилъ Гонигардець *Имій*, человекъ огромнаго роста и силы и опытный въ битвахъ. Въ сагѣ объ Олафѣ Тригвесонѣ разказывается, что престарѣлый Ганонъ, къ которому убѣжала жена Астрида, мать Олафа, съ сыномъ, отдалъ ее на попеченіе, вмѣстѣ съ братомъ Олафомъ, купцамъ, отправлявшимся въ Гарды; купцы должны были отвезти ихъ туда къ брату Астриды, Сигурду, который жилъ въ большомъ почетѣ при государѣ Гардскомъ. Въ сагѣ объ Олафѣ Святѣ говорится о Норвежцѣ Гудлейкѣ, который шелъ торговлю съ Гардами, отъ чего и самъ получилъ названіе Гардскаго. Однажды онъ, по порученію Олафа, закупилъ для него въ Гардахъ разныхъ рѣдкостей: шелковыхъ тканей, дорогихъ мѣховъ и одежды, а также и столовую утварь. Въ сагѣ о заселеніи Норвегіи упоминается Голмгардскій государь Эймундъ, у котораго была дочь Алиніа, вышедшая замужъ за Галдана, государя Норвежскаго, отъ котораго произошелъ знаменитый Гаральдъ Гаарфагеръ. Въ сагѣ объ Орварѣ-Оддѣ упоминается Голмгардскій государь Квилланъ, человекъ неизвѣстнаго происхожденія, которому были подвластны Моръ—владѣтель Мората, Радстовъ—вла-

дѣтель Радстофы, Худваль—владѣтель Суздаля, Палтесъ—владѣтель Палтескиоборга, Кеппморъ—владѣтель Кеппгарда, и наконецъ, Галмейръ, подначальный Квиалану, владѣтель самого Голмгарда.

Очень много извѣстій о Россіи у Саксона Граматика въ его Датской исторіи. Сочиненіе Саксона Граматика важно потому, что оно собственно есть ни что иное, какъ извлеченіе изъ сагъ, и притомъ, безспорно, древнихъ; такъ какъ самое сочиненіе Саксона Граматика писано еще въ XII вѣкѣ.

Саксонъ Граматикъ, во первыхъ, разказываетъ о похищеніяхъ Одина или Отива въ Россіи, гдѣ онъ хотѣлъ жениться на дочери Русскаго царя, Риндѣ, слѣдуя совѣту Финна Ростіофа, который предсказалъ ему, что отъ Ринды онъ будетъ имѣть сына, который отомститъ за смерть другаго сына Отинова, предъ тѣмъ убитаго. Не смотря на то, что Отинъ получилъ двѣ пощечины отъ Ринды ¹⁾, онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли ²⁾.

Изъ Датскихъ царей, имѣвшихъ отношенія къ Россіи, Саксонъ Граматикъ разказываетъ о Фротонѣ, седьмомъ королѣ Даніи, что онъ пошелъ войною на Траннона, русскаго тирана (*Ruthenae gentis tyranus*), и уничтожилъ его флотъ съ помощію военной хитрости, повертѣвъ въ почное время щели въ русскихъ корабляхъ, и такимъ образомъ пустивъ ихъ ко дну. Послѣ того Фротонъ, возвратившись въ Данію, потребовалъ отъ Русскихъ дани, по послы его, отправленные въ Россію съ этою цѣлью, были умерщвлены, и разгнѣванный Фротонъ снова отправился въ Россію и взялъ тамъ города Роталу и Палтиску, при чемъ государь Палтиски Вессапій былъ умерщвленъ. Фротонъ III, пятнадцатый король Даніи, велъ войну съ Гуннами. Союзниками Фротона были Норвежцы и Славяне, союзниками Гунновъ—Восточные ³⁾. Царь Восточныхъ Олимаръ начальствовалъ надъ флотомъ въ то время, какъ самъ царь Гунновъ предводительствовалъ сухопутнымъ войскомъ. Датчане сначала покорили нѣкоторые острова, „лежащіе между Даніей и Востокомъ“, и слѣдуя дальше, напали на нѣсколько русскихъ кораблей. Послѣ того они поплыли на встрѣту Олимару. Произошла битва; русскіе корабли были нескладны и велики и на веслахъ худо ходили. Потому Датчане, не смотря на численное превосходство Русскихъ — побѣдили

¹⁾ Ant. R., т. II, стр. 438.

²⁾ Saxoniae Gr., Historia Danica, Havniae, 1839, стр. 126 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 231 и слѣд.

ихъ. Кровопротіе было большое, потому что трупы убитыхъ Русскихъ, вмѣстѣ съ обломками ихъ щитовъ и копій, загрозили весь заливъ, въ которомъ происходила битва, такъ что для Фротона, желавшаго послѣ побѣды возвратиться домой, явилось *inauditum navigationis impedimentum*, состоявшее въ томъ, что трупы и обломки мѣшали его кораблямъ ѣхать. Здѣсь погибли, прибавляетъ Саксонъ Граматикъ, всѣ Русскіе цари, кромѣ Олимара и Дага. Наконецъ дѣло дошло и до битвы съ Гертами. Олимаръ въ это время уже перешелъ на сторону Датчанъ. Битва происходила гдѣ-то на берегу трехъ рѣкъ. Кровопротіе опять было столь велико, что три главныя рѣки Россіи покрылись трупами такъ, что образовался какъ бы мостъ, по которому можно было переходить. На землѣ было покрыто трупами пространство въ три дня пути. Битва продолжалась семь дней. Датчане побѣдили, послѣ чего Фротонъ отдалъ во власть Олимара Голмгардъ, а подъ власть Энева—Кѣнугардъ. Фротонъ былъ такъ счастливъ въ своихъ войнахъ, что распространилъ свое государство отъ Рейна до предѣловъ Россіи, которая входила въ составъ его владѣнія, такъ какъ Олимаръ и Эневъ были подвластные ему Русскіе цари ¹⁾).

Сынъ Фротона Фридлевъ воспитывался въ Россіи и былъ тамъ еще въ то время, когда умеръ его отецъ. Послѣ него былъ царемъ Фротонъ IV, при которомъ жилъ знаменитый воинъ Старкатеръ. Старкатеръ отправился въ Россію, побѣдилъ Русскихъ, открылъ убѣжище скрывшагося Русскаго государя Флокка и приобрѣлъ здѣсь несмѣтную добычу. Въ другой свой походъ въ Россію Старкатеръ побѣдилъ нѣкоего Визинна, злаго богатыря, который жилъ гдѣ-то у русской горы Анафіаль (*apud russiam rupem, quae Anafial dicitur*). Послѣ Фротона и его преемниковъ Ингелла, Фротона V, Галдона, Сивальда и Сигара, Даніей управляли пять правителей. При нихъ сдѣлалъ на Данію нападеніе Рѣтонъ русскій пиратъ. Отъ его имени, по словамъ Саксона Граматика, произошло слово рѣторанъ, означающее жестокіе грабежи. Рѣтонъ погибъ въ битвѣ съ Датчаниномъ Боркаромъ. Сынъ этого Боркара Галдонъ, отправился въ Россію,

¹⁾ Подъ Восточными разумѣются у Саксона Граматика Русскіе, обитатели той восточной страны *Austgeweg*, которая часто упоминается въ сагахъ. Что подъ Восточными нужно разумѣть именно Русскихъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ, видно изъ того, что въ одномъ мѣстѣ Олимаръ называется царемъ Восточныхъ, въ другомъ — царемъ Русскимъ; см. *Sax. Gr. Hist. Danica*, *Navniae*, 1839, I, стр. 231 и 235.

предложилъ жителямъ, съ которыми воевалъ Шведскій король Алверъ, помощь и былъ принятъ ими съ честью. Здѣсь ему приходилось биться съ роднымъ братомъ (по матери) Гильдигеромъ, котораго онъ не зналъ. Гильдигеръ зналъ, что Галдонъ братъ его, и долго не хотѣлъ биться съ нимъ; наконецъ однако онъ долженъ былъ рѣшиться на это и получилъ смертельную рану. Галдонъ этотъ женился на Гуротѣ, послѣдней отрасли Датскаго королевскаго дома, и отъ нихъ родился Гаральдъ, Гильдетанъ, извѣстный своею враждою съ племянникомъ, Шведскимъ королемъ Рингомъ, которая окончилась знаменитою Бравальскою битвою. Въ этой битвѣ Рингу, между прочими, помогалъ Регнальдъ, сынъ Русскаго царя Радбарта. Регнеръ, одинъ изъ преемниковъ Гаральда Гильдетана, пошелъ войною на Геллеспонтиковъ, жившихъ гдѣ-то на границахъ Россіи ¹⁾, побѣдилъ и потомъ убилъ царя ихъ Діана. Но дѣти этого Діана, Діанъ и Даксонъ, зятья Русскаго царя, получивъ помощь отъ тестя, пошли войною на Регнера; Регнеръ побѣдилъ ихъ; Діанъ былъ убитъ, а Даксонъ спасся бѣгствомъ, послѣ чего страна ихъ была отдана Регнеромъ въ управленіе сыну Витсерку. Россія также подпала подъ власть Регнера, и Русскій царь также спасся бѣгствомъ. Это было около половины IX вѣка ²⁾. Даксонъ еще разъ попробовалъ счастья, которое на этотъ разъ и улыбнулось ему. Онъ измѣннически напалъ на Витсерка, отнялъ у него свои владѣнія, взялъ его въ плѣнъ, и послѣ неуспѣшной попытки привлечь его на свою сторону, казнилъ. Тогда Регнеръ послѣшилъ *въ Россію*, взялъ въ плѣнъ Даксона и въ кандалахъ отправилъ его въ Утгардію.

Здѣсь оканчиваются извѣстія Саксона Граматика о древнѣйшихъ сношеніяхъ Датчанъ съ Россіей.

Позднѣйшія извѣстія, да и то очень краткія и незначительныя, отдѣляются отъ приведенныхъ выше извѣстій двумя вѣками. Такъ, о королѣ Эрикѣ, царствовавшемъ около 1100 года, говорится, что онъ черезъ Россію путешествовалъ въ Грецію. Замѣчательно, что раньше этого у Саксона Граматика нѣтъ извѣстій о путешествіи

¹⁾ Геллеспонтиками они называются потому, что они жили гдѣ-то при проливѣ, который будто бы соединялъ Балтійское море съ Средиземнымъ; см. Сакс. Гр., т. I, стр. 451, прим. 1.

²⁾ Регнеръ началъ свое царствованіе въ то время, какъ западнымъ римскимъ императоромъ былъ Людовикъ Благочестивый, и по видимому, начало царствованія Регнера относится уже къ концу царствованія Людовика, такъ какъ еще второй предъ Регнеромъ Датскій царь Геммингъ заключилъ миръ съ Людовикомъ; см. тамъ же, стр. 439.

Скандинавовъ въ Грецію черезъ Россію. Пресловутый великій водный путь, который, по словамъ нашего лѣтописца, будто бы велъ изъ Варягъ въ Греки Саксону неизвѣстенъ. Въ *Antiquités Russes* первое извѣстіе о путешествіи Скандинавовъ въ Грецію черезъ Россію относится также ко времени Владиміра, именно въ сагѣ объ Олафѣ Тригвесонѣ. Последнее извѣстіе Саксона Граматика относится къ половинѣ XII вѣка; онъ разсказываетъ, что Свенъ III, одинъ изъ соискателей датскаго престола, соперникъ Канута V и Вальдинара I, ограбилъ въ Шлезвигѣ иностранные корабли и роздалъ русскіе товары солдатамъ вмѣсто платы, послѣ чего иностранцы перестали пріѣзжать въ Шлезвигъ, и богатый торговый городъ превратился мало по малу въ бѣдную деревню ¹⁾).

Откуда происходитъ невнимательность русскихъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о началѣ Руси, ко всѣмъ этимъ многочисленнымъ и обстоятельнымъ извѣстіямъ? Въ то время, какъ они изслѣдуютъ съ величайшею внимательностью какое-нибудь даже не извѣстіе, а только мнѣніе, случайно высказанное тѣмъ или другимъ писателемъ, подвергая его критикѣ и исторической, и филологической, здѣсь оставляется безъ всякаго вниманія цѣлая масса извѣстій примыхъ, положительныхъ, согласныхъ между собою и не противорѣчащихъ никакому факту заподлинно извѣстному. Саги, говорятъ, отличаются легендарнымъ, миѣическимъ характеромъ; но это не даетъ права историку игнорировать ихъ. Всѣ древнія преданія болѣе или менѣе отличаются миѣическимъ характеромъ; но это не мѣшаетъ отдѣлнить въ нихъ историческій элементъ отъ миѣическаго. Ромулъ, конечно, не былъ сыномъ Марса и не волчицею вскормленъ, тѣмъ не менѣе имя его неразрывно связано съ основаніемъ Рима. Руссы, нападавшіе на Царьградъ при Михаилѣ III, конечно, были побѣждены не бурей, даже, какъ оказывается—они совсѣмъ не были побѣждены, тѣмъ не менѣе походъ ихъ на Царьградъ есть историческій фактъ; Олегъ умеръ, безъ сомнѣнія, не отъ коня, тѣмъ не менѣе онъ умеръ, и именно въ 912 году. Если миѣическій характеръ преданій исключаетъ ихъ изъ числа историческихъ источниковъ, то должна быть отвергнута вся первоначальная исторія Греціи и Рима, потому что и та, и другая исторія основана почти исключительно на преданіяхъ. Геродотъ писалъ исторію Греціи уже послѣ Персидскихъ войнъ; а Титъ Ливій—во время Августа цезаря, и конечно, не изъ апналовъ понтификовъ

¹⁾ Т. II, стр. 713.

заимствовалъ онъ свѣдѣнія о происхожденіи и воспитаніи Ромула, о Нумѣ и нимфѣ Эгеріи и т. д. Мало того, мифическаго элемента довольно даже у Тацита и Светонія (ихъ полныя вѣри разказы о предзнаменованіяхъ); не исключать же поэтому ихъ сочиненій изъ числа историческихъ источниковъ. Тогда съ чѣмъ же мы останемся?

Скандинавскія саги, которыхъ значенія мы впрочемъ не преувеличиваемъ, видя въ нихъ не болѣе какъ преданіе со всѣми его недостатками, тѣмъ - то именно и драгоцѣнны для историка, что они чужды всякой системы, всякой ложной учености, неосновательныхъ предположеній, чѣмъ болѣе или менѣе страдаютъ всѣ другіе источники касательно древнѣйшей исторіи Россіи и русскіе, и греческіе, и латинскіе, и арабскіе. Скандинавскія саги—это безыскусственный продуктъ народныхъ скандинавскихъ воззрѣній на ихъ собственную прошлую судьбу и на отношенія ихъ страны къ сосѣдямъ и между прочимъ къ Россіи. Мы не вездѣ вѣримъ генеологической преемственности, представляемой сагами; мы готовы допустить, что многія изъ лицъ древнѣйшей русской исторіи, цари, богатыри не назывались тѣми именами, которыя имъ приписываются въ сагахъ; многое въ нихъ безспорно перепутано; однимъ лицамъ приписаны дѣйствія, совершенныя другими; подробности событій измѣнены или разукрашены народною фантазіей и народнымъ самообольщеніемъ; но при всемъ этомъ нельзя же думать, чтобы преданія, какъ бы они ни были искажены, ни на чемъ не основаны; нельзя же думать, чтобы народныя преданія возникли и передавались изъ рода въ родъ безо всякой причины, нельзя думать, чтобы народъ могъ создать изъ ничего цѣлую систему своихъ отношеній къ другому, рядомъ съ нимъ существовавшему народу. „Обвинять саги въ поддѣлкахъ“, говорилъ покойный И. Д. Вѣляевъ, — „мы не имѣемъ никакого права“. Безъ сомнѣнія, не имѣемъ; нельзя предположить никакой причины, никакой цѣли для такихъ поддѣлокъ. Еслибы саги были произведеніемъ одного лица, то мы могли бы еще предположить, что оно въ формѣ преданій желало изложить свою теорію, свои догадки о предыдущей судьбѣ своего народа и его отношеніяхъ; но саги суть произведеніе цѣлаго народа; ихъ составляли тѣ, которые участвовали въ разказываемыхъ событіяхъ, тѣ, которые, возвратившись изъ дальняго похода, въ долгій зимній вечеръ описывали близкимъ людямъ свои походы, конечно—въ большинствѣ случаевъ не безъ хвастовства.

Съ другой стороны, приравнивать саги къ обыкновеннымъ сказкамъ—также нѣтъ никакой причины. Въ сказкахъ рѣчь идетъ о не-

бывалыхъ странахъ, городахъ, рѣкахъ, лицахъ; въ сагахъ этого нѣтъ. Географія ихъ, правда, не отличается отчетливостью; но они знаютъ только дѣйствительно существующія земли и даютъ имъ названія, дѣйствительно существовавшія или такія, которыя мы можемъ объяснить. Такъ, въ Россіи они знаютъ рѣки Вину (Сѣверную Двину) и Двину (Западную Двину), знаютъ города Ростовъ, Суздаль, Муромъ, Палтескію, Голмгордъ. А мы изъ своихъ источниковъ знаемъ, что эти города дѣйствительно существовали до начала Русскаго государства и почти всѣ назывались тѣми же самыми именами. Только Новгороду саги даютъ другое имя; но наука уже отчасти объяснила происхождение его ¹⁾. Кромѣ того, скандинавскіе источники упоминаютъ о другихъ городахъ, о существованіи которыхъ ничего неизвѣстно нашей гѣтописи. Такъ, въ географическомъ сочиненіи XII вѣка Бука Эрлендсона упоминаются, кромѣ приведенныхъ городовъ, еще Сирнесъ и Гади, отвергать существованіе которыхъ мы не имѣемъ никакой причины, хотя и не имѣемъ никакихъ указаній на положеніе одного изъ нихъ Сирнеса. Что касается до Гади, его имя очень напоминаетъ Гдовъ, котораго не славянское имя указываетъ на древность его существованія. Очень вѣроятно, что его русское окончаніе явилось уже впоследствии, какъ приспособленіе не русскаго имени къ русскому языку. Это приспособленіе, осмысленіе слова продолжается и до сихъ поръ; только теперь народъ передѣлываетъ уже его корень, а не одно только окончаніе. Вся окрестная страна называетъ Гдовъ уже не Гдовомъ, а Вдовомъ, и Гдовскій уѣздъ—Вдовскимъ. Разумѣется, эти названія Вдовъ и Вдовскій понятнѣе и сручнѣе русскому человеку, чѣмъ Гдовъ и Гдовскій. Что область Гдова принимала участіе въ доисторической жизни сѣверной Россіи, на это мы имѣемъ указаніе въ многочисленныхъ тамошнихъ курганахъ, изъ коихъ нѣкоторые разрыты и въ нихъ найдены арабскія и англо-саксонскія монеты VIII, IX и X вѣка, какъ въ курганахъ Оки и Волги ²⁾. Такимъ образомъ скандинавскія саги знаютъ древнѣйшую Русь, подчасъ быть можетъ, лучше, нежели наши собственные древнѣйшіе источники.

¹⁾ По мнѣнію Далина, Holmgard происходитъ отъ шведскаго слова Holm—островъ, такъ что Holmgardus значить островной городъ. Штраленбергъ думаетъ, что самое Holmgard, Holmgardus есть передѣланное восточное Ulimarogia. Ulima по восточски значить верхняя земля, а rogia названіе страны къ югу отъ Финскаго залива и къ востоку отъ Пейпуса. См. Nord- und Ostliche Theile Europas, стр. 95 и 167.

²⁾ См. *Гдовско-Ямбургскій Листокъ*, 1872 г., №№ 3 и 15.

Они знают и о торговлѣ (сага объ Олафѣ Святѣ) древней Руси, чего нашъ лѣтописецъ и не подозрѣвалъ. Приведенныя выше названія Финна Ростіофа, совѣтовавшаго Одину жениться на дочери Русскаго царя, и русской горы Анафіала, судя по всему, едва ли могутъ быть отнесены къ вымышленнымъ. Ростіофъ папоминаетъ названіе города Ростова, а Анафіалъ—названіе того Анфала, который въ XIV вѣкѣ былъ сторонникомъ Василья Дмитріевича въ Двинской землѣ. Въ разказѣ Саксона Граматика о войнахъ Фротона въ Россіи Руссы представляются народомъ мореходнымъ, хотя и уступающимъ въ искусствѣ Скандинавамъ. Представленіе Руссовъ моряками согласно съ дѣйствительностью, съ положительными свидѣтельствами русскихъ, арабскихъ и византийскихъ писателей. Гунны Саксона Граматика, которымъ Руссы сначала были союзниками, и къ которымъ они находились, по видимому, въ подчиненномъ отношеніи, а потомъ обратили свое оружіе противъ нихъ, судя по всему, были никѣмъ другимъ, какъ Хозарами, неискусными въ мореплаваніи; и этотъ разказъ Саксона Граматика объясняетъ намъ темное извѣстіе лѣтописи о томъ, что Славянскія племена Россіи платили дань Хазарамъ; разказъ саги Гаугнурольфовой о Гардскомъ царѣ Гертрюггѣ, который семь лѣтъ воевалъ въ странѣ, орошаемой Западною Двиной, объясняетъ намъ это возстановленіе государства съ двумя народностями, безъ сомнѣнія, лучше, чѣмъ разказъ нашего лѣтописца о томъ, что Рюрикъ раздавалъ своимъ мужамъ не принадлежавшія ему города и между прочимъ Полоцкъ. Наконецъ, самое представленіе сагъ объ особенностяхъ страны Руссовъ прямо говоритъ, что слагатели сагъ знали ее, были въ ней, а не придавали ей сказочнымъ образомъ всякія на удачу взятая свойства. Русскія рѣки такъ широки, что на нихъ умѣщаются цѣлыя флоты, которые здѣсь же на рѣкахъ вступаютъ между собою въ битву. Скандинаву, не бывшему въ Россіи, не можетъ въ голову прійти такое представленіе о рѣкѣ, потому что въ своихъ странахъ—въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, онъ не видалъ такихъ рѣкъ; тамошнія рѣки отличаются самыми ограниченными размѣрами даже тамъ, гдѣ они текутъ по приморской низменности и впадаютъ въ море.

Вообще, чѣмъ болѣе мы изучаемъ саги, тѣмъ у насъ является болѣе довѣрія къ нимъ, въ томъ разумѣется смыслѣ, что они, будучи народнымъ преданіемъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ подъ собою историческую основу,—что въ нихъ за мѣрами, хронологическими¹⁾ и генеа-

¹⁾ Въ сагахъ собственно хронологіи нѣтъ; но тѣмъ не менѣе событія причастъ CLXXXV, отд. 2.

логическими невѣрностями, преувеличеніями и даже искаженіями можно все-таки найти историческую истину.

Попробуемъ теперь извлечь изъ сагъ какое-нибудь указаніе относительно занимающаго насъ предмета, то-есть, относительно положенія древнѣйшей Россіи. Начнемъ съ безспорнаго. По общепринятому мнѣнію, саги знаютъ нашу сѣверную Русь въ доисторическое, такъ называемое „дорюриковское время“, но знаютъ ее подъ именемъ Holmgard, Гардарикія, Гардовъ, что совершенно справедливо, знаютъ они здѣсь города Голмгардъ и Альдейгиобургію. Что это за имена? Альдейгиобургія, это Ладога, въ этомъ всѣ согласны. Голмгардъ есть Новгородъ. Но почему же Новгородъ такъ назывался? Имя Голмгардъ скорѣе напоминаетъ Холмогоры, гор. Холмъ Псковской губерніи, или Красный Холмъ, Тверской. Выше мы привели мнѣніе Штраленберга, что оно есть ничто иное какъ измѣненное эстонское Цімагузіа—верхняя Россія. Во всякомъ случаѣ имя Голмгардъ не есть туземное; имя Новгородъ, судя по смыслу слова Ulma, Ulmagogia, также не можетъ быть туземнымъ именемъ его. Равнымъ образомъ имя Гардарикія, Гардарикъ не было туземнымъ въ странѣ. Оно образовано изъ шведскихъ корней Gard и rik, и значитъ страна городовъ. Скандинавы в Константинополь звали Miklagard, что значитъ великій городъ,—подобно нашимъ предкамъ, которые также не употребляли подлиннаго, туземнаго имени этого города, а звали его Царьградомъ. Самое имя Голмгардъ для Новгородъ было не всеобщимъ на скандинавскомъ сѣверѣ. По словамъ Штраленберга, такъ называли его только Шведы, Датчане же звали его Austrogard, что значитъ восточный городъ. И если впоследствии въ скандинавской литературѣ, въ сагахъ имя Holmgard получило преобладаніе, то безъ сомнѣнія, только потому, что сношенія Шведовъ съ древнѣйшею Россіей были болѣе часты, чѣмъ сношенія Датчанъ.

Далѣе названіе Голмгардъ и Гардарикія очень древни: они употребляются въ самыхъ древнихъ сагахъ. А между тѣмъ Новгородъ былъ городомъ новымъ: онъ очевидно получилъ преобладаніе надъ какимъ-то старымъ городомъ. Принадлежало ли имя Holmgard только новому городу, или оно принадлежало и старому? Перенесеніе названій съ однихъ городовъ на другіе или съ однихъ странъ на другія

урочиваются къ извѣстнымъ царствованіямъ, чрезъ что они приурочиваются и къ извѣстному времени. Допускаемъ, что это приурочиваніе въ большинствѣ даже случаевъ не вѣрно.

у Скандинавовъ было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Такъ, въ позднѣйшее время они Россіей называли придиѣпровскую Русь, а въ древнѣйшее время, какъ мы покажемъ, совсѣмъ другую страну. Кетрордъ, позднѣйшее имя Кіева, также первоначально относилось къ странѣ, лежавшей далеко отъ Кіева, въ Финляндіи. Безъ сомнѣнія, и на Новгородъ подобнымъ образомъ было перенесено имя Голмгардъ съ какого-то другаго города. Далинъ говоритъ, что Голмгардомъ первоначально называлась вся страна, лежащая между озерами Ладожскимъ и Пейпусомъ.

Спрашивается: какое же было собственное названіе этой страны въ древнѣйшее время? Нашъ лѣтописецъ даетъ ей названіе страны Славянъ; но такое названіе она могла имѣть только въ позднѣйшій періодъ до-рюриковской эпохи, когда Славяне проникли уже сюда, что не могло относиться къ очень древнему времени. Выселеніе Славянъ съ Дуная въ Россію относятъ къ половинѣ VII вѣка ¹⁾. Трудно думать, чтобы раньше, чѣмъ въ сто лѣтъ, съ Дуная они могли достигнуть до береговъ Ильменя, стало быть—поселеніе ихъ въ этой странѣ не могло быть ранѣе половины VIII вѣка, а по всей вѣроятности его нужно отодвинуть и еще на полустолѣтіе, такъ что появленіе Славянъ въ странѣ Приильменской, по всей вѣроятности, не восходитъ далѣе начала IX вѣка. А до того времени здѣсь могла жить только одна народность финская. И до сихъ поръ еще она живетъ и на западъ, и на сѣверъ, и на востокъ, и даже на югъ отъ Ильменя. Стало быть, страню Славянъ эта мѣстность не могла называться. До подлиннаго древнѣйшаго имени ея насъ доведетъ то названіе, которое по преимуществу даютъ ей саги. Голмгардъ есть ничто иное, какъ передѣланное Скандинавами на свой ладъ Ulmaugia. Съ этимъ мнѣніемъ Штраленберга согласны и самъ Далинъ, и Ире ²⁾. Ulma по эстонски значитъ верхняя страна, а Rugia—это подлинное названіе этой страны. Такъ именно думаютъ Штраленбергъ, Далинъ и Ире. Но Rugia есть дѣйствительное названіе этой страны, узнанное Скандинавами отъ Эстовъ; это, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ изъ эстонской прибавки къ нему Ulma. И очень естественно, что Скандинавы сначала узнали ближайшую къ себѣ страну Эстонию и отъ жителей ея узнали о слѣдующей сосѣдней съ нею странѣ, Руги. Эта „Ругія“ есть ничто иное, какъ измѣненное на эстонскій ладъ Русь, Руса, Руссія. Каковъ бы

¹⁾ Эверса Предвар. изслѣдованія, главы I и II.

²⁾ См. Glossarium Sveogothicum подъ словомъ Holmgard.

ни былъ дѣйствительный корень слова Русь, но несомнѣнно то, что онъ совпадаетъ съ финскимъ корнемъ, обозначающимъ красный цвѣтъ. Въ финскомъ языкѣ существуютъ слова: *guskia* — блѣднокрасный, *gusko* — темнокрасный, *guzorra* — тоже темнокрасный. Повторяемъ, отъ чего бы ни происходило слово Русь, но въ представленіи обитателей ея Финновъ теперь, какъ и прежде, понятіе ея должно тѣсно связываться съ понятіемъ о красноватомъ цвѣтѣ, какъ напримѣръ, съ понятіемъ о Черниговѣ связано понятіе о черномъ цвѣтѣ, съ понятіемъ о городахъ Бѣлевѣ, Бѣломѣ, Бѣльскѣ понятіе о бѣломъ цвѣтѣ, съ понятіемъ „Нѣмецъ“ понятіе о нѣмотѣ, восноязычїи, невнятности.

Связь съ словомъ Русь понятія о красномъ цвѣтѣ была тѣмъ необходимою, что обитатели ея, по свидѣтельству несомнѣнныхъ историческихъ указаній, отличались русымъ цвѣтомъ своихъ волосъ. Такъ представляютъ ихъ арабскіе писатели, также представляли ихъ себѣ и Греки, которые самое названіе Рѹси производили отъ *ροσος* — красный, такъ какъ корень, обозначающій красный цвѣтъ и въ греческомъ и въ финскомъ языкѣ, одинъ и тотъ же *rus* ¹⁾). Отъ Грековъ заимствовали это представленіе о связи между именемъ Русь и краснымъ цвѣтомъ и латинскіе писатели, напримѣръ Ліутирандъ ²⁾). Невозможно допустить, чтобъ это всеобщее представленіе осталось чуждымъ Эстамъ, ближайшимъ сосѣдямъ Руссовъ. Но финскій корень *rus* въ эстонскомъ является въ видѣ *ruu* (*ruig*). До сихъ поръ *ruge* по эстонски значить желтый, оранжевый, то есть, тоже красноватый ³⁾). Сообразно съ этимъ и названіе *красной* страны изъ Руса, Руссія у Эстовъ измѣнилось въ Ругія. Подобное измѣненіе составляетъ не единственный примѣръ въ исторїи. Такъ въ нашемъ же народномъ названїи с измѣнилось въ *ш* (мадьярское *oroisz*, англійское *russian*—произносится *roucianz*) и въ *т* (латинское *Ruthenus*); въ названїи Французовъ ихъ собственное *с* въ другихъ языкахъ является то въ видѣ *ц* (нѣмец-

¹⁾ Онъ тотъ же самый, кромѣ того въ русскомъ (русый), нѣмецкомъ (*roll*), французскомъ (*roux, rouge*), и быть можетъ, въ латинскомъ (*ruhus* и *ruber*). Вообще въ финскомъ языкѣ много корней общихъ съ языками индо-европейскими, что и даетъ поводъ ученымъ (г. Европеусу) причислять Финновъ не къ Монгольскому, а къ Кавказскому племени.

²⁾ См. *Relatio de legatione Constantinopolitana* у *Пертца*, т. I, стр. 347 и слѣд. Русскихъ, говоритъ онъ, *Graeci a qualitate corporis rusios nominant*.

³⁾ См. *Wiedemann, Estnisch-deutsche Wörterbuch*. Филологически это измѣненіе легко объяснить даже только на одномъ корнѣ *ros*. Въ немъ с перемѣнилось и въ *ш* (рушками письмены) и въ *ж* (рыжий—*rouge*), а *ж* и *ц* извѣстно легко замѣняются другъ другомъ.

кое Franzone, русское Французъ), то въ ч (италианское francese, английское french), то въ з (Византийское φραγγος).

Эта примѣняемость народныхъ именъ въ языкахъ другихъ народовъ приводитъ насъ еще къ одному факту, по видимому не лишнему слысла, но совсѣмъ оставляемому безъ вниманія учеными. Иорнандъ въ числѣ другихъ сѣверныхъ народовъ, покоренныхъ Германрихомъ упоминаетъ Rosas. Кто такіе эти Росае? Чтѣ это за имя, одинъ разъ появившееся въ исторіи и потомъ исчезнувшее? Это, очевидно, тѣ же самыя обитатели Руссін, Россін, Ругін. Слово Росае, Роце ужъ никакъ не дальше отъ слова Россы, Руссы, чѣмъ Руотци. И если слова Руотци отождествляли съ Россъ, Руссъ, то конечно, еще съ большимъ правомъ можно отождествлять Росае и Россы ¹⁾.

Далѣе, въ средневѣковыхъ нѣмецкихъ хроникахъ предки наши называются то Руссами, то Ругами, Rugi. Такъ между прочимъ Ольга называется regina Rugorum. Откуда это имя? Иначе какъ изъ эстонскаго Rugia, rug, равнаго финскому rus, его объяснить нельзя.

Такимъ образомъ древнѣйшее имя сѣверной финской Руси, подлинное названіе ея—Русь, съ измѣненіями его, легко объясняемыми,

¹⁾ Замѣчательно еще то, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ это Rosas и слѣдующее за нимъ слово Tadzans являются въ другомъ видѣ, именно Roscathaisantes; въ одномъ изданіи есть просто Cathaisantes. Чтѣ это за Катезанты или Роскатезанты? Cathaisantes очень напоминаютъ греческое καθίζοντες, чтѣ латинскими буквами слѣдовало бы написать Cathisantes. Если мы раздѣлимъ Roscathaisantes на два слова (на чтѣ мы имѣемъ право, потому что въ древнихъ рукописяхъ слова стояли слитно, и издатели по своимъ соображеніямъ раздѣляли ихъ, отчего и произошло въ этомъ случаѣ то, что въ одномъ изданіи мы читаемъ два слова Rosas Thadzans, въ другомъ одно Roscathaisantes), то получимъ Ros cathaisantes. Древніе Германцы общій индо-европейскій коренной звукъ и передѣлывали въ ай, напримѣръ, вмѣсто латинскаго и русскаго tri у нихъ является trei (drei), вмѣсто они wein, вмѣсто сви, сви—schwein. Слѣдуя этому закону Готы должны были и греческое καθίζοντες передѣлать въ Cathaisantes. Такимъ образомъ Roscathaisantes получаетъ смыслъ; это греческое Ῥῶς καθίζοντες; Русь сидячая, осѣдлая, чтѣ тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что Грекамъ известна и Русь бродячая Ῥῶς ὄρισταί, и намъ кромѣ того известно, что Русь дѣйствительно раздѣлялась на двѣ части: одна на средней Волгѣ и нижней Окѣ была осѣдлая, отъ которой намъ осталось множество городищъ и кургановъ, другая на Азовскомъ морѣ, Тамани, бродячая, по преимуществу грабительская, которая появлялась въ своихъ набѣгахъ то въ Персін, то въ Крыму, то въ Малой Азін, Русь, не составлявшая даже народа, а бывшая сбродомъ удалцовъ, которымъ не нравилась сидячая жизнь на Окѣ и Волгѣ. Отъ этой Руси, по всей вѣроятности, произошли Бродяжки, загадочная дружина, которой существованіе однако не подлежитъ сомнѣнію.

пробивается наружу вездѣ. Существованіе его объясняетъ намъ и то, почему въ исторіи Саксона Граматика ей не дается другаго имени. Саксонъ Граматикъ писалъ на основаніи сагъ. Въ нихъ сѣверная Россія большею частью называется Голмгардъ. Но онъ это Голмгардъ почти вездѣ передѣлалъ на Россію. Онъ правильно понялъ истинное положеніе дѣла. У него Голмгардъ только часть Россіи наравнѣ съ Кепугардомъ; и имя это оставлено только тамъ, гдѣ идетъ дѣло именно только о части, а гдѣ дѣло касается всей страны, тамъ она называется Russia, при чемъ само собою разумѣется, что и Голмгардъ былъ тою же самою Россіей, частью ея. И Саксонъ Граматикъ имѣлъ для этого достаточныя причины, такъ какъ даже въ уцѣлѣвшихъ сагахъ (а Саксонъ Граматикъ зналъ ихъ больше, чѣмъ сколько дошло до насъ) собственное имя Руси не разъ пробивается наружу. Въ сагѣ объ Эгилѣ Сухорукѣмъ говорится: „Былъ царь по имени Гертрюгъ, который владѣствовалъ на востокѣ въ Россіи; это страна обширная и замѣчательная множествомъ жителей, лежащая между Гардорикией и Гупаландіей“¹⁾. Здѣсь Русь отличается отъ Гардарика. И еслибы мы не знали никакого другаго отношенія между этими двумя странами, то мы такъ и считали-бы ихъ за двѣ отдѣльныя страны; но такъ какъ мы изъ Саксона Граматика знаемъ, что Голмгардъ былъ частью Россіи, и кромѣ того, знаемъ мнѣніе наиболѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ ученыхъ, что въ самомъ словѣ Голмгардъ скрывается названіе Руги, что, какъ мы видѣли есть ничто иное, какъ та же Русь,—то мы и поставлены въ необходимость согласить это противорѣчіе. Согласить его не трудно. Извѣстно, что названія многихъ странъ употреблялись и въ болѣе обширномъ, и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Такъ, древняя Персія имѣла два такія названія: Персія въ обширномъ смыслѣ была страню отъ Архипелага до бассейна Инда, и Персія въ тѣсномъ смыслѣ была только страню къ сѣверо-востоку отъ Персидскаго залива. Эллада въ общемъ смыслѣ была вся страна отъ Олимпа до Матапана, Эллада въ тѣсномъ смыслѣ была страна отъ хребта Эты до Коринтскаго залива; была и во Франціи особенная Франція въ тѣсномъ смыслѣ, герцогство Франція, владѣніе Гуго Капета, и т. д. Въ наше время еще строго различается Китай въ обширномъ смыслѣ, и Китай въ тѣсномъ смыслѣ, равно какъ Персія въ обширномъ смыслѣ. То же было и въ древней Руси. Древняя Русь въ обширномъ смыслѣ занимала всю страну Финскаго племени отъ

¹⁾ Ant. R., стр. 212.

Наровы ¹⁾ до страны Булгаръ и Буртасовъ и до Азовскаго моря, а Русь въ тѣсномъ смыслѣ—только страну средней Волги и нижней Оки, которая и была первоначальною Русью. Исходя изъ этого, мы легко поймемъ слова и Саксона Граматика, и саги объ Эгилѣ Сухорукомъ; противорѣчiе между ними соглашается. Сага говоритъ о Руси въ тѣсномъ смыслѣ, Саксонъ Граматикъ—о Руси въ смыслѣ обширномъ.

Другое мѣсто сагъ, гдѣ является Русь подъ собственнымъ именемъ, находится въ сагѣ о Галерданѣ сынѣ Эйстена, гдѣ говорится такъ: „Однажды случилось, что погибъ большой купеческій корабль, бурей пронесенный мимо Балагардскихъ береговъ съ востока, такъ что никто изъ людей послѣ того не былъ отысканъ; почему и говорили, что корабль былъ разбитъ бурей. Но потомъ въ ту же осень случилось, что ко двору пришли два человѣка высокаго роста, но бѣдно одѣтые. Они имѣли на головахъ опущенныя шляпы (demissos petasos), и потому лицъ ихъ хорошо разглядѣть было нельзя. Они подходятъ къ царю Эйстену Альдейгиборгскому и почтительно привѣтствуютъ его, такъ какъ онъ былъ вообще привѣтливъ, и на вопросъ его, кто такіе, отвѣчали, что оба они называются Гримами, родомъ изъ Россіи, и въ кораблекрушеніи потеряли свое имущество“. Мѣсто это извѣстно и защитникамъ норманской теоріи. И. Д. Вѣляевъ еще въ 1852 году обратилъ на него вниманіе, равно какъ и на слова саги объ Эгилѣ Сухорукомъ о положеніи Россіи между Гардарикіей и Гуналандіей, и оба эти мѣста онъ старался истолковать въ пользу норманской теоріи, находя, что въ нихъ имя Руси придается той странѣ великановъ Rizaland, которая упоминается въ сагахъ и находилась будто бы по обоимъ берегамъ сѣверной части Вотническаго залива; но въпервыхъ, это страна чисто мионическая, во вторыхъ, въ сагахъ сама она представляется не принадлежащею къ скандинавскому міру; она была только покорена Скандинавами, а своего имени имъ не передала. Впрочемъ, Вѣляевъ пришелъ только съ подкрѣпленіемъ къ мысли, первоначально высказанной другимъ, именно Бутковымъ. Бутковъ первый указалъ на Rizaland, какъ на родину Несторовой Руси, утверждая, что страна эта, которой имя означаетъ ничто иное какъ страна великановъ, первоначально называлась страню Руссовъ—Russaland, и не подѣляя однако ничѣмъ своего положенія. Въ дѣйствительности въ сагахъ имя Россіи, Russia

¹⁾ Нарова въ древности называлась Нерова; тутъ ясенъ тотъ же самый корень, какъ и въ названіи озера Неро, а окончаніе на по фински значить вода.

или Ryzaland строго отличается отъ имени Rizaland; и Rizaland не только не есть позднѣйшее имя, а напротивъ древнѣйшее. Оно сначала замѣняется именемъ Ютунгейма, а потомъ нынѣшнимъ названіемъ страны Финляндія, а имя Ryssaland, Ryzaland, употребляясь изрѣдка въ древнихъ сагахъ, впоследствии становится постояннымъ именемъ нашего отечества.

И трудно допустить, чтобы изъ двухъ именъ, изъ которыхъ одно соответствуетъ этнографическому составу страны Ryssland, страна Руссовъ, а другое носить на себѣ явно легендарный характеръ, какъ Rizaland, страна великановъ,—трудно допустить, чтобы дѣйствительное этнографическое имя было вытѣснено изъ употребленія легендарнымъ, мифическимъ. Изъ самой сущности дѣла слѣдуетъ, что оно должно было идти обратнымъ путемъ. Именно первыя, древнѣйшія представленія народовъ о чужихъ странахъ и народахъ, отличаются мифическимъ характеромъ, какъ представленія Грековъ о Пигмеяхъ, блаженныхъ Гипербореяхъ или Амазонкахъ, или представленіе нашихъ предковъ о Самоѣди, живущей внутри горъ. Съ теченіемъ времени представленія эти очищаются, разъясняются; соответственно этому и мифическія имена странъ замѣняются этнографическими. Именно такъ было и у Скандинавовъ. Въ сагѣ о Гейдрекѣ Премудромъ говорится, что сѣверная Финляндія, какъ передается въ древнихъ книгахъ, прежде называлась Ютунгеймомъ, то-есть, страню великановъ. Стало быть, потомъ это имя вышло изъ употребленія; а замѣнившее ее имя Финляндія есть ничто иное какъ имя этнографическое.

Основаніе, на которомъ Бѣлиевъ и Бутковъ строили свое мнѣніе о томъ, что въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ слово Руссія относится къ скандинавской Россіи, къ Ризаланду, состоитъ въ томъ, что въ сагахъ подъ именемъ Гуналандіи разумѣется страна, извѣстная впоследствии подъ именемъ Обонежской пятины. Въ такомъ случаѣ сѣверная Финляндія, дѣйствительно, если и не находилась бы между Гардаракіей и Гуналандіей, то по крайней мѣрѣ граничила бы съ ними. Но дѣло въ томъ, что это мнѣніе ни на чемъ не основано и противорѣчитъ дѣйствительности. Гуналандіей никогда не называлась страна, лежащая около Онежскаго озера. Издатели историческаго сборника *Scriptores rerum Islandorum* (то-есть, Копенгагенское общество сѣверныхъ антикваріевъ, составленное изъ людей, безъ сомнѣнія, въ цѣломъ мѣрѣ наиболѣе компетентныхъ относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся древней скандинавской литературы),

слово Hunaland, Гунландія, производятъ отъ двухъ народовъ Гунновъ и Гундовъ, „которые жили на Волгѣ“¹⁾. Здѣсь же въ сосѣдствѣ Булгаръ и Хозаровъ была черная гора, „myrkvidr ille Norþan-pogum“. Но этотъ народъ Гунны, который учеными издателями названнаго сборника отождествляется съ Квенами, Kvenir, или по датски Kveneg, потомъ переселился въ другія страны, въ Квенландію, лежащую къ сѣверу отъ Швеціи въ собственномъ смыслѣ, и въ Германію. Вслѣдствіе того и эти страны въ позднѣйшихъ сагахъ также называются Hunaland. Или, быть можетъ, говорятъ ученые издатели, „имя Гунландъ было только перенесено на другіе народы“, то-есть, на Квеновъ и жителей сѣверной Германіи. Это послѣднее мнѣніе гораздо правдоподобнѣе перваго: Квены, во всякомъ случаѣ, народъ не многочисленный и никогда не имѣвшій какого-нибудь особаго значенія въ средѣ сосѣдей, не могъ на предполагаемомъ прежнемъ своемъ мѣстѣ быть столь многочисленнымъ и сильнымъ народомъ, какимъ онъ представленъ у Саксона Грамматика. Повторяю, самое переселеніе его изъ страны сосѣдней Болгарамъ и Хозарамъ, изъ страны съ хорошимъ климатомъ и почвою, въ безплодную сѣверную часть нынѣшней Швеціи или Германіи представляется невозможностью; обыкновенно въ противоположномъ направленіи двигались переселявшіеся въ то время народы. Готы пришли изъ предѣловъ Балтійскаго моря въ южную Россію. Нѣмецкія племена, двинувшіяся въ великое переселеніе, также все искали лучшихъ странъ и богатствъ, накопленныхъ южными народами, жившими подъ вліяніемъ древней цивилизаціи. Ничего подобнаго не представляли ни сѣверная Швеція, ни сѣверная Германія. Гораздо вѣроятнѣе, что древніе Гунны скандинавскихъ сагъ были дѣйствительные Гунны, которые первоначально сдѣлались извѣстны Европѣ, живя на юго-востокѣ Россіи. А потомъ когда Скандинавы потеряли слѣды ихъ, имя ихъ было перенесено на Квеновъ и на какихъ-нибудь жителей сѣверной Германіи.

Во всякомъ случаѣ имя Гунландъ никогда не принадлежало странѣ около Онежскаго озера. А въ приведенныхъ строкахъ изъ саги объ Эгилѣ Сухорукомъ ихъ нельзя относить ни къ сѣверной Германіи, ни къ сѣверной Швеціи, потому что тутъ рѣчь идетъ о странѣ, лежащей на востокѣ, гдѣ царствовалъ Гертрюггъ. Подъ восточными странами саги разумѣютъ всегда только страны, лежащія къ востоку отъ Балтійскаго моря. Такъ смотреть на дѣло и издатели Scripto-

¹⁾ См. т. XII, стр. 293.

rum regum Islanduorum. Когда идетъ рѣчь о Гуналандіи и при этомъ прибавляется „на востокѣ“, ab oriente, въ такомъ случаѣ, говорятъ они, Hunalandia sedem suam antiquissimam recuperat ¹⁾, то-есть, въ такомъ случаѣ подъ нею должна быть понимаема эта древняя Гуналандія, лежащая на юго-востокѣ Россіи, такъ что въ приведенномъ мѣстѣ саги Россія, лежащая между Гардарикіей и Гуналандіей, должна лежать прямо за границами Гардарикіи къ юго-востоку. Если мы положимъ, что Гардарикія обнимала страну, лежащую по бассейну Ильменя, то-есть, по притокамъ его Мстѣ, Ловати, Шелони, и доходила до водораздѣльной линіи между бассейнами Ильменя и Волги, то прямо за этою линіей къ юго-востоку должна начинаться Россія. А такъ какъ она была страной обширною и замѣчательною своимъ многолюдствомъ, то мы должны вести ее далеко. Дѣйствительно, она и будетъ обширна, если мы доведемъ ее до Гуналандіи, до юго-восточной Россіи; и въ такомъ случаѣ она займетъ все теченіе Волги, по крайней мѣрѣ до устьевъ Оки, то-есть, она обниметъ, между прочимъ, и ту мѣстность, гдѣ сохранились многочисленныя курганы и городища, именно губерніи Ярославскую, Владимірскую, Нижегородскую и сосѣднія.

Извѣстіе о кораблекрушеніи, которому подверглись два Грима, не указываетъ намъ съ такою точностію положенія древнѣйшей Россіи; но и изъ него можно вывести заключенія весьма важныя. Впервые, оно показываетъ, что имя Россіи употреблилось жителями ея раньше періода времени, извѣстнаго нашему лѣтописцу, который ничего не знаетъ о томъ времени, когда въ Ладогѣ были собственные государи. Вторыхъ, и въ этомъ извѣстіи Руссія указывается опять-таки гдѣ-то на востокѣ, а не на западѣ, не въ странѣ Rivaland, какъ толковалъ это мѣсто Вѣляевъ. По словамъ саги, погибъ купеческій корабль, пронесенный бурей мимо Балагардскихъ береговъ (navis mercatoria litus Balagardicum saeva tempestate ab oriente praeter-vecta). Дѣло идетъ, очевидно, о Ладожскомъ озерѣ. Еслибъ онъ съ востока пронесенъ былъ бурей въ Финскомъ заливѣ, то впервые, онъ, можетъ быть, и не погибъ бы, буря вынесла-бъ его въ открытое море, и тамъ по окончаніи бури онъ пошелъ бы своею дорогою. Вторыхъ, еслибъ онъ и погибъ тамъ, то людямъ, спасшимся отъ кораблекрушенія, далеко было-бъ идти въ Ладогу искать пристанища у тамошняго государя, такъ какъ бурей ихъ могло вытѣснить на

¹⁾ Тамъ же, стр. 294.

берегъ только гдѣ-нибудь у Ревеля, Гельсингфорса или Нарвы, или, наконецъ, у Стокгольма. Далѣе — все-таки тутъ же въ Ладогѣ говорили, что корабль разбитъ бурей, тутъ вообще были разговоры объ этомъ путешествіи, тутъ же всѣ думали, что всѣ пассажиры погибли въ бурѣ. Все это ясно указываетъ на то, что кораблекрушеніе случилось на Ладожскомъ озерѣ. По Ладожскому озеру его несло бурей отъ востока къ западу ¹⁾. Откуда-жь онъ вышелъ, гдѣ жили торговцы, которымъ принадлежали товары и самый корабль? Восточные берега Ладожскаго озера, равно какъ берега рѣкъ, впадающихъ въ него съ востока и юго-востока, Свири и Сяси, никогда не были населены торговымъ и многочисленнымъ населеніемъ. Но и Свирь, и Сясь посредствомъ очень незначительныхъ волоковъ, верховьями своими соединены съ системами Шексны и Мологи, гдѣ теперь существуютъ каналы Маріинскій и Тихвинскій. А Шексна и Молога ведутъ прямо въ сердце древнѣйшей Руси, въ ту самую мѣстность, гдѣ сохранилось такъ много кургановъ и городищъ, въ южную половину Ярославской губерніи. Погибшій на Ладожскомъ озерѣ большой купеческій корабль и шелъ оттуда, и торговцы, которые везли товары, оказались родомъ изъ Руси. Ясно, что Русь была гдѣ-нибудь за Ладожскимъ озеромъ, такъ что вѣдущіе оттуда въ Финскій заливъ должны были переѣзжать озеро; къ ней, къ этой Руси, вели рѣки, впадающія въ Ладожское озеро или въ озеро Онежское. Такое положеніе именно и занимаетъ та древняя Русь, богатство которой, прибрѣтенное черезъ торговлю, открываютъ намъ курганы, которая несомнѣнно находилась въ торговыхъ связяхъ не только съ востокомъ, но и съ западомъ, потому что въ курганахъ найдены германскія и англо-саксонскія монеты, и вещи, открытыя тамъ, мечи, сѣкиры, пряжки, по мнѣнію археологовъ, были, между прочимъ, западной работы.

Есть и еще нѣкоторыя указанія на древнюю Русь, находившуюся въ нынѣшней сѣверной Россіи, которыя мы находимъ въ скандинавскихъ источникахъ. Отъ XII вѣка сохранилась любопытная исланд-

¹⁾ Замѣчательно, что на берегу Ладожскаго озера, именно къ востоку отъ устья Волхова, существуетъ село Вѣлый Костеръ (См. карту Ладожскаго озера, изд. военно-топографическаго депо). Костеръ на языкѣ оееней значитъ городъ (сравни византійское *кастроу*), такъ что въ переводѣ на русскій Вѣлый Костеръ будетъ значить Вѣлый городъ; то же самое значитъ и шведское Гардъ, и *Bälagaŕd* есть тотъ же Вѣлый городъ. Языкъ оееней, равно какъ ихъ торговля, по видимому, служатъ остатками языка и торговли древнихъ Руссовъ.

ская карта земнаго круга (не шара, а именно круга, orbis terrarum), воспроизведенная въ *Antiquités russes*. Это карта не въ нашемъ смыслѣ, а карта въ смыслѣ того времени. Земли представлена какъ кругъ, раздѣленный на три части Европу, Азію и Африку. Въ Европѣ сѣверныя страны представлены ближе къ окружности круга, южныя ближе къ центру. Но чертежей нѣтъ, а гдѣ картографъ предполагаетъ мѣсто страны, тамъ написано только ея имя. На самомъ сѣверѣ съ западной стороны написаны *Tile* (то есть, *ultima Thule*) и Исландія, на сѣверо-востокѣ *Bearmia*, далѣе къ югу въ одномъ мѣстѣ другъ за другомъ—*Norvegia*, *Gotland*, *Svecia* и *Rossia* и *Scythia frigida*, — потому еще далѣе къ югу послѣ нѣкотораго промежутка *Kio*, то есть, *Kiuvia*, *Kiev*, какъ объясняетъ Рафнъ. Отсюда прямой выводъ тотъ, что древнюю Русь Скандинавы представляли на сѣверѣ далеко отъ Кіева и близко отъ Готланда и Швеціи. Собственно говоря, еслибы наши норманисты нашли гдѣ-нибудь въ скандинавской литературѣ хоть какой-нибудь намекъ на норманскую Русь, то тутъ было бы подтвержденіе ихъ теоріи. Но такъ какъ они такого намека не нашли, и весьма основательно совсѣмъ отказались отъ исканія Руси норманской, то Русь исландской карты и не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ нашею русскою Русью, но не южною, а сѣвальною. Она лежитъ далеко отъ Кіева, и близко отъ Швеціи. И достойно вниманія то, что такое представленіе о положеніи Руси имѣли въ скандинавскомъ мѣрѣ именно въ то время, когда у насъ самихъ имя Руси по преимуществу давалось югу, странѣ, лежащей по Днѣпру. Въ это время скандинавскій источникъ эту страну *Kiuvia* совсѣмъ выдѣляетъ изъ Руси, ставитъ ее далеко отъ Руси. Онъ знаетъ ее, но не называетъ Русью, а Русь полагаетъ на сѣверѣ, между Швеціей, Готландіей, съ одной стороны, и холодною Скиоіею—съ другой. Это, по видимому, противорѣчитъ тому, что въ другихъ скандинавскихъ источникахъ того же времени, именно въ сагѣ объ Олафѣ Тригвессонѣ, имя Руси дается Кіеву, а сѣверная Русь называется Гардарикіей ¹⁾. Но въ сагѣ объ Олафѣ Тригвессонѣ разсказывается, что самъ онъ былъ въ Кіевѣ во время Владиміра Святаго. Стало быть, онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и слагатель саги, должны были знать, что Кіевъ дѣйствительно въ то время назывался Русью. А исландская карта XII вѣка составлена на основаніи древнѣйшихъ свѣдѣній Скандинавовъ о восточныхъ странахъ. Въ X и XI вѣкахъ Исландія составляла особый скандинав-

¹⁾ *Ant. R.*, т. I, стр. 211.

скій міръ, жившій своею жизнью и не принимавшій участія въ дѣлахъ своей метрополіи Скандинавіи. Въ то время Исландцы направили дѣятельность свою въ другую сторону, въ Америку, гдѣ до сихъ поръ сохраняются ихъ постройки съ руническими надписями. И потому въ исландской картѣ XII вѣка нельзя видѣть ничего другаго, кромѣ представленія Исландцевъ о Россіи, относящагося къ IX вѣку и даже къ вѣкамъ предыдущимъ. Еслибы карта была составлена на основаніи Скандинавовъ о Россіи въ X, XI и XII вѣкахъ, то мѣсто Россіи было бы тамъ, гдѣ помѣщенъ Кіевъ, и самъ Кіевъ не былъ бы исключенъ изъ нея.

На этомъ мы и остановимся въ изученіи скандинавской литературы, и сдѣлаемъ теперь выводы изъ всего предыдущаго.

Скандинавскія саги знаютъ Русь гораздо раньше половины IX вѣка, называютъ ее этимъ именемъ и помѣщаютъ къ востоку отъ бассейна Ильмена, между этимъ бассейномъ и нижнею Волгою, то есть, тамъ же, гдѣ помѣщаютъ ее и арабскіе писатели.

Руссовъ Скандинавы знаютъ какъ мореходовъ, какъ грабителей и какъ торговцевъ, то есть, также, какъ ихъ представляли и арабскіе писатели.

Скандинавы то воевали, то мирились съ Руссами, наконецъ, стали вступать къ нимъ въ службу, какъ видно изъ саги объ Олафѣ Тригвесонѣ, и въ особенности, изъ Эймундовой саги и нѣкоторыхъ другихъ, что могъ узнать и нашъ лѣтописецъ. Содержанія этихъ сагъ мы не приводимъ, такъ какъ онѣ и безъ того имѣютъ общую извѣстность, и смыслъ ихъ одинаково всѣми понимается.

Что касается до положенія древнѣйшей Россіи, или другими словами, что касается до древнѣйшаго имени нашего отечества, наиболѣе компетентные ученые, изучавшіе литературу сагъ, извлекли изъ нея именно то мнѣніе, что оно въ самой глубокой древности называлось Россіей, Руссіей, Русью; стало быть, это имя ея не заимствовано ни откуда. Такъ именно говоритъ Штраленбергъ ¹⁾. Также говоритъ и Сумъ; по его словамъ „эта (то есть, древнѣйшая) Россія должна находиться въ срединѣ нынѣшней Россіи, и очень вѣроятно, что нынѣшняя Рязань есть ея остатокъ (Ueberrest davon) ²⁾“. Вспомнимъ

¹⁾ «Und hieraus wird nun zu erscheinen, dass unter allen diesen Nahmen sonderlich bei denen National-Einwohnern keiner mehr gebräuchlicher und älter gewesen, als der Name Russia». Das Nordöstliche Europe, стр. 170.

²⁾ Geschichte der Däner. Переводъ Gräter'a, Leipzig, 1803, I, 224.

при этомъ Арваніе арабскихъ писателей, которыхъ Сумъ не зналъ. Безъ ихъ помощи онъ пришелъ къ своему выводу! Вспомнимъ при этомъ еще разъ Саксона Грамматика. Онъ также былъ замѣчательнымъ ученымъ своего времени. И по его мнѣнію, основанному на сагахъ, наше отечество также первоначально называлось Русью; стало быть, этого имени оно ни откуда не заимствовало. Только позднѣйшіе скандинавскіе ученые, которымъ, какъ и нѣмецкимъ ученымъ, поправилась та мысль, что Россія ведетъ и свое начало, и свое имя изъ Скандинавіи, повѣрили ученіямъ нашихъ норманистовъ, будто Россія получила свое имя и своихъ первыхъ государей изъ Швеціи. И трудно было имъ не повѣрить этому. Имъ говорили, что эти факты сообщаетъ нашъ лѣтописецъ, а лѣтопись безспорно по идеѣ своей болѣе достовѣрна, чѣмъ сага. Быть можетъ, до нихъ дошло, что нашъ лѣтописецъ былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій, какъ утверждаетъ г. Погодинъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ предпочесть извѣстія сагъ извѣстіямъ очевидца-лѣтописца! Мы теперь достаточно знаемъ, какой очевидецъ и какой лѣтописецъ былъ Несторъ. Лѣтописцемъ и отчасти очевидцемъ онъ былъ только для времени внуковъ и отчасти сыновей Ярослава. А для княженія Ярослава онъ уже не лѣтописецъ, а собиратель преданій. Касательно же предыдущихъ княженій онъ не имѣлъ другихъ источниковъ, кромѣ преданій, весьма далекихъ отъ полноты и вѣрности. А о призваніи князей изъ-за моря, по всей вѣроятности, и самъ-то онъ не имѣлъ никакого представленія, и сказка эта сочинена впоследствии. Но скандинавскіе ученые заимствовали отъ нашихъ норманистовъ другой взглядъ на нашу начальную лѣтопись. Не смотря на то, и они не могутъ закрыть глаза передъ тѣмъ фактомъ, что въ сагахъ древнѣйшая Россія называется не только Гардарикомъ, но и Россіей, и они должны признаться, что на основаніи сагъ отечествомъ Одина была не Гардарикія, а Россія¹⁾. И Россія эта была близъ верховьевъ Дона, то-есть почти тамъ же, гдѣ ее полагаетъ и Сумъ.

Заключу эту часть моего изслѣдованія краткимъ сравненіемъ скандинавскихъ сагъ и нашей начальной лѣтописи, какъ источниковъ для исторіи древнѣйшей Руси. Какой изъ этихъ источниковъ содержитъ въ себѣ болѣе достовѣрныя и полныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ ея? Самая постановка этого вопроса въ глазахъ норманиста покажется проявленіемъ научнаго легкомыслія, а между тѣмъ, я надѣюсь представить

¹⁾ См. Antiquités Russes, I, 14.

довольно вѣсскія доказательства въ пользу того мнѣнія, что саги знаютъ первоначальную исторію гораздо вѣрнѣе и полнѣе, чѣмъ наша начальная лѣтопись.

1. Саги представляютъ древнѣйшую Россію, какъ страну торговую, въ которой собирались богатства сосѣднихъ странъ, болѣе образованныхъ. Такою она и была еще въ IX, и по крайней мѣрѣ, въ VIII вѣкѣ. Это историческая аксіома. Наша начальная лѣтопись объ этомъ ничего не знаетъ.

2. Саги знаютъ въ древнѣйшей Россіи города, которыхъ имена совсѣмъ не встрѣчаются въ лѣтописи. Лѣтопись при предполагаемомъ его началѣ государства знаетъ только Ладогу, Новгородъ, Ростовъ, Муромъ и Полоцкъ. Саги знаютъ еще Суздаль, знаютъ Гади (Гдовъ) и неизвѣстный намъ до сихъ поръ Сирнесъ. Существованіе въ нашемъ отечествѣ многихъ городовъ до половины IX вѣка есть также историческая аксіома. И можно утверждать по крайней мѣрѣ только то, что извѣстія сагъ въ этомъ случаѣ ближе къ этой аксіомѣ, чѣмъ извѣстія нашей лѣтописи.

3. Саги знаютъ, что въ этихъ городахъ были особые государи; онѣ знаютъ даже, что государи эти имѣли своимъ главой одного изъ своей среды, что подтверждается, какъ текстомъ договоровъ Ольга и Игоря, такъ и послѣдующею исторіею страны. Лѣтопись объ этихъ государяхъ ничего не знаетъ, не смотря на то, что въ нее занесены тексты упомянутыхъ договоровъ.

4. Саги говорятъ о близкихъ родственныхъ связяхъ между владѣтелями древнѣйшей Россіи и Скандинавіи. Наша лѣтопись, не зная о существованіи владѣтелей древнѣйшей Россіи, не можетъ знать и о родственныхъ связяхъ ихъ съ владѣтелями Скандинавіи. Между тѣмъ сами же норманисты женскія имена нашей лѣтописи, какъ Малфредъ, ведутъ изъ Скандинавіи, и бракъ Ярослава съ Ингигердою признаютъ какъ историческій фактъ, хотя наша лѣтопись и о немъ ничего не знаетъ.

5. Наша лѣтопись знаетъ скандинавскую Русь, такую же часть скандинавскаго міра, какъ Швеція, Норвегія или Готія. Саги не знаютъ этой Руси. И ея дѣйствительно не было.

Выводъ изъ этого тотъ, что наша лѣтопись, или точнѣе, наша сага о началѣ Русскаго государства, внесенная въ послѣдующую лѣтопись, знаетъ то, чего не было и не знаетъ того, что было. Скандинавскія саги, наоборотъ, знаютъ то, что было и не знаютъ того, чего не было.

Д. Щегловъ.